

Российская Академия Наук
Институт философии

**ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫБОРОМ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ,
РЕШЕНИЯ**

Материалы Всероссийской научной конференции
27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва)

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

Москва
2015

УДК 300.312

ББК 156.56

Ч39

**Human choice in the modern world: challenges, opportunities, solutions
Proceedings of the scientific conference on October 27–28, 2015
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences (Moscow)**

Рецензенты 1–3 томов:

доктор философских наук В.И. Аршинов,
доктор философских наук М.И. Микешин

Редколлегия сборника:

М.С. Киселева, д.ф.н., проф. (ИФ РАН) — отв. ред.;
И.Л. Андреев, д.ф.н., проф. (ИФ РАН);
В.С. Диев, д.ф.н., проф. (НГУ);
В.А. Луков, д.ф.н., проф. (МосГУ);
Т.В. Чумакова, д.ф.н., проф. (СПбГУ).

Ученый секретарь: И.Ф. Михайлов, к.ф.н. (ИФ РАН)
Научный редактор 1–3 томов: С.М. Малков (ИФ РАН)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда.
Грант 15-03-14037 з*

Ч39 **Человек** перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва). В 3-х т. Т. 3 / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. М.С. Киселевой. — М.: Научная мысль, 2015. — 256 с.
ISBN 5-905-999-75

Третий том объединяет материалы двух секций: «Практики выбора человека: биоэтика, биомедицина, здоровье» и «Философия и методология в пространстве принятия решений» (4–5 части). Инетпоиск «human choice» дает больше всего ссылок на биоэтику и медицину, где выбор человека — практический вопрос, связанный со здоровьем пациента и необходимостью принятия правильного решения, за которым подчас стоит вопрос спасения его жизни. Авторы обсуждают проблемы биоэтического выбора, связи биомедицины и новых технологий, изменение практик отношений пациента и врача, вопросы здорового образа жизни, судебной медицины и др. Логическим завершением всей междисциплинарной конференции является анализ проблемы принятия решений, обсуждение того, что есть «хорошие» решения и каковы возможности их процедурного получения в разных социальных практиках человека.

УДК 300.312
ББК 156.56

ISBN 5-905-999-75

© Научная мысль, 2015
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ IV

Практики выбора человека: биомедицина, биоэтика, здоровье

Здоровье человека: риски, выбор, экспертизы в социально-культурном контексте

Павел Сидоров

Парадигма выбора в интерфейсе системы общественного сознания и ментальных эпидемий. 9

Петр Никитенко, Лариса Хрустицкая

Здоровье как осознанный выбор человека в информационном обществе: ноосферный подход 19

Игорь Андреев, Лионелла Назарова

Психические зависимости: неудержимое влечение или заболевание мозга? 27

Елена Ерохина

Биоэтические смыслы этноэкологической экспертизы. 42

Наталья Агеева

Проблема рационализации выбора в контексте эффективности терапевтического сотрудничества врача и пациента. 49

Лионелла Назарова

Адаптация школьников младших классов: выбор форм коррекции 54

Ирина Новикова, Алексей Новиков

Особенности личности и курение: существует ли свобода выбора?. 61

Ольга Сперанская, Ирина Ларина, Диана Раимова

От привычного курения — к табачной зависимости: проблема поведенческого выбора подростков. 68

Человек в мире современных биотехнологий: возможен ли выбор?

Роман Белялетдинов

Проблема выбора стратегии философского анализа биотехнологий 77

Ольга Попова

Телесноориентированные технологии: трансформация интимности 85

Елена Гребеницкова

Тезис неизбежности в биоэтике 93

Магдалена Кожевникова

«Моя криошка»: проблема «лишних» эмбрионов в ВРТ 100

Практики выбора: биоэтические и клиничко-психологические аспекты

Ольга Бермант-Полякова

Проблема выбора в конфликте лояльностей 108

<i>Андрей Березанцев, Лионелла Назарова, Игорь Андреев</i> Врач или полицейский? Дилемма судебного психиатра	122
<i>Наталья Батуева, Андрей Березанцев</i> Этнокультуральные аспекты криминальной агрессии у лиц с психическими расстройствами в Республике Бурятия	135

ЧАСТЬ V

Философия и методология: пространство принятия решений

<i>Владимир Диев</i> «Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: философские и методологические предпосылки	147
<i>Владимир Лепский</i> Субъект выбора: от классики к постнеклассике	159
<i>Елена Никитина</i> Неявное знание в структуре принятия решений: философско-методологические аспекты	168
<i>Любовь Бевзенко, Лариса Киященко</i> Проблема выбора в трансдисциплинарном контексте	176
<i>София Пирожкова</i> Выбор и знание будущего: от экзистенциальной проблемы к методологии принятия решений	185
<i>Фарида Майленова</i> Рацио и интуиция в принятии решений	193
<i>Юрий Гранин</i> Научное познание: выбор и оценка	201
<i>Сергей Малков</i> Новые информационные технологии и их влияние на человека: выбор приоритетов	209
<i>Галина Сорина</i> Коммуникация в пространстве принятия решений	219
<i>Сергей Салтыков, Елена Русяева</i> Концептуальное рафинирование теорий принятия решений	227
<i>Михаил Пронин</i> Время, которое мы выбираем	231
Аннотации	236
Abstracts	244
Авторы	252

CONTENTS

PART IV

Practices of human choice: biomedicine, bioethics and health

Human Health: risks, choice, socio-cultural expertise

Pavel Sidorov

Choice paradigm in the interface of public conscience and mental epidemics 9

Petr Nikitenko, Larisa Hrustitskaya

Health as a conscious choice of the individual in the information society: noospheric approach 19

Igor Andreev, Lionella Nazarova

Psychological dependence: an irresistible attraction or the brain disease? 27

Elena Erohina

Bioethical significance of ethnological expertise 42

Nataliya Ageeva

The problem of rationalization of choice in the context of efficiency of therapy cooperation of a doctor and a patient 49

Lionella Nazarova

Adaptation of schoolchildren: the choice of forms of correction 54

Irina Novikova, Alexey Novikov

Personality traits and smoking: is there freedom of choice? 61

Olga Speranskaya, Irina Larina, Diana Raimova

From conventional smoking to tobacco dependence: the problem of behavioral choice of teenagers 68

Human Being among Modern Technologies: is there a choice?

Roman Belyaletdinov

Problem of strategy choice for philosophical analysis of biotechnologies 77

Olga Popova

Body-oriented technologies: the transformation of intimacy 85

Elena Grebenshchikova

The inevitability thesis in bioethics 93

Magdalena Kozhevnikova

My “cryoshka” — the problem of «spare» embryos in assisted reproductive technologies 100

Practices of Choice: bioethical and clinico-psychological aspects

Olga Bermant-Polyakova

The problem of choice in the ‘conflicting loyalties’ situation 108

<i>Andrey Berezantsev, Lionella Nazarova, Igor Andreev</i> A doctor or a police officer? The dilemma for a forensic psychiatrist	122
<i>Natalia Batueva, Andrey Berezantsev</i> Ethnocultural aspects of criminal aggression in persons with mental disorders in the Republic of Buryatia	135

PART V

Philosophy and methodology: the space for decision-making

<i>Vladimir Diev</i> Decision-making as a sphere of interdisciplinary research: philosophical and methodological presupposition	147
<i>Vladimir Lepskiy</i> The subject of a choice (from classics to postnonclassics)	159
<i>Elena Nikitina</i> Tacit knowledge in the decision-making structure: philosophical and methodological aspects	168
<i>Lubov Bevzenko, Larisa Kiyashchenko</i> Choice problem in the transdisciplinary context	176
<i>Sophia Pirozhkova</i> Choice and knowledge of future: from existential problem to methodology of decision making	185
<i>Farida Maylenova</i> Rationality and intuition in decision-making processes	193
<i>Yuri Granin</i> Scientific knowledge: choice and assessment	201
<i>Sergey Malkov</i> Information technologies and their impact on human being	209
<i>Galina Sorina</i> Communication in the Decision-Making Space	219
<i>Saltykov Sergey, Elena Rusjaeva</i> Conceptual refinement of the theories of decision-making	227
<i>Mikhail Pronin</i> The time which we choose	231
Abstracts	244
Authors	252

ЧАСТЬ IV

**Практики выбора человека:
биомедицина, биоэтика, здоровье**

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: РИСКИ, ВЫБОР, ЭКСПЕРТИЗЫ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Павел Сидоров

Парадигма выбора в интерфейсе системы общественного сознания и ментальных эпидемий

Дискурсивная полимодальность концепта выбора традиционно рассматривается философами и политологами, психологами и социологами преимущественно на личностном уровне и ориентирована на результат [6; 7; 23]. В то же время, все большее клиническое значение приобретает скрининг и диагностика, прогнозирование и адаптивное управление внутренними механизмами и процессами выбора, имеющего самостоятельное саногенетическое значение даже вне актуального предметно-смыслового целеполагания [2; 9].

От психических к ментальным эпидемиям

В классической эпидемиологии выделяют поведенческие эпидемии, связанные с силой внушения или поведенческими паттернами (в противоположность внедрению микроорганизмов или физическим воздействиям). Клиническими иллюстрациями являются танцевальные мании в средние века, случаи массовых обмороков или судорог («истерические эпидемии»), паника толпы, приливы моды и религиозного энтузиазма. Поведенческие эпидемии иногда были трудно отличимы от вспышек органических заболеваний, например, при отравлении окружающей среды токсическими веществами [21]. В психиатрии такое поведение получило название психических эпидемий.

Большинство отечественных психиатров расценивало феномен психических эпидемий, как преимущественно психосоциальное явление. При этом не отрицалась возможность влияния на формирование и проявления психических эпидемий — национальной культуры и этнических традиций, вносящих в симптоматику экзотические детали, но не менявших алгоритмов развития и клинической сути этого феномена. Наличие у по-

страдавших при психических эпидемиях патологии именно психиатрического содержания, сомнений и разночтений у психиатров не вызывало. Так, еще В.М. Бехтерев в 1908 г. говорил о «коллективных или массовых иллюзиях и галлюцинациях», эпидемиях бесоудержимости, кликушества и порчи, психопатических проявлениях религиозного содержания и распространении реакций паники [3].

Психиатр А.А. Токарский [20] подразделял причины психических эпидемий — на «предрасполагающие и производящие». К первым он относил «бедность психического содержания и ограниченность интересов, отсутствие критики и невежество»; ко вторым — господствующие в обществе идеи и внешние события, склонность к подражанию и психическую заразительность, инфантильность и внушение.

МЭ — контагиозные полимодальные и полиморфные ментальные расстройства и состояния. Это возникновение в коллективе или на территории случаев (вспышек) ментальных расстройств с частотой, существенно превышающей обычно ожидаемую. Ментальные эпидемии переходят в разряд деструктивных, когда начинают угрожать общественному сознанию всей страны в целом. Они могут становиться пандемиями, охватывающими не только страны, но и континенты.

Можно предложить следующую рабочую классификацию ментальных эпидемий:

1. Ментальные эпидемии зависимых расстройств:
  - химических: алкоголизм, наркомания и др.;
  - нехимических: гемблинг и др.;
  - электронных: интернет- и компьютерная зависимость и др.;
  - измененных форм пищевого поведения: диетомания, анорексия, булимия, манипулятивная нутрицевтика (пищевые добавки) и др.;
  - измененных форм межличностного и группового поведения: сектанство и фанатизм, моббинг и буллинг, краудинг и др.;
  - измененных форм сексуального поведения: публично-групповой эксгибиционизм, гиперкомпенсаторные секс-парады и др.;
  - викарных: деморализация, деструктивный профессиогенез, экзистенциальный вакуум и др.;
2. Ментальные эпидемии индуцированных расстройств:
  - ранние истеродемонические: мэнерик и эмиряченье, лишинка и кила, икота и шева и др.;
  - истеродемонический ренессанс: шаманизм и магия, колдовство и др.;
  - индуцированные нервно-психические расстройства: социальные фобии, тревожно-депрессивные, панические расстройства и др.;
3. Ментальные эпидемии психосоматических расстройств: артериальной гипертонии, ишемической болезни сердца, бронхиальной астмы, са-

харного диабета, онкологических заболеваний, ревматоидного артрита, кожных заболеваний, избыточной массы тела и др.

4. Ментальные эпидемии соматоформных расстройств: соматизированных, ипохондрических, конверсионных и др.

5. Ментальные эпидемии эндоэкологических расстройств: шизофренических и шизоаффективных, депрессивных и др.

Эпидемическое прочтение индуцированных и зависимых, психосоматических и соматоформных расстройств ранее уже приводилось нами в рамках достаточно традиционных социальных эпидемий [16].

Этиопатогенез ментальных эпидемий

Многолетнее изучение ментальных эпидемий на Европейском Севере России позволило нам выделить основные особенности их этиологии и патогенеза [4; 10; 15; 16].

Традиционным ведущим патопластическим фактором социогенеза МЭ является аномия, которая сегодня сама становится перманентно изменяющейся нормой сингулярной реальности. В силу этого С.А. Кравченко [8] предложил концепцию «нормальной аномии» — расширяющейся совокупности уязвимостей для социума в виде прямых и побочных эффектов как созидательной, так и разрушительной деятельности человека. Такая «нормализация» очень напоминает буквально клиническое предсмертное цивилизационное просветление...

В психогенезе МЭ отмечен низкий интеллектуальный уровень; индуцированные и импульсивные расстройства; истерические и астенические, конформистские и эпилептоидные черты характера в преморбиде; тяжелые наследственные и психотические формы алкоголизма с расстройствами личности и энцефалопатиями; раннее знакомство детей с большими и частое наблюдение за эпидемическими вспышками; неосознаваемое восприятие пациентами МЭ как защитной стратегии отрицания и избегания; низкий ментальный резильянс и стрессоустойчивость эндемичных субпопуляций; невербализуемые и неразрешимые в привычной микросреде глубинные личностные конфликты и комплексы; высокая частота посттравматических стрессовых расстройств и социально-стрессовых расстройств, соматоформных и психосоматических, зависимых и асоциальных расстройств личности.

Характерной особенностью психогенеза МЭ является конформная субкультура и маргинальная ментальность, проявляющиеся в некритичности и неспособности к самостоятельному мышлению, банальности и шаблонности, стремлении «быть как все» и трепетной лояльности к любому начальству.

В анимогенезе МЭ отмечена ограниченность интересов и духовных запросов; низкий уровень и недифференцированность потребностей; невосприятие унижения как страдания; готовность жить и выживать на биологическом уровне и в моральной безысходности; неблагополучие морального климата семьи, социальной и производственной среды; духовно-нравственная амбивалентность и дефицитарность среды обитания и зоны оседлости; нарушения формирования и развития нравственных чувств и нравственного облика; несформированность или ранняя утрата нравственной позиции и поведения; конформизм и равнодушие; асоциальное и противоправное поведение; распространенность алкогольных обычаев и раннее формирование алкогольных установок; низкий уровень культуры и духовных запросов; распространенность синкретизма и сектанства; высокая манипулятивность и некритичность к истеродемонической экспансии шаманизма и колдовства; дегуманизация и деморализация социума; маргинальные сектора субпопуляций смартмобов и флэшмобов; имплицитные суждения и поступки — от мата, как «защиты от слеза», до оскорбительных фигур из пальцев, от «укропов» до «колорадов», от стакана воды в лицо до сжигания знаковых ленточек и т.п. — все это может быть отнесено к ментальным вирусам как эпидемическим стигмам общественного сознания.

Более того, запущенный СМИ брейвикоподобный ментальный вирусный штамм эпидемично и убийственно себя воспроизводит. Можно привести недавний резонансный пример «российско-американского антисотрудничества», когда 21-летний убийца 9 человек в Африканской церкви в Чарльстоне (17.06.2015) выложил на своем сайте, зарегистрированном через российский сервис, расистский манифест с цитированием своих наставников, выступивших в марте 2015 года в Петербурге на съезде ультраправых. Что это, как не самоубийственная зеркальность санкций?

В этической пропедевтике ментальной медицины описаны синдромы: деморализации и деструктивного профессиогенеза, экзистенциального вакуума (по В. Франклу) и безысходности, жестокого обращения с детьми и близкими, моббинга и буллинга, краудинга и аномичного кризиса идентичности. [12; 17].

Механизмы развития ментальных эпидемий как резонансно-когерентных выборов

Многими исследователями отмечалась универсальность и единство эпидемической ментальной базы алкоголизма и наркотизма, экстремизма и терроризма, объединяющих галопирующе растущие маргинальные субпопуляции «исключенных» из нормативных общественных систем [2; 5; 26].

Ирония истории состоит в том, что масштабы и скорости воспроизводства субпопуляций «исключенных» существенно превышают их у субпопуляций «включенных» или таковыми себя подозревающих до очередного витка исключений и санкций в стиле «суицидального шантажа на брудершафт». Не случайно, даже все социальные эпидемии (от алкоголизма до экстремизма) имеют зеркальные траектории развития: «от сытости» и «от бедности». Повышая уровень обобщения, можно образно отметить, что и в самой России заботливые иностранные портняжки веками шьют кафтанчик (да и более сложные дела) по меркам второй роли, но голыми снова и снова оказываются сами пресыщенные короли моды...

Представляется возможным выделить следующие механизмы развития ментальных эпидемий, как резонансно-когерентных коллективных выборов.

Механизм генерализации проявляется нарушением все более новых, более ответственных и формально более наказуемых норм. Так, банальное пьянство является преимущественно аморальным явлением, нарушающим этику делового общения; в дальнейшем алкоголизм становится психиатрическим диагнозом, ограничивающим некоторые права пациента и создающим риски административных нарушений; тяжелые алкогольные абзусы или алкогольные психозы с противоправным поведением дают массу поводов познакомиться с Уголовным кодексом.

Механизм полиморфной деформации сознания представлен разнообразными типами и вариантами временных и измененных, суженных и деформированных состояний сознания, возникающих в ходе применения десятков ранее описанных нами способов и методов манипулятивного воздействия, запускающих и поддерживающих ментальный эпидемический процесс [14; 25].

Механизм полимодального резонанса представлен биохимическим, электромагнитным и ультразвуковым «языком бактерий», обменивающихся информацией как друг с другом (quorum sensing), так и с макроорганизмом хозяина (cross-talk). Микрофлора и вне инфекционного процесса остается целостной и относительно автономной фундаментальной системой эндозоологии человека [1]. При этом «общение» осуществляется микробами на уровне лексики бытовых человеческих разговоров посредством не только нескольких биохимических «языков», но и с помощью ультразвуковых и электромагнитных сигналов. Это подтверждается феноменом «шепота бактерий», когда гибнущая культура посылает сигнал, стимулирующий другие культуры даже отделенные от первой кварцевым стеклом [11]. В ментальной медицине утрата резонанса с окружающим миром и с самим собой прочитывается в широком мультидисциплинарном эндозоологическом контексте. Не случайно еще И.И. Мечников выде-

лял в вариациях и уровнях состояний сознания человека специфическое ситуативное дизбактериозное мышление, показав значение нормальной микрофлоры кишечника (желудочного мозга) для психоиммунологии [1]. Современные исследования обнаруживают в этиопатогенезе пятой части психосоматических инфарктов и инсультов патогенные микроорганизмы [24]. Именно поэтому актуальным фокусом микробиологии становится «социальное поведение» бактерий в биологических пленках и колониях, кооперациях и конгломератах, создающих эпидемические эффекты вне привычных инфекционных процессов.

Механизм майндсайта — способность воспринимать и осознавать свои чувства и мысли, а также мысли и чувства других людей за счет особым образом сфокусированного и направленного внимания. Слово «майндсайт» составлено Даниелем Сигелом [27] из mind (сознание, ум) и insight (инсайт, озарение). Майндсайт объединяет три компонента: 1) инсайт — озарение, буквально взрывающее как индивидуальное, так и общественное сознание; 2) эмпатию — способность чувствовать и воспринимать как отдельную личность, так и массу; 3) интеграцию — запускающую сетевые цепные реакции ментальных эпидемий. Этот механизм в существенной мере представлен в методологии даже классической аутогенной тренировки. Он же лежит в основе разработанной нами три десятилетия назад технологии саногенетической терапии — адаптивного биопсихосоциодуховного управления сознанием пациента или клиента [10; 25].

Выделенные механизмы наиболее универсальны и мультидисциплинарны, в разных соотношениях и пропорциях они присутствуют во всех четырех плоскостях развития МЭ: психогенезе и социогенезе, анимогенезе и соматогенезе.

Уровни эпидемического процесса: от синдрома моббинга до пандемии терроризма

МЭ являются угрозой общественному сознанию как интегральному выражению ментального здоровья нации. Когда масштабы МЭ становятся угрозой для общественного здоровья региона, они становятся социальной эпидемией, перерастающей в деструктивную социальную эпидемию в случае угрозы для общественного здоровья страны в целом, дальнейшее распространение можно обозначить как социальную пандемию, охватывающую страны и континенты.

Большую роль в привлечении общественного внимания к социальным эпидемиям сыграл бестселлер Малкольма Гладуэлла (The Tipping Point, 2000), посвященный журналистскому исследованию механизмов возникновения и развития, истоков и причин, личностной типологии и течению

социальных эпидемий. Публицистический подход позволял автору относиться к однородным социальным эпидемиям слухи и моду, сифилис и преступность. Научный подход требует доказательной диагностической методологии.

Представляется возможным выделить три основных уровня синергетического эпидемического процесса:

1. Ментальные эпидемии, оцениваемые по уровню угроз и ущерба общественному сознанию;
2. Социальные эпидемии, оцениваемые по уровню угроз и ущерба общественному здоровью;
3. Асоциальные эпидемии, оцениваемые по уровню угроз и ущерба национальной безопасности.

Например, терроризм как полимодальное зависимое расстройство является наиболее драматичной разновидностью асоциальных эпидемий. На начальном уровне ментальных эпидемий он представлен моббингом, угрожающим общественному сознанию коллектива или населенного пункта. Ментальная эпидемия моббинга становится деструктивной, когда начинает угрожать общественному сознанию всей страны, приобретая ту или иную националистическую или религиозную идеологию. Затем ментальная эпидемия эволюционирует в социальную — угрожающую общественному здоровью региона и деструктивную социальную эпидемию, когда угроза распространяется на всю страну. Феноменологически в психогенезе это описывается синдромами буллинга и краудинга; в социогенезе — разнообразными формами радикализма и фанатизма. На сегодня самой известной такой пандемией является «Исламское государство» (ИГ) — международная исламская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака с 2013 года как исламское непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления.

Выбор как интерфейс духовного иммунитета

В мае 2015 года 19-летняя студентка философского факультета МГУ Варвара К. была задержана на Турецко-Сирийской границе, заставив страну содрогнуться от осознания масштабов эпидемического рекрутмента в российский экспедиционный корпус ИГ, в котором воюет уже более 2 000 наших соотечественников [28]. В терминологии этической проповедники у студентки можно заподозрить как минимум синдром экзистенциального вакуума, существенно облегчающий любую вербовку. Впрочем, и сама вербовка террористами ли, сектантами ли это форма ментального терроризма — корыстного манипулирования сознанием как самого

распространенного вида нелетального оружия массового поражения, выделенного нами еще десять лет назад [14].

С нашей точки зрения, эффективно предупреждать и противостоять ментальным эпидемиям можно только опираясь на синергетическую технологическую платформу ментальной медицины, инструментально и методологически воплощенную в системном мониторинге ментального здоровья (СММЗ) и службе ментального здоровья (СМЗ), факультетах и институтах ментального здоровья, пилотные проекты которых с 2000 года были созданы в Северном государственном медицинском университете и ряде клиник г. Архангельска. Было убедительно показано, что только позитивное и конструктивное, системное и комплексное ресурсно-деятельностное усиление духовного иммунитета эффективно повышает эпидемический порог любых ментальных и социальных недугов [18; 19; 25].

Эпидемиологический подход к парадигме коллективного выбора наполняет ее новым содержанием, как интерфейс ментальной репрезентации онтогенетических ресурсов духовного иммунитета — системы внутренних убеждений, обеспечивающих высокий уровень осознания ценностей и смыслов жизни, закрепленных в эффективных паттернах индивидуальной и социальной идентичности, реализуемых в адаптивных поведенческих стратегиях. В ситуации перманентных гибридных войн именно духовный иммунитет становится важнейшим приоритетом жизнеобеспечения и национальной безопасности [26].

Не случайно, еще Альберт Эйнштейн (его теория относительности построена для 4-х-мерного пространства, как и методология ментальной медицины) в письме Зигмунду Фрейду (Капут близ Потсдама, 30.06.1932) с грустью замечал, что «жажда ненависти и раздражения находится в самом человеке», и задавал вопрос: «Возможно ли контролировать ментальную эволюцию рода человеческого таким образом, чтобы сделать его устойчивым против психозов жестокости и разрушения?» В ответном письме З. Фрейд (Вена, сентябрь 1932) подтвердил «реальность инстинкта ненависти и уничтожения, заложенного в самом человеке, которым манипулируют подстрекатели войны». Признавая отсутствие эффективных технологий предупреждения агрессии и саморазрушения, он отметил, что только «все то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны» [13].

За прошедшие 80 лет ментальный инжиниринг общественного и индивидуального сознания проделал гигантскую технологическую эволюцию, которая сегодня задается сингулярной динамикой ментальной вирусологии ужасающих эпидемий экстремизма и терроризма. Это потребовало поиска новых ресурсов мультидисциплинарной защиты, воплотившись в синергетической биопсихосоциодуховной технологи-

ческой платформе ментальной эпидемиологии и медицины, ментальной экологии и превентологии, развитии служб ментального здоровья и системного мониторинга ментального здоровья как интерфейса общественного сознания.

Литература

1. *Андреев И.Л.* Микробиологические аспекты психиатрии // Психическое здоровье. 2015. № 1. С. 72–81.
2. *Андреев И.Л. Назарова Л.Н.* Играющий мозг. Кто играет в азартные игры: геймер, его мозг или оба? // Психическое здоровье. 2014. № 4. С. 87–96.
3. *Бехтерев В.М.* Мозг: структура, функция, патология, психика. Избр. труды в 2-х томах / Под ред. ак. Чучалина А.Г.; сост. Воробьев В.С. М.: Помятур, 1994. Т. 2.
4. *Братусь Б.С., Сидоров П.И.* Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984.
5. *Гилинский Я.И.* Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: сб. ст. / Под ред. М.М. Решетникова. СПб., 2004. С. 20.
6. *Гусейнов А.А.* Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПбГУП, 2012.
7. *Киселева М.С.* Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопр. философии. 2013. № 12. С. 48–58.
8. *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
9. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. Ч. 1. За пределами рациональности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 5–18.
10. *Лисицын Ю.П. Сидоров П.И.* Алкоголизм: медико-социальные аспекты. Руководство для врачей. М.: Медицина, 1990.
11. *Николаев Ю.А.* Дистанционные информационные взаимодействия у бактерий // Биохимия. 2000. № 5.
12. *Положий Б.С.* Стрессы социальных изменений и расстройства психического здоровья // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1996. № 1–2. С. 136–143.
13. *Решетников М.М.* Возможен ли контроль ментальной эволюции человека, чтобы сделать его устойчивым против психозов жестокости и разрушения? Переписка З. Фрейда с А. Эйнштейном // Психотерапия. 2014. № 7. С. 2–8.
14. *Сидоров П.И.* Психический терроризм — нелетальное оружие массового поражения // Российский психиатрический журнал. 2005. № 3. С. 28–34.
15. *Сидоров П.И., Давыдов А.Н., Медведева В.В.* Истеродемонические истоки психических эпидемий // Психическое здоровье. 2014. № 4. С. 38–49.

16. *Сидоров П.И.* Механизмы социальных эпидемий и синергетика эффективного ответа // Психическое здоровье. 2014. № 5. С. 32–44.
17. *Сидоров П.И.* Духовно-нравственные ресурсы психиатрии и ментальной медицины // Психическое здоровье. 2014. № 6. С. 20–39.
18. *Сидоров П.И.* Синергетика службы ментального здоровья // Психическое здоровье. 2015. № 1. С. 14–27.
19. *Стародубов В.И., Сидоров П.И., Васильева Е.Ю.* Системный мониторинг образовательной среды. М.: ГЭОТАР-Медива, 2014.
20. *Токарский А.А.* Меряченье и болезнь судорожных подергиваний. М., 1893.
21. Эпидемиологический словарь / Под ред. Джона М. Ласта. М., 2009.
22. *Юдин Б.Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126–135.
23. *Юдин Б.Г.* В фокусе исследования — человек: этические регулятивы научного познания // Философия науки. Вып. 11. М.: ИФ РАН, 2015. С. 224–241.
24. *Dirton E.S. et al.* Herpesvirus latency confers symbiotic protection bacterial infection. Nature. May 2007. Vol. 447/17. P. 326.
25. *Sidorov P.* From bullying to pandemy of terrorism: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of Mental health protection // Handbook on Bullying: Prevalence, Psychological impacts and intervention Strategies. N.Y.: NOVA Science Publishers. 2014. P. 177–214.
26. *Sidorov P.* Mental terrorism of Hibrid Wars and Defense Synergetics. // Handbook on Surveillance Systems and National Security of the 21s Century: New Developments. N.Y.: NOVA Science Publishers, 2015. P. 200–237.
27. *Siegel D.J.* Brainstorm. The Power and Perpose of the tcenage Brain. Tarcher. 2014.
28. «Лавров рассказал, сколько россиян воюет на стороне ИГИЛа». 09.07.2015 16:28. URL: <http://24today.net/open/466638> (дата обращения: 23.09.2015).

Здоровье как осознанный выбор человека в информационном обществе: ноосферный подход

На наших глазах происходит перестройка институциональных основ мировой экономики, которая уже не может ограничиваться исследованием проблем воспроизводства товаров, работ и услуг. Новая экономика призвана изучать и оптимизировать жизнедеятельность человека во всей полноте ее проявлений и разрабатывать новые инструменты воздействия, ведь истинная цель экономики сделать жизнь людей лучше [1].

Вместе с человеком появилась и проблема сохранения его здоровья. При исследовании костей неандертальцев были обнаружены признаки тяжелых артритов — таких же, какие имеют место и сегодня, из чего следует, что болезни являются следствиями цивилизационного процесса и эволюционируют вместе с *Homo Sapiens*. Ноосферная экономика декларирует здоровье человека как основную жизненную ценность, важнейший императив, стратегический ресурс государства и общества так, как именно оно определяет способность людей адаптироваться к быстро изменяющимся условиям среды обитания. Успехи медицинской науки последних столетий отодвинули на задний план тысячелетний опыт поколений врачевания Человека. Развитие отраслевой организации здравоохранения привело к формированию особого медикосоциального типа людей, которые систематически обращаются к врачам по поводу симптомов любых заболеваний с целью установления диагноза и получения лечения, перекладывая, таким образом, ответственность за свое здоровье на медицинских работников.

Конкуренцией управляют уже не ценовые, а более сложные много-составные факторы и сигналы взаимодействия между людьми, которые реорганизуют и активируют межличностные связи, облегчают доступ к рассеянным в обществе знаниям, реорганизуя жизнь, как отдельного человека, так и общества в целом. В обществе формируется сложная подвижная система сил, которая берет начало в мотивациях потребительских групп, имеющих разные интересы на рынке здоровья. Эти интересы находятся в прямой зависимости от когнитивных возможностей (память, внимание, скорость умственных реакций), системы ценностей (семья, здоровье, образование и др.), культуры, традиций, уровня адаптации и прочих особенностей социального поведения людей, иденти-

фицируя новую структуру человеческих взаимодействий, как многообразие в единстве.

Бурно развивающиеся технологии непрерывно изменяют социальную и экологическую среды обитания человека, формируют новые стандарты здоровья, ставя перед медициной проблему выбора стратегий диагностики, лечения и профилактики болезней. В таких условиях важен пересмотр задач здравоохранения на основе соединения позитивного опыта предыдущих поколений, актуализации доступных для массового использования научных достижений и создания условий для проявления инициативы самих граждан.

Ноосферная парадигма и здоровье

Ноосферная экономическая парадигма определяет приоритетом необходимость сохранения «Здоровья здоровых» то есть поиск, изучение и внедрение технологий, способствующих изменению сознания людей для долгой, эффективной и созидательной жизни. Ведущий императив — персонализированная медицина, основанная на индивидуальном подходе, выявлении потенциально возможных функциональных нарушений в организме человека, предшествующих развитию заболевания, их системная профилактика, мониторинге динамики течения заболевания с учетом чувствительности к лекарственным средствам, психологических и прочих реакций, а так же возможностей реабилитации [2].

Индивидуальный подход успешно использовался для лечения больных с незапамятных времен. Еще Гиппократ, вошедший в историю как «отец медицины», говорил о том, что «важнее знать, какой человек болен, нежели то, чем он болен». Это предполагает не только своевременно установленный диагноз и наблюдение за динамикой течения заболевания в режиме реального времени, но и привлечение к этому процессу самого пациента. Для чего, необходимы индикаторы, позволяющие определять уровень функционального состояния организма, специфические для того или иного заболевания, доступные для использования, прочтения и понимания обычным человеком, его родственниками и близкими людьми. Например: измерение температуры тела, артериального давления, определение качества пульса, частоты и глубины дыхания, контроль уровня сахара в моче и крови, наличие крови в кале и проч.

Согласно результатам исследований Global Burden of Disease Study, проводившегося в 188 странах, 95% населения мира испытывают проблемы со здоровьем, причем свыше трети (2,3 млрд человек) страдают от пяти и более заболеваний. Фактический уровень здоровья населения планеты не улучшается, несмотря разницу государственных затрат на

медицинское обслуживание. Например, в 2010 году на здравоохранение в США было потрачено 17,6% ВВП, в Германии — 11,6%, в Эстонии — 6,3%, в России — 3,9% «позорные», как назвал их Л.М. Рошаль, в Беларуси — 3,24%. Повышенное артериальное давление имеют более 40% совершеннолетних жителей Африки, повсеместно растет количество депрессивных расстройств, онкологических, инфекционных, сердечнососудистых и других заболеваний. В России, согласно статистике, ущерб от высокой смертности и заболеваемости оценивается в 15% ВВП и 40% первичных диагнозов не подтверждаются при вскрытии.

Востребованность темы «Здоровье человека» связана с непрерывно растущими его потребностями высшего порядка — сопричастности и самовыражения, которые определяют стремление к власти, занятию достойного места в иерархии, превосходству, известности, одобрению окружающих и др. Для достижений этих целей необходимы новая информация, новые знания и новые возможности.

То, что ранее было известно только профессионалам, с развитием сети Интернет стало всеобщим доступным для формирования нового опыта, развития новых способностей и принятия оптимальных решений. Количество людей, использующих сеть Интернет, в мире увеличивается экспоненциально. Однако, воспринятая человеком информация должна быть утилизирована, то есть, осознана, определен ее источник, уровень, значение, причинно-следственные связи, возможности последующей переработки, фильтрации и актуализации, что напрямую зависит от состояния здоровья человека, его физиологических возможностей, уровня психических и духовных функций. На фоне «перегруженности» информацией возникает явление когнитивного диссонанса, и как следствие, расстройство эмоционального и психического состояния.

Неспособность адекватно ситуации воспринимать, отслеживать и перерабатывать необходимую информацию неизбежно приводит к диссоциациям, вызывающим расстройства адаптации, которые проявляются у индивида, как нарушение здоровья, то есть болезнь. Это сделало Интернет новым вызовом и «злейшим врагом» современной медицины, самый большой парадокс которой заключается в том, что, поставив в качестве своей задачи достижение здоровья, она занимается, в основном, комплексом мероприятий по управлению болезнью. Существует от 40 до 60 тысяч терминов, характеризующих признаки болезни, и всего два десятка слов, характеризующих здоровье. Как следствие, с каждым годом мы все больше узнаем о болезнях, их проявлениях, диагностике и методах лечения, ошибочно думая, что этот путь приведет к здоровью.

Сохранение, поддержание и развитие здоровья практически здорового человека предполагает понимание и научное осознание его природных истоков с учетом накопленной информации о закономерностях развития и переориентацией приоритетов с безликого общественного уровня, на уровень личности врача и пациента, через оптимизацию их мотивации к взаимодействию.

Однако в условиях рынка поведение человека полностью определяется такими факторами, как неопределенность и информированность. На этом фоне обоснование решений становится весьма сложной задачей и сводится к необходимости разумного сужения исходного множества альтернатив на основе информации, которой располагает отдельный человек. Результат зависит от его личностных качеств: физиологического состояния, уровня образования, культуры, интеллекта, ценностей, понятия о полезности, склонности к риску и пр. Использование своего права выбирать является естественным проявлением творческого начала человека. Выбор раскрывает его возможности и способствует глубоким и качественным изменениям в мировоззрении. В разных странах и территориях это право реализуется по-разному [3].

Ежедневная необходимость принимать множество решений — как важных, так и самых заурядных — становится все более сложным процессом. Современный человек, обладая большим количеством альтернатив и свободой воли, вполне может растеряться, выбирая, какие джинсы купить, что съесть или выпить, как провести вечер. Вопрос «что и как нужно делать?» предполагает, готовность перейти к непосредственным действиям и личную ответственность за принятые решения. Осознанный выбор предполагает не только анализ альтернатив, но и интегральную оценку их качества, объективного осмысления и субъективного понимания ценности, а также веры в его эффективность. Сегодня мало быть информированным, нужно быть глубоко убежденным в разумности и целесообразности принимаемого решения.

Проблема выбора встает не так остро, если человек потребляет нечто в своей профессиональной области или в области наработанных жизнью компетенций, но если речь идет о новых для него сферах знаний, то все обстоит иначе. Эксперименты и исследования показывают, что для этого нужно потратить 500 часов проб. Сократить это время, можно воспользовавшись:

- выбором лидеров мнения, своих вкусовых единомышленников, родственников, друзей или коллег;
- рекомендательным сервером по данной тематике;
- потребительским опытом на электронной краудсорсинговой площадке или в соцсетях;
- рекламой и проч.

Информационные технологии позволяют оптимизировать процесс принятия решений, но при этом становятся рычагом воздействия и социального управления практически во всех сферах.

Особенно сложно ситуация складывается в случае с информацией медицинского характера. Ее изобилие и сложность, а также разнообразие предлагаемых услуг ограничивает свободу выбора, отнимая у человека время и силы, вынуждая ставить под сомнение любые решения еще до того, как они приняты. Это приводит к полной беспомощности, раздражению, постоянному стрессу и даже депрессии в ущерб здоровью и эмоциональному благополучию.

В информационном обществе исчезает сакральность и уникальность медицинских знаний. Благодаря сети Интернет она становится общедоступной. Врачи и пациенты пользуются практически одними и теми же источниками информации, при этом наблюдаются следующие особенности ее восприятия:

- Различие уровней и способов фильтрации, так, как врач и пациент имеют разный уровень подготовки, разный объем и опыт накопления информации, а так же, методов ее анализа;

- Различие в мотивации. Если для пациента данная информация уникальна и является вопросом «жизни и смерти», то для врача это «всего лишь работа». Пациент имеет возможность уделить поиску информации больше времени и сил и узнать о своих болезнях больше, чем его лечащий врач, но при этом он не всегда готов взять на себя ответственность за результат;

- Возникновение проблемы «перекося тематики». Информация, рассчитанная на врача и на пациента, устроена по-разному, в том числе, и в ее изложении. В обществе есть потребность в общих символах и некотором количестве всем известных болезней, о которых можно говорить с кем угодно. В Интернете хорошо представлено то, что хорошо продается (БАДы, информация в области сексологии, урологии, гинекологии, ведение беременности, мужское здоровье и т.п.). Врач, если он хороший профессионал, не нуждается в популярной рекламе, поэтому число пациентских текстов всегда будет преобладать над врачебными;

- Появление смещения информационного поля. Ученые проанализировали результаты опроса 500 сотрудников Microsoft. Выяснилось, что в Интернете информация о болезнях представлена очень неравномерно, и по значимости далека от реальности. Например, если искать информацию о головной боли, среди наиболее частых причин могут быть упомянуты опухоли головного мозга, хотя в реальности они встречаются всего у двух тысячных процента населения.

Как человеку, не отягощенному медицинским образованием, разобраться, чему можно доверять, а чему нет? В подавляющем большинстве

случаев — никак. Социальные сети пациентов и их блогерские сообщества всегда агрессивны по отношению к врачам с «перекосом» в сторону негатива, а врачи редко умеют писать для пациентов. Как врачам во всем этом участвовать и что будет их стимулировать «жить» в Сети, пока не совсем ясно.

Современный пациент после визита к врачу имеет возможность, не выходя из поликлиники, проконсультироваться, в Интернете и по скайпу с помощью смартфона с другими специалистами, друзьями, экстрасенсами, представителями народной медицины. В следующий визит он приходит уже вооруженный информацией и, как бы врач к этому не относился, проигнорировать ее вскоре будет трудно, нужно будет сотрудничать. В такой ситуации естественно стремление и врача и пациента сократить многообразие выбора, концентрируясь на отдельных альтернативах, что бы принимаемые решения были более эффективны.

Заключение

У человека всегда есть право на свободный выбор. В какой-то степени оно всех уравнивает и открывает невероятные возможности. А тот, кто утверждает обратное, стремится освободить себя от необходимости ответственно действовать. Не зная истинных стремлений человека наблюдая только его внешние поступки невозможно вынести суждение о его истинных мотивах. Человек с ограниченными возможностями для удовлетворения своих желаний может чувствовать себя комфортно, будучи и несвободным. Право выбора подтверждает само себя: его можно выбирать, а можно игнорировать. Блез Паскаль утверждал: «Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет».

Реальные методы и технологии, дающие положительный экономический результат могут возникнуть только из объективного изменения современного человеческого бытия через развитие возможностей человека и способностей, адекватных его природе. Наука призвана изучать жизнедеятельность людей во всей полноте ее проявлений, отказаться от многих безнадежно устаревших подходов и сформировать индивидуальное и общественное экосоциальное инновационное мировоззрение для чего необходимо:

- создать благоприятные условия для эффективного диалога заинтересованных сторон — органов исполнительной власти, субъектов бизнеса, экспертного медицинского сообщества и представителей общественности;

- разработать единый взвешенный подход (стратегию) преодоления роста заболеваемости;
- обеспечить равенство прав граждан и врачей на информацию о передовых достижениях в мировой медицине, а также равных возможностей использования самых современных методов диагностики и лечения заболеваний;
- объединить экспертизу и аналитику по сферам социального развития: демография, охрана здоровья и медицина, рынки и социальная инфраструктура;
- создать многополярные обсуждения острых вопросов реформирования социальных сред, основанные на профессионализме, опыте и изучении мировой практики решения аналогичных проблем;
- разрабатывать и внедрять доступные технических устройств обнаружения информационных сигналов живого организма, а так же технологий мониторинга и интерпретации результатов, реализуя индивидуальный (персонализированный) подход в медицине.

Современная цивилизация с ее быстрыми темпами обновления, заинтересована в человеке, постоянно удерживаемом в «ситуации выбора»— это модно, современно, функционально, а потому и само слово и его глагольные формы стали элементом большинства рекламных слоганов. Выбор публичен, он культивируется и предлагается повсеместно: улица, транспорт, СМИ, виртуальное пространство, навязывают его в разных социальных сферах жизни человека.

Именно, осознанный выбор индивидуума, то есть то, на чем он фокусируется в экономической неопределенности информационного общества, на 40–50% определяет и будет определять состояние его здоровья (физическое, психическое, эмоциональное, социальное и проч.). Но выбор человек может сделать только сам, и от этого выбора все зависит. Чаще всего он боится его делать и идет вместо широкой дороги узкой тропинкой, на которую ему хватает духа и смелости вступить, ориентируясь на опыт других, стереотипы и установки, предпочитая жить в мире иллюзий и в плену догм, винить в своих неудачах других, а не самого себя.

Человек обладает правом выбора и реализует его уже на протяжении тысячелетий, при этом редко задумываясь о его последствиях. Может пришло время это осознать? Ведь, так или иначе, мы все стремимся изучить себя, стать счастливее, успешнее, лучше, и сильнее. Обществу необходимо понимание того, что информационное общество неизбежно и, что еще более важно, необходимо; что мы хотим и готовы в нем жить, реализуя свое право на выбор. Но при этом не стоит забывать старую истину: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Литература

1. *Никитенко П.Г.* Ноосферная экономика, как планетарная жизнедеятельная хозяйственная сфера цивилизационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. Т. 11. № 3. С. 127–137.

2. *Никитенко П.Г., Хрустицкая Л.Б.* Информационные технологии в системе охраны здоровья человека и Ноосферная парадигма // Проблемы управления. 2014. № 4 (53). С. 26.

3. *Андреев И.Л., Назарова Л.Н.* Антропогенез и архитектоника мозга // Человек. 2014. № 2. С. 18–27.

4. *Киселева М.С.* Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопр. философии. 2013. № 12. С. 48–58.

Психические зависимости: неудержимое влечение или заболевание мозга?

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, — философский, от ответа на него во многом зависит выбор стратегии лечения, коррекции и сохранения психического здоровья человека. Если психическая зависимость — пагубная привычка, всего лишь досадное увлечение, навязанное неблагоприятной социальной средой и ее неоднозначной динамикой, значит, надо постараться отвлечь зависимого индивида другими видами деятельности, активно приобщать его к здоровому образу жизни. Если это плохо различимая болезнь психических состояний человека, имеющая мозговые локализации, в остальном соматически здорового человека, то его должны лечить психиатры. Вместе с тем широко развернувшиеся в последнее время информационно-компьютерные методы исследования головного мозга убедительно показывают, что состояние мозговой ткани и функционирование церебральных структур являются базовым компонентом жизнедеятельности человека и фундаментом целостного подхода к его здоровью, которое, конечно, зависит от образа жизни и привычек конкретного человека (индивида), но при этом остается ключевым параметром нашей жизни.

Бурное развитие научных знаний, характерное для цифровой эры, дает обильный материал для выделения и прослеживания основных этапов современной революции в нейropsychобиологии под углом зрения эволюционной, генетической и исторической взаимосвязи психофизиологических и социальных факторов жизнедеятельности человека. Тем не менее в мировой медицине до сих пор нет единого подхода к оценке этиологии психических зависимостей. В России, за пределами зримо и вещественно фиксируемой химической наркомании, интернет-аддиктами, игроманами и другими внешне не так заметными видами поведенческой зависимости сегодня занимаются почти исключительно психологи. Идеология безбрежной защиты суверенных «прав человека» и неприкосновенности «частной жизни» привела к тому, что отечественные психиатры пока не имеют права применить к блокированию этого разрушающего здоровье и мораль нации фрактала общественного сознания свои профессиональные знания, умения, фармсредства и иные технологии. Напротив, в Китае и в Южной Корее психические зависимости признаны проявлением и следствием заболевания головного мозга. Авторы полагают, что оба источника ис-

следуемой патологии должны быть предметом неустанной заботы общественного здравоохранения.

Такой подход позволяет более глубоко проанализировать в современном научном знании ситуацию отрыва исследования закономерностей *сознания и поведения человека от нейрофизиологии его головного мозга*. Кроме того, он открывает реальную перспективу развертывания на основе философского осмысления фундаментальных естественнонаучных открытий целого спектра актуальных прикладных исследований в сфере гуманитарных наук о человеке как субъекте информационного общества. Актуальным в регулировании психического здоровья человека является включение в исследования отечественной социальной психиатрии факторов компьютерно-интернетовской эпохи [4; 19].

Серьезной проблемой для науки, в частности, представляет трудность в адаптации к учебному процессу младших школьников на общем фоне увеличения числа проблемных детей. Психолого-психиатрическое обследование выявляет у большинства учащихся различные психические расстройства, которые в основном относятся к пограничному уровню патологии. Коррекционная работа специалистов одного профиля с таким школьником оказывается малопродуктивной и требует применения координируемых усилий психологов, педагогов, психиатров, педиатров, психотерапевтов, семейных терапевтов, дефектологов, социальных педагогов и т.д. Иначе говоря, возникла необходимость разработки модели междисциплинарного взаимодействия по выявлению и коррекции нарушений школьной адаптации у детей с пограничными психическими расстройствами в общеобразовательной среде [14].

Новые способы коммуникации помогают людям эффективно работать, лучше учиться, разнообразно отдыхать, получать доступ к новой информации и развлечениям, которые прежде были недоступны или вообще неизвестны. Однако они связали многих людей новой зависимостью. Интернет и многофункциональные мобильные телефоны, практически никогда не покидающие своих пользователей, порой приносят не только новые возможности обогащения сознания, но и неизвестные прежде психические расстройства и болезни, которые современная психиатрия долгое время не была готова признавать [15].

Между тем у человека появился новый синдром не только психического, но и физиологического отторжения современных электронных устройств. Этот феномен можно назвать «цифровой морской болезнью» или киберболезнью. Для него характерен страх (иногда панический) взаимодействия не только с компьютером, но и с мобильным телефоном, и даже пребывания в помещении, где ими пользуются. Самым явным симптомом такой реакции выступают головокружение и тошнота при виде любых

электронных аппаратов. Возможно, это как-то связано с индивидуальной повышенной психической и физиологической чувствительностью к объективно возрастающему и выходящему из-под социального и гигиенического контроля «электронному загрязнению» среды обитания или с нежеланием перегружать мозг освоением принципиально нового вида коммуникации.

Вместе с тем, примерно 2/3 населения целого ряда стран сегодня подвержены или находятся в опасной близости от эпидемии новой болезни, носящей название номофобии: от английского *No — mobil — phone — phobia*. Это — страх отсутствия мобильного телефона или нарушения его функционирования, например, в результате разрядки аккумулятора, избежать которой помогает наличие второго аппарата. Человек, подверженный этой болезненной зависимости, боится расстаться с мобильным телефоном как главным средством своей связи с внешним миром. Он берет его с собой всегда и всюду, даже в туалет и ванную комнату. На наш взгляд, это — специфический вид электронного аутизма. Все свободное время пользователь занят лишь тем, что прослушивает мелодии, меняет настройки на телефоне, скачивает на него различные мелодии, картинки и программы, в том числе, игровые. Человек, таким образом, пытается компенсировать неумение вступать в непосредственный контакт с другими людьми или страх одиночества.

Номофобия не так безобидна, как это может показаться на первый взгляд. Для нее характерны панические атаки, головокружение, недостаток кислорода (удушьё), учащенное сердцебиение, тремор, боли в груди, стационарно возбужденное состояние психики. Подверженные номофобии люди, в основном молодые, превращаются в рабов неодоушевленных мобильных устройств. Во время одного британского исследования тысяче студентов было предложено провести сутки без мобильного телефона. Не все выдержали такой тест. Некоторые из них впали в состояние настоящей ломки по типу наркологической, дополненной отказом общаться с окружающими, то есть, уходом в психологический аутизм. Интересную психологическую зарисовку сделал в аэропорту Хитроу живущий в Великобритании уникальный психиатр индийского происхождения Вильанур Рамачадрал. В зал входит человек. Видит, что вокруг (что еще делать в зале ожидания, когда документы оформлены?) все прильнуло к своим мобильным телефонам. Вновь прибывший поначалу чувствует заметную неловкость и явный психический дискомфорт, которые легко снимаются, как только он присоединяется к окружающим, даже если в этом нет никакой необходимости. С номофобией косвенно связан синдром фантомного звонка, во многом похожий на типичную интернет-зависимость. Психику человека буквально терзают слуховые галлюцинации, моторные и так-

тильные ассоциации, связанные с ожиданием телефонного сигнала. Любое акустическое событие, покалывание или легкий зуд мозг связывает со звонком. Развитие и обострение данного заболевания обычно происходит на фоне стресса, который может снять долгожданный звонок.

«Безмозглое» сознание и «бессознательный» мозг?

Информационно-компьютерная эра обусловила не только появление множества технологических инноваций, но и острую необходимость методологического пересмотра сложившейся в Новое время системы научных знаний, тем более что в ней выявились серьезные мировоззренческие разрывы, которые требуют для своего переосмысления целенаправленных междисциплинарных исследований на стыке естественнонаучного знания и гуманитарного дискурса. По-новому актуален давний вопрос о нейропсихической взаимосвязи бытия и сознания, функционального состояния мозга и социального поведения человека. Возрастает роль психиатрии как своего рода философии медицины [3], особенно в области освоения человеком информационно-компьютерной среды его обитания и творчества [9]. В российской и мировой философии развернулась острая дискуссия относительно статуса и будущего человека в эпоху планетарной глобализации и компьютерных технологий [18, с. 6]. Однако в духе традиций классической европейской философии эта проблема сводится пока что к воздействию внешних по отношению к человеку и его сознанию факторов, как правило, негативных, отвлекающих внимание от пристального анализа состояния неокортекса и сознания конкретных людей, ибо вне поля анализа остается внутренняя нейропсихическая мотивация выбора индивидом новых моделей поведения. Комплексное философско-антропологическое осмысление революции в нейронауках, которое дисциплинируется сегодня как *нейрофилософия*, позволяет не только концептуально (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, А.Р. Лурия), но и технологически выйти за пределы трактовки головного мозга и сознания человека как кибернетического «черного ящика» (Норберт Винер), чтобы системно и бинарно исследовать его внешние (Г. Селье) и внутренние (З. Фрейд, К. Юнг) факторы, индивидуальность которых оказывает подчас решающее влияние на функционирование головного мозга, сознание и поведение конкретного человека и даже этноса.

Уже в античную эпоху в поисках пристанища души в человеческом теле любознательные последователи Гиппократы приступили к анатомическому и физиологическому исследованию фундамента психики. В 320 году до н.э. Герофил из Александрии подробно описал нервную систему и внутренние органы человека, разграничив костный, спинной

и головной мозг, выделив его мозговые оболочки, желудочки и срединную борозду. Впервые слова «мозг» и «мозжечок» ввел в научную лексику Эразистрат (ок. 300–240 до н.э.), который на основе вскрытий и вивисекций открыл микроскопическое строение головного мозга, наличие мозговых извилин, мембрану, отделяющую мозжечок от мозга и выявил различие нервов двигательных и чувствительных. «Эразистрат, — по мнению директора Института мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН, С.В. Медведева, — первым высказал мысль, что душа (пневма) располагается в желудочках мозга, самым главным из которых он считал четвертый. Кровь, протекающая через хориоидальные сплетения, приходит в соприкосновение с душой и перерабатывается в сознание. Это была первая в истории психофизиологическая концепция объяснения механизма сознания, которая получила широкое распространение и существовала на протяжении Средних веков» [13, с. 481].

Ф. Энгельс в поисках аргументов естественности и жизненной необходимости понимания основ научного социализма попытался мысленно (не исключено, что под косвенным влиянием модного тогда венского психиатра Франца Йозефа Галля, провозгласившего связь психических функций с развитием мозга и формой черепной коробки) «заглянуть под череп» сознательного немецкого рабочего. Конечно, это — яркая идеологическая и социально ориентированная метафора. Тем не менее образная трактовка черепной коробки как естественно-обозримой границы бытия и сознания, природного и социального, инстинктов и осознанности в когнитивности и поведении человека нашла отклик у крупнейших физиологов прошедшего столетия. Перспективу такого подхода к исследованию мозга подтверждает высказывание Нобелевского лауреата (1904 года) академика И.П. Павлова, считавшего, что «сознание — это результат активности той области коры, которая находится в состоянии оптимальной возбудимости. Этот участок, — констатирует член-корр. РАН А.М. Иваницкий из Института высшей нервной деятельности РАН, — он считал творческим, в отличие от других отделов, которые способны только к воспроизведению уже выработанных условных рефлексов. Павлов писал, что если бы мы могли видеть сквозь черепную коробку, то наблюдали бы причудливой формы перемещающееся по коре светлое пятно, которое отражает область, связанную с сознанием. Отметим, что это единственное высказывание Павлова о возможных механизмах сознания. Теперь мы действительно видим «сквозь черепную коробку», используя методы визуализации работы мозга, и видим очень похожее на то, что хотел видеть Павлов» [11].

Открывшаяся сегодня перед физиологами и нейроклиницистами возможность прямого неинвазивного наблюдения жизни живого мозга и его

виртуального моделирования — не только принципиально новый уровень нейронаук, но и возможность проведения коррекции состояния сознания и поведения человека. Открытия последних десятилетий — дифференциации больших полушарий мозга как физиологической основы павловской идеи двух сигнальных систем ориентации человека в окружающем мире [25], пула зеркальных нейронов неокортекса как генетически исходного биологического инструмента виртуального общения по принципу имитации [23; 24] и гематоэнцефалического барьера — эволюционной трансформации головного мозга как изначально огромной эндокринной железы в компактный многофункциональный нейронный регулятор жизнедеятельности организма и поведения человека [31] — создают такую базу.

Социально-медицинские аспекты психических зависимостей

Философское осмысление нейрофизиологической значимости гематоэнцефалического барьера с позиций эволюционной и социальной эпистемологии открывает перспективы целого спектра прикладного изучения психических проблем взаимодействия человека с электронными устройствами. К сожалению, подавляющее большинство исследований проводятся сегодня по принципу «черного ящика» и на «выходе» сводятся к регистрации патогенного влияния конкретных психических зависимостей на головной мозг, сознание, психику и поведение неумеренных пользователей экранных технологий. При этом в тени, как правило, остается исходная физиологическая причина такого негативного воздействия, которая, по нашему мнению, чрезвычайно актуальна, однако, как правило, находится в глубоком эволюционном «багажнике» филогенеза человечества [2; 8; 1]. Мы неоднократно и настойчиво обращали внимание на эпистемологическую ущербность исследования исключительно внешних влияний на сознание человека при игнорировании обусловленности психических отклонений в его функционировании во многом автономными процессами, происходящими «под черепом» индивида [5, с. 1132]. Оба фундаментальных источника нейропсихических заболеваний фигурируют, к слову, в самом названии нашей статьи об этиологии игровой зависимости [7].

Аналогичную методологическую позицию занимают китайские ученые, которые констатируют, что большинство исследований причин интернет-зависимости описывает психологические аспекты, ведущие к различным нарушениям функционирования головного мозга, хотя они могут быть обусловлены физиологически: аномальными процессами в белом

веществе головного мозга, МРТ-фиксируемыми дефектами в соединительных тканях, в участках, отвечающих за принятие решений, эмоции и самоконтроль. Словом, в недрах актуальной причины вполне может скрываться причина генетическая, эволюционная, уходящая своими корнями к физиологическим истокам социальности.

Мы полагаем, что связанные с гематоэнцефалическим барьером эволюционно-возрастные метаморфозы головного мозга проявляют себя двумя противоположно направленными тенденциями: генетически (или ситуативно) обусловленной патологической «ретардацией» (недоразвития в детской психиатрии) или, напротив, перманентного «как бы возвращения» в процессе старения к статусу бывшего эндокринного органа в духе гегелевского закона отрицания отрицания в психиатрии пожилого возраста. Такого рода попытки заглянуть в глубины процесса эволюции пока остаются вне медицинских исследований, хотя, начиная с нобеляря 1948 года Джошуа Леденберга, стремление мысленно моделировать масштабные системные патологии в контексте биологической эволюции и социальной истории человечества показало свою перспективность. Действительно, анализ нейрофизиологической «цены» прогресса в формировании мозга современного человека, мы надеемся, поможет увидеть многие нюансы, невидимые или непонятные в контексте конкретного онтогенетического диагностирования. Авторы столкнулись с методологической проблемой эволюционного дисхроноза стереотипов старой коры и неокортекса, занимаясь проблемой сахарного диабета в контексте сбой взаимосвязи в структуре организма гормональной и нейрональной систем его регуляции [6]. Относительно шизофрении близкую позицию связи нейрогенетических патологий с усложнением мозга, то есть, «в качестве цены, которую человечество платит за вновь приобретенные возможности своего мозга», занимает авторитетный нейрофизиолог В.Б. Стрелец — зав. Лабораторией психофизиологии Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН [17].

Актуальность изучения патологической зависимости от игры обусловлена как масштабностью распространения этой патологии, так и высокой суицидальной смертностью игроков. Исследования, проведенные в Астраханском наркологическом диспансере, выявили биогенетические и социально-психологические предикторы (предпосылки) формирования зависимости от азартных игр, связанной с суицидальными мыслями и попытками их реализации. К сфере физиологии астраханские авторы относят наследственную отягощенность игровой зависимостью и суицидальным поведением, аффективным поведением, психопатией и алкоголизмом, родовыми и черепно-мозговыми травмами в клиническом анамнезе. Все эти факторы, как правило, связаны с генетическими дефектами в онтогенезе

либо прижизненными нарушениями функционирования гематоэнцефалического барьера. В рамках социальных отношений на первый план вовлечения психически неустойчивых лиц в азартные игры чаще всего выступает психологический синдром *бегства от проблем*. Он, в свою очередь, связан с эмоциональной отверженностью, с внутрисемейными конфликтами, личной и социальной неустроенностью, высоким уровнем конфликтности, включающим элементы агрессии, с девиантным и делинквентным поведением, материальным неблагополучием, неумеренным употреблением спиртных напитков (в том числе, пива), токсических веществ и препаратов конопли [10]. У такого патологического поведения неизбежен нейрофизиологический подтекст. Все эти факторы всенепременно связаны с индивидуальным состоянием гематоэнцефалического барьера, что, к сожалению, обычно выпадает из поля зрения клинических психиатров. Магнитно-резонансное томографическое исследование головного мозга 87 пациентов, страдающих игровой зависимостью, проведенные в Ростовском государственном медицинском университете, выявило у них нарушения дифференцировки серого и белого вещества в его передних отделах на границе коры и подкорки. Главным образом, это фиксировалось в виде нечеткости и смазанности их контуров за счет кортикосубкортикальной атрофии больших полушарий, аномалии глубоких структур головного мозга: лимбической системы и центров регуляции, мозжечка, микроаденомы гипофиза и кисты эпифиза. Такая картина рассматривается ростовскими психиатрами как физиологическая основа гипотезы о том, что «обнаруженные аномальные МРТ — признаки, характеризующие состояние головного мозга и черепа у зависимых лиц, во всяком случае определенная (и немалая) их часть имеют врожденное, дизонтогенетическое происхождение» [16]. По мнению профессора Гюнтера Шумана, исследователя лечения наркомании (Институт психиатрии при Королевском колледже Лондона), типичные нарушения мозговой деятельности при злоупотреблении видеоиграми во многом совпадают с далеко зашедшей интернет-аддикцией.

Всемирная организация здравоохранения готовит обновленную версию Международной классификации болезней, в которую, помимо прочего, войдет интернет-зависимость. Среди ее форм отдельно упоминается нездоровое пристрастие к онлайн-играм, из-за которого человек перестает нормально адаптироваться в обществе. Помимо пристрастия к онлайн-играм, выделяют еще несколько типов интернет-зависимости, среди которых, в частности, *патологическая любовь* к порно, соцсетям, веб-серфингу, киберсексу и SMS. По данным Виктора Меновщикова из Московской службы психологической помощи населению, от интернет-наркомании страдает около 10% пользователей сети, в основном — *дети и подростки*.

Сейчас новый вариант МКБ рецензируется в различных странах. Если он будет принят, онлайн-наркоманов будут лечить при помощи психотропных препаратов и психотерапии.

Европейский клинический и криминальный опыт и проводимые в русле их осмысления исследования подтверждают нашу гипотезу о принципиальном различии факторов-мишеней, обуславливающих патологические пристрастия, и психические результаты их реализации. Это особенно важно в размытых пограничных диагнозах, хотя в сфере, которую мы затронули, таких подавляющее большинство. В частности, голландские и бельгийские правоведы и психиатры всерьез озадачены вопросом, что происходит в головном мозге людей, представших перед судом. При этом они стараются опираться на достижения нейрофизиологической науки. Так, о лицах с зависимостью от азартных игр уже раньше было известно, что у них нарушено функционирование отделов мозга, связанных с чувством вознаграждения (удовольствия). Поэтому они в меньшей степени способны управлять своими порывами, чем люди без нарушений [22].

Голландский судебно-психиатрический эксперт В. Буйкхуизен (*Wouter Buikhuisen*) объясняет феномен безнадежных преступников поражением миндалевидного тела головного мозга, который он считает центром социального и морального регулирования человеческой деятельности. Люди с поражением в этой области не могут учиться на собственном отрицательном опыте. Им неведомы страх, стыд или сожаление. Их зеркальные нейроны не распознают сердитое выражение лица и не слышат запретов или предупреждений. Криминолог называет эту группу «индифферентной», им все «до лампочки». Это преступники без чувства сожаления или раскаяния, не отягощенные эмпатией и сопереживанием, с ними невозможно ни о чем договариваться, они не поддаются исправлению. Эта категория не чувствительна к наказанию, они не понимают, что делают с другими людьми. Они как бы аутисты среди преступников, делинквенты с *силиконовой личностью*, то есть, с отсутствием ее внутренней структуры. Проблемы с миндалевидным телом голландские ученые связывают с генетической предрасположенностью, проблемами в период беременности матери, с неудовлетворительным питанием и воздействием неблагоприятных факторов среды в раннем детстве — например, педагогической запущенности, жестокого отношения и сексуальных злоупотреблений и конфликтов в семье, что приводит к проблеме усугубления дородовой патологии в формировании гематоэнцефалического барьера [20]. По мнению Buikhuisen, эту группу делинквентов следует не наказывать, а отправлять на лечение. И чем раньше, тем лучше. Иначе общество получит врожденных рецидивистов — «неприкасаемых», которых надо пожизнен-

но держать в закрытых отделениях. Для этой группы преступников решения суда ничего не значат. Они не понимают их цели и смысла.

Гораздо более скептически отнеслись к изображениям МРТ, которые были предъявлены в качестве доказательства наличия расстройства у обвиняемого, в уголовном суде города Гента в Бельгии. Судьи сочли нереальным на современном уровне знаний отличить в пограничных ситуациях органическую патологию головного мозга от патологического расстройства поведения [21].

Любопытный прецедент произошел в Нидерландах. Суд города Утрехта в декабре 2012 года принял решение о том, что головной мозг 69-летнего человека, страдающего зависимостью, был серьезно дисрегулирован в результате приема лекарственного препарата *пермакс* (*permax*), который был назначен мужчине в связи с болезнью Паркинсона. Именно из-за этого он, по мнению судьи, был не в состоянии остановиться при азартных играх. Производитель препарата стал сообщать о «зависимости к азартным играм» как побочном эффекте в прилагаемой листовке только с 2006 года. В 2011 году препарат изъят с голландского рынка медикаментов. Мужчина потребовал полмиллиона евро в качестве компенсации ущерба, и суд пришел к выводу, что истец не обладал во время азартной игры свободой воли, то есть, счел причинную связь доказанной [22].

Интернет как площадка развертывания психических зависимостей

Стремление использовать появившуюся возможность неинвазивно «заглянуть» внутрь черепа пробивает себе дорогу и в диагностике интернет-аддикции. В конце XX века К.С. Янг [27] и И.Н. Тиссерлэнд [26] первыми в мировой науке и литературе обратили профессиональное внимание на специфическую зависимость человека от Интернета как новую психиатрическую патологию наркологического типа. Предвидение их не подвело. Тревога оказалась не напрасной. Интернет-аддикция вскоре стала серьезной угрозой здоровья мозга в планетарном масштабе, хотя глубинная связь ее с состоянием гематоэнцефалического барьера до сих пор, к сожалению, не стала предметом специального исследования. Группа ученых, занимающихся лечением наркомании, филиала китайской академии наук в городе Ухань под руководством профессора Хао Лэя (Hao Lei) пришла к выводу, что интернет-аддикция — не социальный феномен психической распушенности и неумения руководить своим поведением, а болезнь, опасно поражающая сознание своих жертв. Процедура МРТ 35 интернет-зависимых пациентов в возрасте от

14 лет до 21 года, не страдающих алкоголизмом и наркоманией, выявила в белом веществе головного мозга нарушения нейронных связей в участках, отвечающих за эмоции, внимание, принятие решений и самоконтроль. Китайские исследователи пришли к выводу, что психологические и неврологические механизмы, свойственные интернет-зависимым пациентам, присущи также людям, страдающим другими видами патологических привязанностей и у лицам с расстройством контроля за своим поведением [29]. Однако методы «лечения» в специальных лагерях больше напоминают отношение к преступникам, нежели к больным людям. В мае 2015 года китайка Линь-Линь (19 лет), проходившая курс реабилитации в лагере в провинции Хэнань, получила тяжелую травму головы и скончалась по дороге в больницу. Как рассказали другие девушки, жившие в том же лагере, наставники избивали ее и бросали на «твердые поверхности». Сейчас руководители лагеря и наставники, имевшие отношение к гибели Линь-Линь, ожидают суда. К зависимости от Интернета и онлайн-игр в Китае относятся довольно серьезно. Лагерь, подобные тому, в котором произошла эта трагедия, не редкость, и во многих из них царят крайне жесткие порядки.

Пока сетевая зависимость официально признана медицинской (клинической) патологией только в Китае, где количество интернет-аддиктов перевалило далеко за 30 млн., и в Южной Корее. Впрочем, именно в этом направлении движется мировая психиатрия. Эксперты Всемирной организации здравоохранения, разрабатывая новую Международную классификацию болезней 11-го пересмотра (МКБ-11), считают необходимым признать интернет-зависимость опасным психическим расстройством. На сегодняшний момент специалисты определили семь типов интернет-зависимости: просмотр порносайтов, общение в социальных сетях, СМС-общения, веб-серфинг, компьютерные игры, киберсексуальная зависимость и игромания с элементами реальности. По данным Московской городской психологической службы, каждый десятый пользователь Интернета страдает веб-зависимостью. По причине того, что этот недуг в нынешней МКБ 10-го пересмотра официально не признан болезнью, а считается патологической чертой характера, российские психиатры не имеют права поставить такой диагноз и назначить лечение. Сейчас этой проблемой занимаются исключительно психологи. После того, как она попадет в официальный список болезней, ее смогут лечить психиатры [30]. Окончательный вариант новой Международной классификации болезней должен быть принят в 2017 году.

Эпоха Интернета сделала Всемирную Паутину глобальным дублем, симулякром, виртуальным двойником, параллельно существующим и подчас замещающим посюстороннюю повседневную жизнь. Особен-

но остро это проявляется в периоды глобальных переломов, на стыке кардинально различных исторических эпох. Симптоматично, что настроению массового дистанцирования от социума в автономный внутренний мир личности, характерное для России 1990-х и 2000-х годов, было очень созвучно появление и лавинообразное распространение Интернета с его бесчисленными виртуальными мирами общения, игр, фантазий, независимых от того, что происходит за окном. Можно сказать, что массовый социальный аутизм вкуче с политическим пессимизмом, сразу и вдруг сменивший «новую историческую общность — советский народ» [12] и информационно-компьютерная революция, захлестнувшая Россию, в буквальном смысле нашли друг друга. Мы уже отмечали, что мощный психосоциальный стресс, потрясший российское общество в период распада СССР, и нашествие Интернета совпали во времени [7]. Это вызвало опасные разломы в сложившихся представлениях и взаимоотношениях людей. Ситуация усугубилась, когда наш рынок заполнили мобильные телефоны с встроенной фотокамерой. А поскольку *иметь* и *казаться* в этой психологической атмосфере стало важнее и престижнее, чем *быть*, межличностное общение буквально заполнили разного рода симулякры и подобные продукты субкультуры и порой откровенной попсы.

К психологическим метаморфозам такого типа можно отнести феномен *экстремального селфи* — самофотографирования с помощью гаджета в желанном интерьере (видите, как «клево» я смотрюсь в нем) или в экстремальных ситуациях (полюбуйтесь, какой я «бесбашенно крутой»), что особенно часто приводит к увечьям и гибели подростков, щеголяющих друг перед другом и перед пользователями социальных сетей своей смелостью. Мы полагаем, что подспудной причиной массового увлечения селфи и жажда никому не нужных «подвигов» является острый дефицит полноценного социально-личностного общения на фоне множества шапочных и сетевых знакомств и интуитивное опасение впасть в электронный аутизм. «Может быть, необходимость убрать из нашей жизни селфи позволит нам посмотреть в лицо друг другу и общаться, а не ставить друг другу “лайки”», — мечтательно размышляет в одной из своих семейных книг авторитетный психоаналитик и педиатр Наталья Толстая, которой принадлежит идея выделения этапов зависимости индивида от «своего» селфи. Первая стадия — человек просто себя снимает, для того, чтобы увидеть в порядке эстетического самоконтроля, как он смотрится со стороны, но в соцсети не выкладывает. На следующей стадии человек по три раза в день выставляет свои селфи в разные соцсети. И третья — когда до шести раз в день выставляют свои фото в соцсетях, а снимков делает ежедневно и по 300, и по 500 раз. Причем,

в особой группе риска находятся особенно охотно берущие пример со взрослых дети и подростки.

Ситуация настолько обострилась, что в российских школах предложили ввести уроки *безопасного селфи*. С инициативой в Минобрнауки обратилась Общественная организация «За безопасность». С помощью министерства активисты планируют распространить такую практику повсеместно, пишут «Известия» [28]. Авторы инициативы хотят привлечь к проведению занятий психологов, полицейских и профессиональных фотографов. Эксперты подскажут безопасные методы селфи и объяснят, что делать, если тяга к самофотографированию стала болезненной.

Психическая зависимость есть реальный синкретический природно-социальный сплав генетических реликтов предшествующей биологической эволюции (филогенез) и продукт его виртуальной реализации (в виде онтогенеза) в этнокультурных условиях развития исторически конкретного общества. Оба полюса оказывают влияние на процесс ее формирования: первый как естественно-природная предпосылка, второй — как социальная среда, в которой она реализуется. Изложенное выше позволяет сделать заключение, что состояние мозговой ткани и функционирование церебральных структур являются базовым компонентом мыследеятельности человека и фундаментом целостного подхода к его здоровью, выбор которого, в конечном счете, зависит от миропредставлений, образа жизни и привычек конкретного индивида.

Литература

1. Андреев И.Л. Зрение и слух как маркеры генезиса сознания // Вопр. философии. 2012. № 7. С. 156–166.
2. Андреев И.Л. Концепция мозгового шасси // Психология и психотехника. 2011. № 6. С. 49–64.
3. Андреев И.Л. Психиатрия как философия медицины // Философские науки. 2012. № 2. С. 130–145.
4. Андреев И.Л. Философские аспекты нейрофизиологии // Вестник РАН. 2015. № 3. С. 47–52.
5. Андреев И.Л., Есаков В.А., Назарова Л.Н. Философия сознания и культуры // Вестник РАН. 2014. № 12. С. 11–32.
6. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Горький сахар диабета // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 2. С. 170–175.
7. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Играющий мозг. Кто играет в азартные игры: геймер, его мозг или оба? // Психическое здоровье. 2014. № 3. С. 87–96.
8. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психиатрия как предмет образования и просвещения // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 57–67.

9. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Философские аспекты психиатрии // Психическое здоровье. 2012. № 1. С. 80–89.

10. Бисалиев Р.В., Куц О.А., Мухтарова В.Р. Предикторы суицидального поведения у больных с зависимостью от азартных игр // Наркология. 2011. № 7. С. 74–83.

11. Иваницкий А.М. Наука о мозге на пути к решению проблемы сознания // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Наука, 2010. С. 448–449.

12. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт. 2013.

13. Медведев С.В. Механизмы деятельности мозга // Вестник РАН. 2010. № 5–6. С. 481.

14. Назарова Л.Н. Психиатрическая помощь детям младшего школьного возраста с непсихотическими психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2009. № 5. С. 77–80.

15. Назарова Л.Н. Социология психиатрии: школьная дезадаптация как предпосылка компьютерной и игровой зависимости // Наркология. 2015. № 8. С. 59–65.

16. Солдаткин В.А., Бухановский А.О., Калмыков Е.А. Нейровизуализационная характеристика головного мозга больных, страдающих игровой зависимостью // Российский психиатрический журнал. 2011. № 1. С. 15–22.

17. Стрелец В.Б. Болезнь «раздвоенного» мозга // Природа. 1999. № 8. С. 163–171.

18. Юдин Б.Г. Трансгуманизм — наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 5–17.

19. Andreev I.L. Philosophical Aspects of Neurophysiology // Herald of Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 85. № 3. P. 250–255.

20. Explaining criminal behavior // ed. W. Buikhuisen and S. A. Mednick. Leiden: E.J. Brill, 1988.

21. Merckelbach H. Neurobabbel in de rechtzaal. — NRC Handelsblad, 16.03.13. Sect. Wetenschap. P. 2.

22. Neurobiologie zet vraagtekens bij de vrije wil. — NRC Handelsblad, 19.01.13. Sect. Opinie & Debat. P. 7.

23. Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions // Cognitive Brain Research. 1996. mars 3/2. P. 131–141.

24. Rizzolatti G., Craighero L. The Mirror-Neuron System / Annual Rev. Neurosci. Vol. 27 (2004). P. 169–192.

25. Sperry R.W. Science and Moral Priority Merging Mind, Brain and Human Values. Vol. 4 of Convergences (Ser. ed R.N. Anshen). N.Y., Columbia University Press, 1982.

26. *Tisserland I.N.* New risks of addiction for new populations: the example of hackers // *Ann. Med. International*. 2000. Vol. 151. P.49–52.

27. *Young K.S.* Psychology of computer use: addictive use of the internet: a case that breaks the stereotype. // *Psychological reports*. 1996. Vol. 79. P. 899–902.

Электронный ресурс

28. Известия. 8 июня 2015 г. <http://izvestia.ru/news/587447>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.09.2015).

29. URL: <http://reada.ru/info/internet-zavisimye.html> [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.09.2015).

30. URL: <http://russian.rt.com/article/93758> [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.09.2015).

31. *Ugrumov M.V.* Developing Brain as an Endocrine Organ: A Paradoxical Reality / *Neurochem Res* (2010). 2nd International Conference on Endocrinology October 20-22, 2014, Chicago, USA. URL: <http://www.omicsgroup.com/conferences/ACS/conference/pdfs/9727-Speaker-Pdf-T.pdf>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.09.2015).

Биоэтические смыслы этноэкологической экспертизы

Развитие технологий, рост потребления и ориентация на скорейшее извлечение прибыли создали в новейшей истории человечества прецедент угрозы его существованию. Негативные эффекты наступления индустриальной и постиндустриальной цивилизации на среду обитания человека особенно существенно проявляются в образе жизни и практике традиционного природопользования населения северных (арктических) и близких им по природным условиям территорий — представителей коренных малочисленных народов России. Это особая группа граждан независимых государств, коллективные права которых в отношении использования территории их традиционных промыслов закреплены в международном и российском законодательстве.

РФ как субъект международного права и член международных организаций имеет юридические обязательства в сфере защиты интересов данной категории своих граждан. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятую в г. Женеве на 76-й сессии Генеральной конференции МОТ в 1989 году, тем не менее ее Конституция содержит правовые нормы, реализующие наиболее существенные положения данной Конвенции.

В соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока РФ» от 1999 года, все организации, ведущие хозяйственную или иную деятельность на территориях общин, занимающихся традиционными промыслами, обязаны произвести оценку рисков возможного ущерба, связанного с последствиями реализации проекта, и скорректировать негативное воздействие на окружающую среду и благополучие населения. В данном законе указывается, что этнологическая экспертиза есть научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Одним из механизмов осуществления данной экспертизы являются общественные слушания, процедура, предполагается участие всех вовлеченных в грядущие изменения субъектов, способных принимать решения или влиять на их исполнение: во-первых, властей; во-вторых, общественности (в том числе в лице самих общин и отдельных представителей коренных малочисленных народов); в-третьих, хозяйствующих субъектов;

в-четвертых, потенциальных благополучателей. Степень конфликтности и острота дискуссий определяется в значительной мере включенностью/исключенностью коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в число благополучателей и критериями экспертизы. Тезис об обусловленности критериев экспертизы глубиной участия и степенью рефлексивности ее субъектов в статье будет обоснован на примере результатов социологического исследования 2014 года, осуществленного в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и Республике Алтай (РА).

Совокупная доля хантов и манси в структуре населения Югры составляет менее 2%. По данным Всероссийской Переписи 2010 года численность коренных малочисленных народов Севера составляла около 30 тыс. чел., из них ханты — 19 тыс. чел, манси — около 11 тыс. чел. [1]. Отметим, что «сложившаяся система расселения коренных народов на территории округа за последнюю четверть века претерпела значительные изменения, обусловленные, главным образом, промышленной разработкой природно-сырьевых ресурсов округа. Появление новых городов и рост численности городских жителей повысили миграционную подвижность коренных этносов, зачастую имевшую вынужденный характер» [5, с. 94]. В связи со стремительным развитием нефте- и газодобывающих отраслей хозяйства в округе сокращается площадь охотничьих угодий, меняются маршруты миграции оленей, происходит загрязнение рек и нерестилищ.

«Наступление» нефтедобывающих компаний на хрупкую природу северных территорий (ХМАО) не оставляет без последствий образ жизни и практики природопользования северных народов: ограничивается доступ к родовым территориям, осложняется ведение традиционных промыслов, погибают священные для хантов и манси места. Попытки внедрения рыночной модели отношений в традиционные занятия еще более усугубили проблему [4, с. 60]. Этническая идентичность народов Севера находится в критическом состоянии: все больше хантов и манси забывают родной язык (особенно это относится к молодежи), снижается интерес к экономически недостаточно выгодному и в то же время очень тяжелому традиционному труду, забываются исконные традиции и обычаи. Алкоголизация коренного населения, генетически не приспособленного к употреблению спиртного, негативно влияет на качество генофонда народов Севера.

В таких условиях неминуемо страдает и культура коренных малочисленных народов Севера: обряды и обычаи утрачивают свою мироустроительную функцию, превращаясь в фольклорное украшение. Коренное население покидает тайгу и перемещается в города. Это перемещение не может происходить без определенных жертв: деградации традиционных промыслов в сельских поселениях, социальной фрустрации «новых горожан», деформации идентичности представителей северных этносов.

В условиях интенсификации современных социокультурных трансформаций сохранение и развитие коренных народов Севера стало актуальной задачей. Основной круг проблем для коренного населения связан с изменением исторически сложившейся системы расселения КМНС, постепенным угасанием богатейшей культуры народов Севера, несовершенством правоприменительной практики в сфере защиты интересов КМНС.

Правительство РФ, региональные и муниципальные органы власти Югры вынуждены принимать определенные меры, способствующие выравниванию существующих диспропорций между нефтегазовым сектором и сферой традиционного хозяйства, где определяющими являются формы, основанные на самозанятости населения. Это позволяет, хоть и в незначительной степени, компенсировать тот ущерб, который наносится хозяйственной деятельностью предприятий сырьевого сектора природе Севера и традиционному хозяйству его коренного населения.

В данной ситуации достаточно просто выделяются стороны конфликта и его субъекты, охарактеризуются их интересы, определяется законодательная база. Однако есть конфликты иного рода, конфликты со сложной структурой, в которых одни и те же физические лица выступают сразу в нескольких субъектных ипостасях. Его примером может быть сложившаяся в РА ситуация. Республика Алтай также, как и Ханты-Мансийский автономный округ, является полиэтничным регионом РФ. В структуре его населения 3,2% составляют представители коренных малочисленных народов: теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы, телеуты (суммарно около 8000 человек) [1]. Республика Алтай никогда в своей истории не переживавшая индустриального бума, поэтому не может опереться на ресурс промышленных гигантов, испытывая давление на свою экосферу. туристическая привлекательность региона, достигающая своего пика в курортный сезон, становится причиной не только роста экономической состоятельности домохозяйств, но и серьезной экологической угрозы. Поскольку в республике отсутствует современная туристическая инфраструктура, прием и размещение туристов превращается в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, ориентированный на сиюминутное извлечение прибыли. В погоне за выгодой в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия. В конечном итоге, ущерб наносится значительный, однако в отсутствии источников его компенсации он не покрывается ничем. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда одни и те же лица в краткосрочной перспективе являются благополучателями, но в долгосрочной несут ущерб.

Особенно остро в регионе стоит проблема сохранения языков и культур коренных народов Алтая: если для сохранения культуры и языка ти-

тульного алтайского этноса определенные усилия предпринимаются в том числе и на законодательном уровне (например, в Конституции Республики Алтай алтайский и русский языки признаны равноправными, проводятся многочисленные алтайские праздники и т.д.), то условий для сохранения культурных особенностей челканцев, кумандинцев, тубаларов, теленгитов не создано. Между тем, языки меньшинств нуждаются в институциональной поддержке, так как в современных условиях они не могут на равных конкурировать с русским на рынке образования и трудоустройства.

В данных обстоятельствах возрастает значение критериев для экспертизы. Дилемма, которая встает перед представителями КМНС, заключается в следующем: воспользоваться ли компенсацией от причиняемого ущерба «здесь и сейчас» или отказаться от краткосрочной выгоды в пользу сохранения «нетронутой» среды для будущих поколений.

Данные социологических исследований, предпринятых автором, свидетельствуют об ориентации на стремление «жить сегодняшним днем». Подтверждением этого тезиса является эмпирически зафиксированное на представительном массиве социологических данных расхождение двух показателей социального благополучия КМНС: состоянием удовлетворенности своим настоящим положением и уверенностью в завтрашнем дне.

Одним из инструментов социологического исследования явилась предложенная Н.И. Лапиным модель измерения социального самочувствия, включающая указанные показатели [3]. Мнение представителей коренных малочисленных народов по поводу их будущего и угроз существованию выяснялось в ходе социологического исследования, осуществленного сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск), в рамках экспедиции 2014 года (руководители Ю.В. Попков и Е.А. Ерохина). Всего было опрошено более 400 жителей ХМАО, в том числе 71 представитель коренных малочисленных народов Севера. Респондентами из числа КМНС стали городские и сельские ханты и манси из г. Ханты-Мансийск, г. Сургут, г. Лангепас, с. Русскинская и с. Сытомино Сургутского района. В Республике Алтай исследователи также опросили чуть более 400 человек, среди которых к представителям КМНС себя отнесли 44 респондента. Маршрут экспедиции в Республике Алтай прошел через г. Горно-Алтайск, села Майма (Майминский район), Чемал и Бешпельтир (Чемальский район), Шебалино, Беш-Озек и Шаргайта (Шебалинский район), Кош-Агач, Бельтир, Жана-аул, Кокоря, Тебелер, Мухор-Тархата и Теленгит-Сортогой (Кош-Агачский район). Кроме того, опрос по анкете был дополнен серией интервью, проведенных в регионах с представи-

телями государственной и муниципальной власти, творческой и научной интеллигенцией, работниками СМИ, руководителями общественных организаций. Сочетание количественной и качественной стратегий в сборе информации позволило глубже понять социально-культурные реалии жизни КМНС в указанных регионах.

В ответе на вопрос «довольны ли Вы сейчас в целом своей жизнью» более половины респондентов из числа представителей КМНС в Югре дали положительный ответ (51,5%). Не совсем довольных было 39,7%, и совсем недовольных лишь 2,9%. На Алтае ситуация также позитивна: вполне удовлетворены своей жизнью в целом 65,1% опрошенных представителей КМНС (теленгитов), не совсем довольны — 25,6%, не довольны — 0% (!)

В то же время большинство хантов и манси солидарны оценке своего будущего: 61,2% из них считают, что их будущее находится под угрозой, и лишь 17,9% считают, что их будущему ничего не угрожает.

Данные, полученные в Республике Алтай, показывают, что мнения опрошенных представителей коренных малочисленных народов разделились, не выявив явной позитивной или негативной оценки перспектив развития. Настораживает значительное число — треть опрошенных — затруднившихся предположить, что ждет их в будущем. В то же время больше половины русских и казахских респондентов считают, что будущему коренных малочисленных народов в РА не угрожает ничего: здесь данные подтверждают феномен, зафиксированный в ХМАО (представители некоренных народов обоих регионов не видят опасности для будущего КМНС). Интересно, что с ними не согласны половина опрошенных алтайцев, которым, как представляется, ближе и понятнее стоящие перед КМНС проблемы: 51% из них считает, что будущее КМНС находится под угрозой.

Сопоставление двух показателей социального самочувствия — удовлетворенности своей жизнью в настоящем и неуверенности в будущем — подтверждает гипотезу о том, что на уровне повседневных практик жизни КМНС сохраняется устойчивая ориентация «жить сегодняшним днем». Такая стратегия КМНС как субъектов экспертизы, представляющих общественность, побуждает многие общины в погоне за сиюминутной выгодой идти на поводу у властей и хозяйствующих субъектов. Неоднозначность такого выбора обостряет необходимость обсуждения моральных критериев экспертизы, ее принципов и процедур принятия ответственности.

Данная ситуация осознается представителями КМНС. В числе проблем, обозначенных представителями коренных малочисленных народов в качестве наиболее актуальных, выделены сохранение и развитие родного языка и традиционной среды обитания [2]. Примечательно, что в число

наиболее важных вошла и проблема, связанная с необходимостью паритетного предоставления льгот и распределения материальных благ по национальному признаку (табл. 1). Обозначенные проблемы по своей злободневности обогнали необходимость борьбы с алкоголизмом и важность улучшения условий жизни.

Табл. 1

**Проблемы, обозначенные представителями КМНС
как наиболее актуальные для их сохранения и развития
(в % от числа ответивших)**

	ХМАО	РА
Сохранение и развитие родного языка	83,6	81,4
Сохранение традиционной природной среды обитания	76,1	53,5
Улучшение условий жизни всех жителей округа (города, поселка)	61,2	41,9
Борьба с алкоголизмом	56,7	37,2
Решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости	37,3	23,3
Предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку	35,8	48,8
Возрождение традиционных религиозных верований	32,8	20,9
Увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления	26,9	30,2

Подводя итог, перечислим ряд проблем, актуальных для представителей коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа и Республики Алтай. Это такие проблемы, как сохранение и развитие родного языка и традиционной природной среды обитания; алкоголизация населения и необходимость улучшения условий жизни жителей. Однако решить эти проблемы лишь самостоятельными усилиями коренные малочисленные народы не могут не только в силу демографических причин, обусловленных их меньшинством в среде более крупных этносов. Гарантом соблюдения их прав является государство. Его способность выполнять свои обязательства перед этой категорией своих граждан является одним из определяющих факторов самочувствия КМНС, в том числе и в отношении принятия ответственности за исполнение решений, принятых в результате общественного обсуждения.

Таким образом, можно выделить следующие биоэтические смыслы, сопровождающие всякую этнологическую экспертизу: во-первых, собственно этический аспект, связанный с рефлексией ценностных оснований выбора своей позиции всеми субъектами экспертизы, в том числе представителями общин КМНС, осуществляющих традиционное природопользование на своих исконных территориях; во-вторых, нормативный аспект, обусловленный необходимостью приведения в исполнение коллективного решения органами власти; в-третьих, технологический аспект, требующий учета не только интересов и ценностей сторон общественной дискуссии, но также использования методик корректировки возможных негативных последствий воздействия на среду обитания и культуру коренных народов и средств исчисления убытков в случае невозможности нивелировать понесенный ими ущерб.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.06.2015).

2. Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1 (58). С. 165–177.

3. Латин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // *СОЦИС*. 2006. № 8. С. 25–34.

4. Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос и экология: социокультурные ориентиры народов Севера // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Философия. 2011. Т. 9. Вып. 1. С. 60–65.

5. Хакназаров С.Х. Природные ресурсы и обские угры. Екатеринбург, 2006.

Проблема рационализации выбора в контексте эффективности терапевтического сотрудничества врача и пациента

Технический прогресс и последующее ускорение социальных процессов создало определенные трудности в адаптации человека к жизни в обществе. Человек, стремящийся обрести чувство принадлежности, установить с другими людьми социальные связи, отождествить себя с определенной группой, ведет поиски в изменчивой среде, где все объекты, к которым он мог бы присоединиться, находятся в постоянном движении. Отсюда все возрастающее число случаев психического расстройства, невроза и просто потери душевного равновесия. Как следствие, мы видим бурное возрождение мистицизма. В моду вошли всевозможные виды гадания, магия, йога, сеансы экстрасенсов и т.д.

П. Куртц в книге «Искушение потусторонним» пишет: «Сегодня, как в прежние времена, мы обнаруживаем конфликт в человеческой психике: наука противостоит религиозным доктринам, всеобщим опытом подтверждаемый мир — миру мечты, знание факта — романтическим предубеждениям, решимость быть хозяином своей судьбы — стремлению верить свою жизнь провидению всевышних сил» [1, с. 13]. Подобная дихотомия существует между научным анализом и иррациональным выплеском «суперзнания», ученым и мистиком, деятельным человеком и слепым последователем, независимой личностью и зависимой душой. Человек, подавленный обыденностью и бренностью своего существования, стремится сбежать в другой мир — мир волшебства и грез.

В известном смысле эта раздвоенность нашей природы отражена в культуре и полностью преодолена быть не может. Рациональная и иррациональная составляющие человеческого мышления не исключают, а дополняют друг друга. Их гармонизация может быть достигнута через понимание человеком собственной судьбы и принятия ответственности за осуществляемый им выбор.

Современная медицина продолжает реализовывать на практике установки рационализма, все глубже проникая в тайны природы, создавая при этом новые методы и средства для облегчения жизни людей. Ценность науки познается в сравнении с ее противоположностью — невежеством. В свое время К. Маркс назвал невежество демонической силой, которая может привести к многим трагедиям. С точки зрения человека-обывателя невежество выступает как некое незнание, неосведомленность, отсут-

ствии информации, а с точки зрения ученого-исследователя невежество — есть бессилие разума, его неспособность познавать мир и бегство в иррационализм. Единственный способ избежать власти иррациональных стихий — это продолжать совершенствовать нашу способность к рациональному мышлению [1, с. 85].

Несмотря на то, что разум — родовой атрибут человека, чтобы стать разумным, индивиду необходимо постоянно самообразовываться, осваивая историю и культуру мышления, анализируя поступающую информацию, критически осмысливая современные достижения науки и техники. В процессе терапевтического сотрудничества врача и пациента это особо актуально, поскольку в осуществлении выбора немаловажную роль играют проблемы: понимание пациентом полученной информации, его компетентность и достижение согласия по поводу лечения.

На процесс выбора человека влияют многие факторы, среди которых определяющим является преобладание у индивида рационального или мифологического мышления. «Пациенты с рациональным типом мышления адекватно воспринимают информацию о состоянии своего здоровья, понимают всю меру ответственности и стараются достигнуть положительных результатов в процессе «терапевтического сотрудничества» с лечащим врачом. Пациенты с преобладающим мифологическим типом мышления, узнав о неблагоприятном диагнозе, как правило, паникуют и в процессе принятия решения стремятся переложить груз ответственности за состояние своего здоровья на чужие плечи. Большинство таких пациентов предпочитают пассивность активности. Пытаясь найти чудодейственные пути исцеления, они игнорируют здравый смысл и проверенные медициной методы лечения. В результате процесс лечения откладывается, болезнь прогрессирует, что приводит к печальным последствиям для самого пациента и его родственников» [2, с. 75]. Таким образом, благодаря собственному невежеству, пациент может нанести вред своему здоровью.

Биоэтическое измерение взаимоотношений врача с пациентами и их родственниками требует учета психофизических и социокультурных особенностей человека, обратившегося в медицинское учреждение. Невежество в биоэтическом аспекте медицинской деятельности выступает как идеология антигуманизма. Ценность общественного строя измеряется теми условиями, которые государство создает для борьбы со Злом и преодоления наиболее опасных его проявлений.

Применительно к биоэтическим проблемам современности обусловленность парных понятий «добро» и «зло», «польза» и «вред» принято изучать в контексте взаимоотношений врача и пациента, где связка понятий «польза — вред» рассматривается в психофизическом аспекте, а связка понятий «добро — зло» характеризуется сквозь призму морали. В ме-

дицине мера соотношения «добра» и «зла» — величина изменчивая и во многом зависит от уровня взаимопонимания субъектов коммуникации и степени удовлетворенности интересов отдельных людей. В медицинской деятельности врачу приходится из двух зол выбирать меньшее, руководствуясь при этом интересами пациента и желанием принести ему пользу [3].

В индивидуальном плане некомпетентность медицинского работника может квалифицироваться как невежество, а в общекультурном — как идеология антигуманизма, влекущая за собой рост числа «врачебных ошибок». Понятие «некачественная услуга» применимо к медицинским услугам, повлекшим причинение вреда жизни или здоровью пациента. Все медицинское сообщество призвано нести ответственность за осуществление и поддержку законодательных норм, направленных на удовлетворение общественных запросов в сфере здравоохранения [4].

Реалии современного мира обязывают медицинских работников в своей деятельности соблюдать этические принципы и нормы, учитывать культурно-религиозные особенности в процессе взаимоотношений с пациентами и их родственниками. Без знания этих особенностей невозможно качественное выполнение медицинскими работниками своих должностных обязанностей, грамотное планирование биомедицинских исследований в такой многоконфессиональной стране, как Россия.

Эволюция современного российского законодательства в сфере медицины и здравоохранения исходит из принципа уважения к автономии индивида, как к одной из основополагающих ценностей цивилизованного образа жизни. В Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] были включены пункты, законодательно закрепляющие обязанность медицинских работников учитывать культурно-религиозные особенности пациента: оказание медицинской помощи пациенту с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций пациента (ст. 6, п. 2); допуск к пациенту священнослужителя, а в случае нахождения его на лечении в стационарных условиях — на предоставление условий для отправления религиозных обрядов, проведение которых возможно в стационарных условиях, в том числе на предоставление отдельного помещения, если это не нарушает внутренний распорядок медицинской организации (ст. 19, п. 11); по религиозным мотивам при наличии письменного заявления супруга или близкого родственника, а при их отсутствии иных родственников либо законного представителя умершего или при волеизъявлении самого умершего, сделанном им при жизни, патолого-анатомическое вскрытие не производится, за исключением некоторых случаев (ст. 67, п. 3); патолого-анатомическое вскрытие

проводится с соблюдением достойного отношения к телу умершего человека и сохранением максимально его анатомической формы (ст. 67, п. 8).

Статья 20 закрепляет право на получение пациентом в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. Неукоснительное соблюдение врачом этой статьи способствует эффективности терапевтического сотрудничества и результата самого лечения. Статья 22 закрепляет право пациента знать всю правду о состоянии своего здоровья, тем самым налагая запрет на «святую ложь», в то же время, врач должен учитывать, что информация о состоянии здоровья не может быть предоставлена пациенту против его воли.

Наука и медицина не стоят на месте, с каждым днем совершенствуются, вместе с тем знания — продукт скоропортящийся, они способны устаревать и видоизменяться, поэтому каждому медицинскому работнику необходимо регулярно заниматься самообразованием. Невежество может быть сущностной характеристикой как ученого человека, так и обывателя, оно может привести к недопониманию во взаимоотношениях врача и пациента. Преодоление невежества выражается в вечной борьбе Добра со Злом, воплощенной в этико-правовых и социокультурных трансформациях социума.

Государство борется с невежеством, пытается рационализировать сферы жизнедеятельности общества. Статья 50 «Народная медицина» Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ) регулирует деятельность лиц, занимающихся народной медициной, и закрепляет право на эту деятельность за гражданами, получившими медицинское образование и разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья [5]. Также в России запрещена реклама целительства, осуществляемого людьми, не имеющими на это официального разрешения.

В рамках концепции информированного согласия последнее слово всегда остается за пациентом, который решает — лечиться ему у квалифицированных специалистов в медицинском учреждении или доверить свое здоровье «народным целителям», не имеющим медицинского образования или лицензии на оказание медицинских услуг. Все это актуализирует проблему рационализации выбора в контексте эффективности терапевтического сотрудничества врача и пациента, что может быть достигнуто посредством развития критического мышления и способности к самообразованию у обеих сторон.

Литература

1. Куртыц П. Испытание потусторонним. М.: Академический Проект, 1999.
2. Агеева Н.А. Эффективность терапевтического сотрудничества врача и пациента в контексте рационального и мифологического мышления // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 69–77.
3. Агеева Н.А. Биоэтическое измерение понятий «добро» и «зло», «польза» и «вред» в контексте медицинской деятельности // Современная медицина: актуальные вопросы. 2014. № 31. С. 83–88.
4. Агеева Н.А. Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы и пути решения // Universum: Медицина и фармакология. 2014. № 6 (7). С. 2.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 20.06.2015).

Адаптация школьников младших классов: выбор форм коррекции

Ускорение темпа жизни, введение различных образовательных инноваций, повышение учебных требований часто приводят к росту напряженности, тревожности, низкой успеваемости, нарушениям поведения и межличностного взаимодействия, то есть появлению школьной дезадаптации у детей 7–11 лет. Последнее можно рассматривать как одну из форм более широкого явления — социальной дезадаптации: для ребенка становится невозможным осуществление своей позитивной социальной роли в конкретных микросоциальных условиях.

Школьная дезадаптация является проявлением социально-психологических отклонений в развитии способностей ребенка к успешному овладению знаниями и умениями, навыками активного общения и взаимодействия в продуктивной коллективной учебной деятельности. Ее основными критериями являются: неуспешность в обучении по программе (когнитивный компонент), нарушения эмоционально-личностного отношения к обучению с равнодушием и пассивностью, либо активным отказом (личностный компонент), повторяющиеся нарушения поведения в школьной среде в виде неконтактности и избегающих форм поведения или демонстративности, агрессивно-асоциального реагирования (поведенческий компонент) [2].

В детской социальной психиатрии адаптация в школе рассматривается в качестве важнейшей составляющей социальной приспособленности (адаптированности) ребенка в социуме, необходимой предпосылкой его дальнейшего адекватного психо-физиологического развития, взросления. В последние годы ряд ученых придерживается *биомедицинской модели психического здоровья и психических расстройств*, которая вносит существенные изменения в оценку роли социального фактора в профилактике, генезе и развитии нарушений психического здоровья и в методологию специализированной психиатрической помощи детям и подросткам [4; 3].

Психолого-педагогическая диагностика «готовности к обучению»

Готовность детей к обучению в школе — предмет многочисленных исследований в психиатрии и психологии (Н.М. Иовчук, Э.С. Мандрусова, Н.К. Сухотина, В.Ф. Шалимов, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.В. За-

порожец, В.В. Давыдов, Л.А. Венгер, Л.И. Божович, Н.Г. Салмина, А. Керн, С. Штребел, Я. Йирасек и др.). Исследования показывают, что число «неготовых» к школе детей уменьшается с возрастом: шестилетних — 51%; детей шести с половиной лет — 32%; семилетних — 13%. Организация помощи детям, изначально не готовым к обучению в школе, имеет важное практическое значение и в настоящее время переросла в серьезную медико-педагогическую проблему. Основной задачей является проведение обоснованных сберегающих здоровье мероприятий, ориентированных на таких детей. Представители различных школ и направлений психолого-педагогической науки признают тот факт, что реальные способности ребенка могут проявиться достаточно поздно, и тот тип образования, который он получает, в большой мере способствует их проявлению. Введенное Л.С. Выготским понятие «зоны ближайшего развития» фиксировало именно этот теперь широко известный факт. В данной связи, определяя индивидуальные особенности ребенка, предпочтительно говорить о его склонностях, а не способностях. Общее понятие «готовности» ребенка к школьному обучению должно быть рассмотрено в контексте его развития в качестве определенного этапа его продвижения и в этом аспекте в большой степени представляет собой социальный феномен. При этом, учитывая зону ближайшего развития ребенка, бывает затруднительно точно установить степень «готовности» к обучению.

Одной из самых болевых точек в обсуждении проблемы использования психолого-педагогической диагностики является распространенная практика применения диагностических методов при приеме детей в школу. Когда речь заходит о готовности ребенка к школе, то мы имеем дело с социальным феноменом, который диктует необходимость идти в определенном возрасте в школу. Производя отбор, педагог может навязывать ребенку менее перспективный путь индивидуального развития, исходя из собственных представлений об его уровне знаний, умениях и навыках. Поскольку от практического психолога или педагога, занимающегося диагностикой, зависит подбор адекватных ситуации диагностических методик, точное соблюдение правил проведения диагностической процедуры, интерпретация полученных данных и, наконец, корректно выбранные форма и адресат сообщения результатов диагностики. Информация о результатах диагностики психического развития ребенка носит конфиденциальный характер, поэтому круг лиц, допущенных к этой информации, должен быть ограничен — это ребенок и его родители. Тем не менее, обычная практика допускает существенное расширение этого круга. В него часто входят учитель или воспитатель, завуч и директор школы, методист. Профессиональная этика требует, чтобы и ребенку, и его родителям не сообщались непосредственные результаты

диагностики, даже в том случае, когда они вполне позитивны. На основании полученных результатов необходимо предоставить конкретные рекомендации, выраженные понятным языком, без специальных терминов и сложных выводов.

Именно с использованием результатов диагностики и связан этический и этико-медицинский аспекты ее применения в системе образования. В связи с использованием результатов диагностики, например, при приеме детей в школу, при прохождении так называемых «курсов» подготовки к школе, встает проблема информированности детей и их родителей о цели, процедурах и результатах диагностики, а также о праве на отказ от обследования. Необходимым условием, должно быть специальное разрешение родителей на проведение тестирования, должно соблюдаться правило их добровольного информированного согласия. Информация должна касаться всего комплекса возможных последствий — как социального, так и медицинского характера.

Широко (в том числе, за рубежом) обсуждается проблема «ярлыка» или «стигмата» в социальной и клинической практике. В связи с тем, что ярлык диагноза, присвоенный пациенту, способен сам по себе довольно сильно влиять на его дальнейшую судьбу. Ярлык же «неготовности» ребенка к школе часто наносит серьезную психологическую травму детям и их родителям и может существенно повлиять на траекторию развития ребенка и на дальнейшее его отношение к образованию.

С другой стороны, нежелательно отказываться от этого типа диагностики шестилетних детей, которые в большинстве случаев не готовы к школьному обучению. В последнее время обнаруживается тенденция к снижению возраста начала школьного обучения, тогда как изменений в традиционном типе преподавания и в стиле взаимодействия педагогов с детьми нет. Наши данные показывают, что ведущим фактором раннего направления шестилетних детей в школу чаще является не их ускоренное возрастное психическое развитие, а социальные установки и ожидания родителей, которые самостоятельно в условиях домашней среды начинают *раннее обучение детей в ущерб развитию у них игровых форм деятельности*. Эти установки родителей формируют определенные ожидания у ребенка и изначально несут в себе высокий уровень латентной конфликтности. Он связан, в том числе и с тем, что неготовность этих детей к условиям школы при сформированности школьных навыков чтения, счета, письма проявляется, прежде всего, в неспособности отвечать предъявляемым требованиям и в несформированности механизмов защиты в новой социальной ситуации обучения, включающей новые системы отношений: «учитель — ученик, ученик — ученик». Неготовность к этой системе отношений является фактором риска быст-

рого снижения мотивации к обучению у хорошо подготовленных к школе детей и невротических форм реагирования, связанных с несостоятельностью ожиданий.

Комплексная коррекция школьной дезадаптации детей

Младший школьный возраст является одним из критических периодов развития. В этом возрасте происходят существенные качественные преобразования в разных физиологических системах и мозговых структурах, изменяются базовые механизмы организации всех психических функций, растет напряжение адаптационных процессов. На данном этапе развития несоответствие средовых воздействий особенностям и функциональным возможностям организма может иметь особо негативные последствия. В настоящее время актуальную и значимую научную проблему представляет трудность в адаптации к учебному процессу, так как число проблемных детей значительно увеличилось. Психолого-психиатрическое обследование выявляет у большинства учащихся детей (93–97%) различные психические расстройства, которые в основном относятся к пограничному уровню патологии. Коррекционная работа специалистом одного профиля с таким школьником оказывается малопродуктивной и требует применения усилий различных специалистов: психологов, педагогов, психиатров, педиатров, психотерапевтов, семейных терапевтов, дефектологов, социальных педагогов и т.д. Таким образом, возникает необходимость междисциплинарного взаимодействия.

Задача первого этапа, на котором решается вопрос о возможности приема ребенка в конкретную рееадаптационную систему (учреждение, группу, класс и т.д.) исходя из принятых в этой системе критериев включения и исключения, состоит в установлении ведущих факторов дезадаптации школьника, оказании экстренной помощи, снятии стресса, кризисного психофизического состояния. На втором этапе ведущим направлением междисциплинарного взаимодействия специалистов является углубленное обследование различными специалистами психического здоровья с выделением ключевой социально-психологической проблемы и составление плана индивидуального плана комплексной психолого-педагогической и медицинской коррекционно-реабилитационной помощи школьнику. Задачей второго этапа является назначение учащемуся куратора, то есть того специалиста, в помощи которого в первую очередь он нуждается. Третий уровень медико-социальной помощи детям обеспечивался мультидисциплинарным коллективом специалистов. Представлял собой социально-адаптивное, интеграционное и стабилизационное направления

помощи учащимся начальных классов с проявлениями школьной дезадаптации. Четвертый, рерадаптационный этап, заключался в переводе учащегося из коррекционно-развивающего класса в общеобразовательный. На данном этапе основным участником адаптационного процесса является социальный педагог.

Оптимальной формой совместной деятельности всех участников коррекционного процесса, как показал многолетний опыт автора и его социологические наблюдения, является психолого-медико-педагогическая комиссия, которая представляет собой совещание специалистов, участвующих в обследовании, обучении, коррекции школьника.

Задачами психолого-медико-педагогической комиссии являются предоставление каждым специалистом результатов обследования учащегося и его семьи и предложения по выбору социопрофилактической и социокоррекционной работе с выработкой единого поэтапного плана психолого-медико-педагогической помощи ребенку.

По общепринятому сегодня в медицинской и педагогической среде мнению, психолог является центральным лицом в профилактике и коррекции школьной дезадаптации. Однако мой опыт свидетельствует о том, что изолированная деятельность психолога оказывается малоэффективной или дает лишь кратковременный эффект. Вследствие того, что наиболее распространенные в детской популяции психические нарушения часто носят стертый или «маскированный» характер и могут выражаться в виде патологических реакций, декомпенсаций, которые по мнению психолога, педагога, родителя носят характер «естественных», психологически понятных, логически объяснимых («ловушка очевидности»). Психолог, определив личностные особенности ребенка, указывает на потенциальные возможности в интеллектуальной деятельности и эмоциональных особенностях ребенка и тем самым определяет уровень возможных достижений в результате коррекционной работы.

Социальный педагог представляет картину среды, в которой дезадаптировался ребенок, определяет основные средовые травмирующие факторы, также выявляет «опорного», обычно наиболее авторитетного в глазах школьника члена семьи, с которым предпочтительней взаимодействовать в коррекционно-реабилитационном процессе.

Необходимыми принципами междисциплинарного взаимодействия являются знания основных положений и законов о семье и правах ребенка и ориентированность в вопросах пограничной психической патологии, способность выражать свои профессиональные заключения общедоступным языком. Психолого-медико-педагогическую комиссию целесообразно проводить перед выбором нового этапа профилактического или коррекционного процесса, а также при изменениях в поведении, успеваемости

ти или отношениях ребенка, требующих новой коррекционной тактики или дополнительных обследований.

Заключение

Результаты специальных эпидемиологических и социологических исследований свидетельствуют о неуклонном росте пограничных форм психической патологии у детей. Среди больных пограничными психическими расстройствами самую большую группу по частоте встречаемости составляют дети с нарушениями возрастного психического развития в виде специфических симптомов и синдромов — 53,1%. За 1990-е и 2000-е годы среди пограничных психических расстройств у детей уровни болезненности увеличились практически по всем позициям. Уровень болезненности неврозами возрос на 9,7%, специфическими симптомами и синдромами — на 38,9%, реактивными состояниями — на 45,6%. Наиболее выросли показатели болезненности психосоматическими расстройствами (в 2,1 раза, или на 110,7%) [1; 5; 6].

Проведенный эпидемиологический и социологический анализ ориентируют исследования, прежде всего, на выявление факторов риска, определяющих такую негативную динамику. В связи с этим особое значение приобретает изучение социально-психологических и педагогических аспектов, а также мер профилактики пограничных психических расстройств у детей. Ряд исследований, выполненных в последние годы, посвящены организации и оптимизации медицинской помощи детям, но многие аспекты этой проблемы требуют дальнейшего изучения и исследования. В них указывается на эτικο-правовой характер проблем, возникающих при оказании психиатрической помощи детям. Отмечается также неудовлетворительное состояние межведомственного сотрудничества.

Академик Т.Б. Дмитриева еще в 1999 году определила средовую психическую дезадаптацию школьников как «реакцию приспособления, в ряде случаев патологического, к неадекватным для уровня развития личностной активности и личностного роста ребенка социальным условиям его жизнедеятельности» [4, с. 11]. К современной ситуации в российских школах это относится в полной мере, а потому выбор форм коррекции для адаптации младших школьников остро необходим.

Литература

1. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Играющий мозг. Кто играет в азартные игры: геймер, его мозг или оба? // Психическое здоровье. 2014. № 3. С. 87–96.

2. *Вострокнутов Н.В.* Социально-обусловленные расстройства у детей и подростков: диагностические и коррекционные аспекты // Современные проблемы охраны психического здоровья. Волгоград, 2007. С. 19–20.

3. *Вострокнутов Н.В.* Биопсихосоциальная модель формирования психических расстройств у детей с пограничными психическими расстройствами // Материалы Всероссийской Конференции «Медико-социальные приоритеты сохранения психического здоровья населения России (клиническая общая, детская и судебная психиатрия)». Петрозаводск, 2009. С. 99–100.

4. *Дмитриева Т.Б.* Социальная психиатрия в детско-подростковом возрасте — клиническая реальность нашего времени // Рос. психиатр. журн. 1999. № 3. С. 9–14.

5. *Назарова Л.Н.* Социология психиатрии: школьная дезадаптация как предпосылка компьютерной и игровой зависимости // Наркология. 2015. № 8. С. 59–65;

6. *Шалимов В.Ф.* Междисциплинарный подход к диагностике и коррекции пограничных психических расстройств в детском возрасте // Медико-социальные приоритеты сохранения психического здоровья населения России. СПб., 2009. С. 127.

Особенности личности и курение: существует ли свобода выбора?

Общеизвестно, что проблема выбора, точнее свободы выбора, является одной из центральных в экзистенциальной философии. Ж.П. Сартр считал, что «выбирать можно все, что угодно, если речь идет о свободе решать» [14]. Следовательно, понимание человеческой свободы у Сартра выглядит так: «человек есть то, что он делает из того, что из него сделали» [19]. В связи с таким пониманием свободы Сартр был не согласен, в частности, с психоанализом З. Фрейда, который постулировал практически полную зависимость сознания от бессознательного.

Экзистенциализм стал одной из предпосылок развития гуманистической психологии, которая в противовес психоанализу и бихевиоризму, стремилась показать, что человек имеет возможность личностного роста, развития и право выбора. Идея выбора, как одной из важнейших функций личности близка и отечественным психологам. Б.Ф. Поршнев утверждал, что «функция выбора — основа личности». Функция выбора охватывает не только сферу обмена вещей, она в истории чем дальше, тем больше характеризует поведение человека как сознательное, а самого человека — как личность [13]. А.Г. Асмолов, подчеркивая важность осуществления выбора для формирования личности, утверждает, что «личность — это функция выбора» [2].

Кратко упомянув мнения лишь отдельных выдающихся ученых относительно проблемы выбора в ее философско-психологических аспектах, перейдем к более узкому ее рассмотрению в контексте возможности выбора человеком своих привычек, в частности курения. В данном случае выбор осложняется тем, что в процессе курения происходит воздействие на биологические структуры организма, в результате чего, как правило, формируется зависимость, и, следовательно, возникает уже следующая проблема — возможность выбора отказа от курения.

Актуальность изучения факторов, которые могут стать причинами начала курения и отказа от него, очевидны. В последние годы Всемирная организация здравоохранения заявила о «глобальной табачной эпидемии», которая вызывает более 5 миллионов смертей ежегодно при ожидаемом увеличении этого показателя до 8 миллионов к 2030 году [23].

По данным отечественных исследований из 100% систематически курящих лиц лишь 5–7% имеют привычку к курению, а у 93–95% фиксируется табачная зависимость, которая трактуется как хроническое заболева-

ние [4; 7]. Поэтому многие медики считают, что «лица с табачной зависимостью нуждаются в медицинской помощи, и не простой, а специализированной» [4], что отрицает возможность самостоятельного отказа от курения.

Такая точка зрения базируется на изучении биологических и психофизиологических механизмов табакокурения. По количественному содержанию в листьях табака и по силе действия на организм человека первое место занимает никотин. Никотин относится к нервным ядам, экспериментально установлено, что он в малых дозах возбуждает нервные клетки, способствует учащению дыхания и сердцебиения, вызывает нарушение ритма сердечных сокращений, тошноту и рвоту. В больших дозах тормозит, а затем парализует деятельность клеток нервной системы, что может проявляться понижением трудоспособности, дрожанием рук, ослаблением памяти [там же].

Считается, что никотин помогает преодолевать стресс: усиливая секрецию серотонина, никотин ослабляет активность мозговых клеток, что ведет к чувству умиротворения. Только через некоторое время происходит увеличение количества норадреналина, и это сопровождается повышением активности мозга. Но это действие длится всего лишь несколько десятков минут, и тогда курильщику хочется все начать сначала, именно поэтому так трудно избавиться от этой вредной для здоровья привычки, не говоря уже о психологической зависимости [5].

Особенности табакокурения и табакозависимости, их вред для здоровья подробно исследованы с точки зрения медицины [3], но гораздо меньше изучены с точки зрения психологии.

Психологи, прежде всего, изучают мотивационные факторы курения. Выделяют несколько мотивов начала курения: подражание, стремление к взрослости, любопытство, стремление все попробовать, влияние сверстников, пример родителей и т.п. [6; 8; 16]. Хотя современные подростки хорошо осведомлены о негативных последствиях курения, они выделяют три основных его преимущества, которые могут компенсировать причиненный вред: снятие напряжения; возможность повисить собственный авторитет; сплочение группы и большая свобода общения. Результаты опроса курящих студентов показали, что на вопрос о причине начала курения 16% респондентов ответили: «...все курили (за компанию)», 53% — «...захотелось попробовать, потом втянулся» и 31% — затруднились ответить [10].

А. Фернхейм и П. Хейвен отмечают, что многие исследования предикторов курения подвергаются критике, поскольку в них предполагается, что курение обусловлено только одним или двумя факторами [18]. В качестве альтернативы они рассматривают комплексное лонгитюдное ис-

следование психосоциальных прогностических факторов курения, в котором участвовало 7000 австралийских старшеклассников в возрасте от 12 до 17 лет [20]. На первом месте по значимости для подростков обоего пола оказались такие факторы как курящие друзья, слабое понимание связи между курением и вредом здоровью, кажущееся или фактическое давление сверстников. В группе девушек далее по значимости оказался фактор нейротизма, то есть эмоциональной нестабильности. Более того, второй срез данного исследования, проведенный через год, показал, что подростки (особенно девушки), которые начали курить в течение этого года, отличаются от тех, кто остался некурящим, более высокими показателями нейротизма.

В связи с этим, на наш взгляд, весьма перспективным направлением психологических исследований курения является выявление возможных личностных особенностей курящих по сравнению с некурящими людьми. Анализ таких различий может способствовать как лучшему пониманию механизмов возникновения привычки к курению, так и реализации индивидуального подхода при создании рекомендаций и программ по профилактике и борьбе с курением [1].

В зарубежной психологии выполнен ряд сравнительных исследований психологических особенностей курящих и некурящих испытуемых в рамках теории личностных черт. Обзор таких исследований представлен в работе А. Фернхейма и П. Хейвена [18]. Так, в исследованиях Г. Аштона было выявлено, что курящие характеризуются более высокими оценками экстраверсии, причем, чем выше уровень экстраверсии, тем больше количество выкуриваемых сигарет. Исследование Н. Черри и К. Кьернана показало, что существует значимая корреляция между такими чертами, как нейротизм и экстраверсия и табакокурением, причем глубоко затягивающиеся курильщики составили группу с наивысшим уровнем нейротизма [там же].

Д. Паттон и др. провели исследование 1257 взрослых жителей Канады [22], среди которых оказалось 348 курящих, 486 никогда не куривших и 417 бросивших курить. Было обнаружено, что у куривших на момент исследования мужчин средний уровень экстраверсии значительно выше, чем у группы никогда не куривших и бросивших курить. Что касается нейротизма, то у курящих мужчин были значительно более высокие показатели напряженности и тревожности и значительно более низкие самооценки, чем у других групп; кроме того, у них были значительно более высокие оценки по айзенковской шкале психотизма. У тех, кто бросил курить, оценки силы эго были выше, чем у курящих. У курящих женщин уровень экстраверсии был выше, чем у некурящих и бросивших курить, хотя в оценках нейротизма различия не обнаружились. Курящие женщи-

ны получили значительно более высокие оценки по параметру психотизма, чем женщины из групп некурящих и бросивших курить. Д. Паттон и его коллеги заключили, что высокие показатели психотизма (психической тугоподвижности) у курящих согласуются с концептуализацией психотизма как низкого уровня эмпатии, высокой враждебности и импульсивности и низкой конформности. Как считают А. Фернхейм и П. Хейвен, именно слабое стремление к конформности, может быть связано с тем, что курильщики не отказываются от поведения, которое становится все менее социально приемлемым [18].

В последние годы и в отечественной психологии проводятся исследования с целью выявить различия по психологическим характеристикам между курящими и некурящими. Так, Н.Б. Сердюковой с использованием 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла и методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению, удалось показать, что у курящих девушек и юношей в сравнении с некурящими достоверно ниже уровень озабоченности, выше социальный контроль поведенческих реакций, выше склонность к агрессивному и делинквентному поведению [15]. О.А. Суховская, С.С. Иванова, М.А. Смирнова на основе опросника межличностных отношений «Адаптивность» выявили, что у курящих чаще отмечается низкий уровень поведенческой регуляции, особенно при раннем начале регулярного курения [17].

Продолжая линию изучения личностных особенностей курильщиков, мы провели сравнительное исследование агрессивности курящих и некурящих студентов. Мы рассматриваем агрессивность на основе системно-функциональной модели организации свойств личности, разрабатываемой на кафедре социальной и дифференциальной психологии РУДН под руководством профессора А.И. Крупнова [9; 21]. В рамках данной модели структура агрессивности содержит 7 компонентов, каждый из которых включает по 2 переменных. С содержательной стороны стремление субъекта к проявлению агрессивности в межличностном взаимодействии различается по направленности мотивации (*социоцентрической* или *эгоцентрической*), сфере приложения результата агрессивного поведения (*предметная* или *субъектная сфера*), степени осознанности понимания такой черты как агрессивность (*осмысленность* или *осведомленность*). С инструментально-стилевой стороны это стремление может быть охарактеризовано по направленности переживаний по поводу проявления агрессивности (*аффективность*, как склонность к проявлению аффекта вовне, или *рефлексивность*, как склонность переживать вину за допущенное агрессивное поведение), по типу волевой регуляции (*интернальность* или *экстернальность*), по формам проявления агрессии (*физическая* или *вербальная*), а также по характеру проблемных ситуаций, в которых проявля-

ется агрессивность (*операциональные трудности*, связанные с невозможностью управления собственной агрессией, или *эмоционально-личностные трудности*, связанные с регулярным переживанием агрессии как психического состояния) [12].

Всего в исследовании приняло участие 195 испытуемых: 98 студентов мужского пола (57 некурящих, 41 курящий) и 97 — женского пола (55 некурящих, 42 курящих). Возраст всех испытуемых от 17 до 23 лет. Для диагностики агрессивности на основе системно-функциональной модели использовался бланковый тест «Агрессивность», разработанный А.И. Крупновым, в модификации Т.В. Нечепуренко [11]. Для статистического анализа использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Было выявлено, что в группе курящих девушек на статистически значимом уровне выше выраженность переменных *физическая и вербальная агрессия*, а также *личностные и операциональные трудности*.

Содержательно это означает, что курящие студентки гораздо чаще, чем некурящие склонны к проявлению физической и вербальной агрессии, в большей степени склонны через агрессивные действия компенсировать низкую самооценку, тревожность, неуверенность в себе, а также испытывают проблемы с управлением своим агрессивным поведением, трудности со сдерживанием агрессивности. На уровне тенденции у курящих студенток выше показатель *субъектности*, следовательно, они относительно чаще склонны использовать агрессию для самоутверждения, получения признания и др.

В выборке студентов мужского пола было выявлено только одно статистически значимое различие выраженности переменных агрессивности между курящими и некурящими по переменной *осмысленность*, которые выше в группе некурящих. Соответственно, некурящие студенты имеют более существенные представления об агрессивности как о черте личности. Различия на уровне тенденции существуют по переменным *предметность и интернальность* (в обоих случаях выше в группе некурящих), то есть курящие юноши менее склонны к ответственности за свои агрессивные поступки и к контролю своего агрессивного поведения, а некурящие юноши относительно чаще используют агрессию для предотвращения опасности, защиты других людей и т.п.

Таким образом, были выявлены различия в выраженности агрессивности, рассматриваемой на основе системно-функциональной модели, между курящими и некурящими испытуемыми, которые сильнее выражены в женской выборке:

- курящие девушки по сравнению с некурящими более склонны к проявлению физической и вербальной агрессии, чаще испытывают проблемы

с управлением своим агрессивным поведением, трудности со сдерживанием агрессивности;

- курящие юноши по сравнению с некурящими имеют менее существенные представления об агрессивности и менее склонны к принятию ответственности за свои агрессивные поступки и к контролю своего агрессивного поведения.

Обобщая результаты психологических исследований личностных факторов курения, можно заключить, что определенные особенности индивидуальности человека, например, эмоциональная нестабильность, тревожность, экстравертированность, агрессивность, могут способствовать наряду с другими психосоциальными причинами началу курения. Следовательно, более тревожный, неуверенный в себе человек, при этом ориентированный на взаимодействие и активный контакт с внешним миром, склонный к проявлениям агрессивности, при прочих равных более вероятно сделает выбор «в пользу» курения. Что же касается роли личностных факторов в выборе отказа от курения, то для ответа на это вопрос необходимо проведение лонгитюдных исследований, в которых будут сопоставляться личностные особенности курящих, некурящих и бросивших курить людей. Имеющиеся на сегодняшний день результаты подобных зарубежных исследований позволяют предположить, что перечисленные выше факторы, которые способствуют началу курения, в свою очередь и затрудняют отказ от него.

Итак, свободна ли личность в выборе: курить или не курить? Если мы принимаем понимание личности, базирующиеся на фундаменте экзистенциальной философии, гуманистической психологии, на представлениях о формируемости личности, которые разделяют многие отечественные психологи, то мы склонные ответить на этот вопрос положительно. Такой ответ оставляет возможность широкой психологической и психотерапевтической работы в целях профилактики и отказа от курения. Но так как сама проблема личности является одной из самых дискуссионных и междисциплинарных, то и здесь возможен выбор другого ответа.

Литература

1. *Андреев И.Л., Назарова Л.Н.* Методологические аспекты наркологии // Наркология. 2014. № 12 (156). С. 90–98.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.
3. *Бодров В.Е.* Никотиновая зависимость и последствия табакокурения // Антинаркотическая безопасность. 2014. № 1 (2). С. 38–48.
4. *Васильченко Е.А.* Табакокурение. М., 2000.

5. *Годффрау Ж.* Что такое психология: В 2-х т. Т. 1. / Под ред. Алипова Н.Н., Эстриной Т.Я. М.: Мир, 2004.
6. *Горин А.Г.* Курение и молодежь. Киев, 1999.
7. *Гребенюк А.А.* Наркологическая зависимость от психогенных веществ. М.: Знание, 2004.
8. *Коробкина З.В., Попов В.А.* Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
9. *Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика», 2006.
10. *Кустова О.В.* Социально-психологические характеристики курящих и некурящих студентов // Комплексные исследования свойств личности: научная школа А.И. Крупнова: Сборник научных статей, посвященных 70-летию А.И. Крупнова. М.: РУДН, 2009. С. 387–392.
11. *Нечепуренко Т.В.* Гендерные различия в проявлениях агрессивности студентов: Дис. ... канд.психол.н. М., 2009.
12. *Новикова И.А., Нечепуренко Т.В.* Сравнительный анализ общительности и агрессивности студентов // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2007. № 1 (5). С. 20–28.
13. *Поршнев Б.Ф.* Функция выбора — основа личности // Проблемы личности: Материалы симпозиума. Т. 1. М., 1969. С. 344–349.
14. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: «Политиздат», 1989. С. 319–344.
15. *Сердюкова Н.Б.* Наркотики и наркомания. М.: Феникс, 2000.
16. *Сизанов А.Н., Хриптович В.А.* Модульный курс профилактики курения. М.: Вако, 2004.
17. *Суховская О.А., Иванова С.С., Смирнова М.А.* Уровень поведенческой регуляции курящих лиц // Вестник современной клинической медицины. 2014. Т. 7. Вып. 4. С. 71–74.
18. *Ферихем А., Хейвен П.* Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.
19. *Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина.* М.: Гардарики. 2004.
20. *Burne D.G., Burne A., Reinhart M.* Personality, stress and decision to commence cigarette smoking in adolescence // Journal of Psychosomatic Research. 1995. No 39. P. 53–62.
21. *Krupnov A.I., Novikova I.A., Kozhukhova Y.V.* Sistem-Functional Model of Personality Traits // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2013. Vol. 2. No 9. P. 407–413.
22. *Patton D., Barnes G., Murray R.* Personality characteristics of smokers and ex-smokers // Personality and Individual Differences. 1993. No 15. P. 653–654.
23. WHO Report on the Global Tobacco Epidemic. Geneva: World Health Organization, 2013.

От привычного курения — к табачной зависимости: проблема поведенческого выбора подростков

Рассмотрение поведения курильщика как *девиантного, неадаптивного и самодеструктивного*, и при этом потенциально опасного для общества, имея в виду «пассивное курение», определяет социальный подход к проблеме курения табака. Традиционно курение подростков рассматривается как вредная привычка, возникающая при отсутствии высокой познавательной активности, вовлеченности в спортивные, культурные и другие массовые мероприятия, сниженной потребности в приобретении навыков и знаний.

Наши исследования показали, что курительное поведение подростков, как вариант аддиктивного поведения, формируется при определенных условиях. К ним относятся: преморбидные характерологические особенности, составляющие структуру личности курящих подростков; дисфункции вегетативной нервной системы; особый психофизиологический тип реакции на первичную никотиновую интоксикация (вдыхание табачного дыма).

Эмоционально-личностные проявления, играющие роль в реализации острой никотиновой интоксикации и способствующие успешному закреплению курительного поведения, можно охарактеризовать как неустойчивость психоэмоциональных черт, склонность к аффективному реагированию, психическую истощаемость. У пациентов с табачной зависимостью, как правило, выявляются акцентуации личностных черт и декомпенсации акцентуаций, в то время как при других, более тяжелых формах зависимости, психопатические черты личности с часто возникающими ситуационно обусловленными состояниями декомпенсации психопатий и патохарактерологических развитий.

В реализации и закреплении курительного поведения играют роль дисфункции вегетативной нервной системы, возникающие при опережающем физическом развитии ребенка и тревожные состояния, которые возникают при отставании в развитии. В обоих случаях основной формой реагирования на изменение внешних условий является развитие аффективной симптоматики с доминированием соматовегетативных проявлений и так называемой «аффективной дисбалансировкой».

К личностным паттернам, обеспечивающим «аффективную дисбалансировку», относятся: снижение (дефицитарность) контроля над протека-

нием психической деятельности, затрагивающее в основном эмоциональную сферу, и ригидность психических процессов (с готовностью к однотипному реагированию на различные психогенные и соматогенные факторы). Соматопсихическая лабильность реализуется в рамках невропатической конституции. Соматопатия — быстрая истошаемость при физических нагрузках, склонность к соматизированным реакциям (нередко в сочетании явлениями невротической ипохондрии) с особой чувствительностью к изменениям погодных, температурных и инсоляционных условий. Соматопатия в сочетании с повышенным уровнем личностной тревожности характеризуется специфической комбинацией индивидуальных особенностей высшей нервной деятельности. Они проявляются, с одной стороны, низкой силой нервных процессов, с другой стороны, их высокой активированностью.

В подавляющем большинстве случаев акцентуация указанных личностных черт соотносится с периодами гормональных сдвигов: пубертат, беременность, инволюция. Эти данные соответствуют представлениям о крайней неустойчивости и чувствительности психики в периоды «возрастных кризов» [2] по отношению к различным факторам внешней среды. Характерно, что именно на «кризисные» возрастные периоды развития подростка: 10–12 лет, 13–15 лет, 16–18 лет, часто приходится начало первых проб курения и формирование табачной зависимости.

Психофизиологический феномен при закуривании сигареты, проявляющийся как форма извращенной реакции организма на первичное вдыхание табачного дыма [13; 11], описывают как ощущение «легкости» в голове с не резко выраженным подъемом настроения; как *симптом психосоматической диссоциации* — соматическая отрицательная реакция от токсического воздействия табачного дыма сочетается с переживанием психического комфорта [6].

К другому типу извращенной реакции на вдыхание табачного дыма относится ареактивная форма реагирования организма на токсическое вещество — никотин в виде появления психически комфортного состояния без отрицательных ощущений соматического неблагополучия (это наблюдается у подростков, в семьях которых есть никотинозависимые члены — отцы, матери, братья, другие близкие родственники).

У пациентов с расщепленной и ареактивной формой реакции на употребление табачного дыма психотропный эффект никотина определяется стимулирующим, анксиолитическим и мягким седативным действием (которое фактически нивелируется из-за выраженности общего токсического эффекта у людей с первой формой реагирования на табачный дым). Он характеризуется ощущением удовольствия и радостного возбуждения, повышением настроения, купированием тревожности. Одновременно от-

мечается кратковременное обострение внимания, повышение работоспособности, в том числе способности быстрее выполнять повторяющиеся операции. У систематически курящих школьников выкуривание сигареты повышало эффективность выполнения тестовых заданий на запоминание и решение логических задач, чего не наблюдалось у курящих школьников без предварительного курения [10]. Как было показано большинством исследователей, изучающих нейрорецепторные, нейрохимические и нейрофизиологические механизмы курения табака, никотин — основное вещество, содержащееся в табаке — имеет главным аспектом действия нейрорегуляторные механизмы адаптации [8].

Знание особенностей действия никотина как психоактивного вещества на механизмы, лежащие в основе обучения, запоминания, формирования краткосрочной и долговременной памяти, помогают понять механизмы формирования никотиновой зависимости и проводить научно обоснованную стратегию профилактики и коррекции, терапевтические мероприятия по борьбе с курением подростков.

* * *

Основным клинико-психопатологическим проявлением табачной зависимости является синдром патологического влечения к курению табака. Оно характеризуется «неодолимостью», спонтанностью, патологическим напряжением злобно-гневливого аффекта, инфантильной попыткой «проверить себя», нарушением планирования и прогнозирования собственной деятельности и реакций окружающих. Однако на разных этапах течения заболевания интенсивность каждого из них проявляется по-разному. Так, на этапе формирования влечения к курению оно часто носит характер «влечения-увлечения», попытки «испытать и проверить себя». Через десятилетия, на фоне непрерывного курения, напряженность влечения может определяться глубиной и выраженностью аффективных расстройств, а также декомпенсацией определенных аспектов сферы мышления в плане снижения или утраты контроля личности за возникновением, течением и исчезновением мыслей и представлений о курении.

Феноменологический подход к оценке курительного поведения позволяет рассматривать его как с медицинских и клинико-психопатологических, так и с психологических позиций. Такой подход предусматривает совокупную оценку первых проб курения табака, эмоционально-личностных реакций, характера отношения курящего человека с реальностью окружающего мира (приспособление, противоречие или болезненное противостояние, уход и игнорирование).

Гендерный подход включает изучение половых различий клинических проявлений патологического влечения к курению у мужчин и женщин, в том числе и с учетом половой дифференцировки сферы мышления [14; 5].

Оценка курительного поведения с *культуральных позиций* претерпевает существенные изменения, как во всем мире, так и в нашей стране, и на данном этапе определяет его как отклоняющееся от общепризнанных норм и стандартов здорового образа жизни.

За последние годы все большую популярность приобретает *профессиональный (корпоративный) подход* к оценке курительного поведения, который зачастую предписывает членам того или иного профессионального сообщества полный отказ от курения.

В соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации от 23 февраля 2013 года № 15 «Об охране здоровья граждан РФ от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» граждане Российской Федерации имеют право на прекращение потребления табака и лечение табачной зависимости (ст. 1.2).

Мероприятия по прекращению курения включают как активную профилактическую работу, так и систему мер медицинского характера. Учитывая сложность и многофакторность формирования табачной зависимости, при работе с курящими подростками необходимо активно использовать как профилактическое, так и лечебно-реабилитационное направления.

Ряд исследователей рассматривает зависимость от табака преимущественно в психологическом ключе [3; 9; 1; 12; 15]. Главное внимание авторы уделяют определению «интенсивности» курения, «мотивов» курения табака и отказа от курения. В качестве основного направления борьбы с курением табака вышеперечисленными авторами рассматривается повышение «мотивации» к отказу от курения, а к основным методам ее реализации — проведение массовых шоу-акций и программ типа «Брось курить и выиграй — 1998 г.», «Свободный и чистый — 1999 г.», «Яблоки вместо сигарет — 2004, 2015».

Однако данный подход, создающий у подростков и населения в целом, а также у широкого круга врачей общей медицинской практики, занимающихся борьбой с курением табака, иллюзию легкости прекращения курения, далеко не исчерпывает всего комплекса необходимых лечебных и профилактических мероприятий. Перспективным является изучение курения табака и табачной зависимости с точки зрения системного анализа механизмов психической адаптации-дезадаптации и представлений о способности организма и личности человека к саморегуляции.

Курительное поведение на этапах формирования ТЗ можно рассматривать как сложный поведенческий акт, в реализацию которого включаются конституционально-биологические факторы: индивидуальные особенности эмоционального реагирования, поиска, восприятия и переработки информации, сферы мышления, социально-психологической регуляции, эндокринно-гуморальной регуляции. Иными словами, курительное поведение — это ответ организма на пробу никотина, развертывающийся в рамках общего адаптационного синдрома [4].

Поведение курящего человека несет в себе признаки и свойства зависимого поведения: имеет защитную и адаптивную природу; является стереотипной, фиктивно-символической формой психологической защиты. Отказ от курения представляет собой выработку новых, более адекватных форм психологической защиты и саморегуляции.

При организации профилактической и лечебной работы с курящими подростками следует знакомить их с современными научными данными о проблеме курения и табачной зависимости. Следует информировать подростков, что при систематическом курении табака, вызываемые позитивные эффекты носят кратковременный характер и при систематическом курении полностью прекращаются; что никотин неблагоприятно влияет на различные органы и системы организма человека, особенно на репродуктивную функцию, приводить данные о научных исследованиях влияния никотина на организм плода.

Например о том, что долговременные изменения серотонинергической иннервации и / или синаптической активности/, которые происходят при систематическом курении на протяжении 3–5 лет, могут играть роль в последующем развитии депрессии у детей, родившихся от лиц, начавших курение в детском и подростковом возрасте.

Проведенные нами [см. 7] обследования подростков со стажем курения от 3 до 5 лет показали, что главной причиной обращения к врачам за помощью в отмене курения является невозможность самостоятельного прекращения употребления табачных изделий. Мотивация к отказу от курения — осознание подростками сформировавшейся зависимости от никотина, что отличало таких подростков их от эпизодически употреблявших табачные изделия сверстников. Все подростки отмечали наличие неудачных попыток бросить курить; ощущение дискомфорта при необходимости воздержания от курения (на занятиях, в общественных местах и т.д.); нарушение концентрации внимания при длительном воздержании от курения; появление раздражительности, нервозности, беспокойства при перерывах в курении.

Совокупность данных клинических признаков свидетельствовала о наличии сформированной зависимости от никотина, несмотря на отно-

нительно небольшой (до 1,5 лет) период систематического курения обследованных лиц. Клинико-психопатологическое исследование позволило выявить следующие особенности формирования, течения, синдромообразования зависимости от никотина:

- наличие наследственной отягощенности курения — у 90% обследованных лиц;
- «ареактивный» вариант интоксикации табачным дымом при первых попытках курения;
- ускоренный темп нарастания интенсивности курения (до 1 пачки сигарет через год после начала эпизодического курения);
- отсутствие контроля над возникновением воспоминаний и представлений о курении, желания повторного курения, т.е. постоянное присутствие мыслей о курении;
- раннее (через 6–8 месяцев после начала эпизодического курения) осознание изменений в поведении и самочувствии, связанных с курением.

Эмоционально-личностные особенности обратившихся за помощью подростков изучались с помощью теста Спилберга на наличие личностной и реактивной тревожности и Торонтской шкалы (ТАТ) на наличие и степень выраженности алекситимических личностных черт. У всех обследованных наблюдалось повышение как личностной, так и реактивной тревожности. Уровень личностной тревожности соответствовал «умеренной тревожности» ($42,18 \pm 3,56$), реактивной тревожности — «высокой тревожности» ($56,66 \pm 1,25$). Уровень алекситимии составлял от 71 до 83 баллов (средний балл — $76,8 \pm 5,4$), что свидетельствовало о преобладании алекситимических черт в виде затруднений в осознании, разграничении и словесном описании ощущений и эмоций.

Многие подростки, до обращения в специализированные медицинские учреждения Москвы и Воронежа за помощью в отмене курения, проходили курсы психотерапии, рефлексотерапии, использовали аудио- и видеокассеты со специальными программами, пытались самостоятельно принимать препараты никотинозаместительной терапии — жевательные резинки «Никоретте». Однако, постоянное ощущение желания курения, наличие мешавших повседневной деятельности мыслей о курении, на фоне данных методов лечебного воздействия не уменьшались.

Особенности клинической картины — «ареактивный» вариант первых проб табачных изделий, постоянный тип патологического влечения к курению, высокий темп нарастания толерантности к никотину — позволяли диагностировать у обследованных лиц наличие сформированной табачной зависимости с неблагоприятным типом течения.

Наличие данного варианта течения табачной зависимости (который в популяции населения встречается у 25–30% курящих лиц и трудно поддается терапии) в сочетании с эмоционально-личностными расстройствами пограничного уровня обуславливало необходимость создания терапевтического комплекса, направленного на купирование патологического влечения к курению и выявленной аффективной (на невротическом уровне) и невротической симптоматики.

Полностью соответствовавшей указанным условиям явилась разработанная нами для подростков программа отказа от употребления табака, включавшая применение функционального пищевого продукта НИКОТРИМ (КуриМало) в сочетании с проведением сеансов нормобарической гипокситерапии (ГТ).

Прием Никотрима, имеющего приятный фруктовый вкус, осуществлялся несколько (до 4–8) раз в день, по мере появления желания курения. Длительность приема составляла 40 дней, что соответствует продолжительности синдрома отмены курения. Дополнительно 1 раз в неделю подросткам проводились сеансы ГТ по методике, разработанной для лиц с табачной зависимостью, что способствовало укреплению мотивации к отмене курения, улучшению состояния дыхательной системы и сердечно-сосудистой системы — уменьшению одышки и кашля, повышению выносливости к физическим нагрузкам. Появлялись ранее несвойственных обследованным подросткам ощущения спокойствия, уверенности в себе и своих поступках, способности к длительному сосредоточению внимания на интеллектуальной деятельности. Применение комплексной психореабилитационной программы (фитокомпозиции в сочетании с сеансами нормобарической гипокситерапии) способствовало нормализации психоэмоционального состояния подростков и повышению уровня социальной адаптации.

Результатом проведения комплексной терапевтической программы с курсовым применением явилось прекращение курения у 68 обследованных подростков (80% наблюдений) снижение интенсивности курения до 4–6 сигарет в день у 17 подростков (20% наблюдений), что сопровождалось полным регрессом психоэмоциональных расстройств, повышением уровня адаптации к повседневным физическим и эмоциональным нагрузкам. Обращало на себя внимание воодушевление, с которым подростки проходили курс отмены курения. Они охотно посещали сеансы ГТ, отмечая, как уменьшается интенсивность ощущения желания курения, восстанавливается контроль над эмоциональными реакциями.

Таким образом, проведенное исследование выявило эффективность и целесообразность проведения комплексных мероприятий, направленных

ных на прекращение курения подростков, то есть, фактически, для вторичной профилактики подросткового курения.

Приведенная система оценки факторов, влияющих на формирование подросткового курения, а также клинический опыт профилактики и коррекции табачной зависимости у подростков могут быть рекомендованы к широкому использованию в работе организаторов здравоохранения, подростковых врачей, врачей центров медицинской профилактики и социальных работников, реализующих государственную программу по профилактике и прекращению курения подростков.

Литература

1. *Бегимбетова Р.С., Тулегенова Л.М.* Роль степени никотиновой зависимости курящих больных хронической обструктивной болезнью легких в реализации антитабачной терапии // *Вопр. наркологии.* 2008. № 4. С. 173–182.
2. *Ганнушкин П.Б.* Избранные труды. М.: Медицина, 1964.
3. *Левшин В.Ф.* Помощь при табакокурении в практическом здравоохранении. Метод. Рекомендации для медицинских работников. М., 1998.
4. *Литвинов Е.В.* Исследование мотивации к курению и ее коррекции у студентов с ХОБЛ с помощью терапии прозаком // *Воронежск. Гос. Техн. Ун-т.* 2005. 1. № 10. С. 186–188.
5. *Смирнов В.К.* Половая дифференцировка биологически активных систем в генезе психической деятельности мозга // *Новости науки и техники. Серия: Медицина. Вып.: Психиатрия.* М. 2007. № 12. С. 1–8.
6. *Смирнов В.К., Сперанская О.И., Ермолова О.И.* Клинико-дифференцированные основы терапии табачной зависимости. Медицинские технологии. М., 2006.
7. *Сперанская О.И., Геков С.А., Богданов К.А., Ларина И.Г.* Никотрим как средство вторичной профилактики курения подростков // «Профилактика и лечение табачной зависимости в свете модернизации здравоохранения» Материалы XI городской научно-практической конференции. М. 2011. С. 107–112.
8. *Суханов И.М., Драволина О.А., Звартау Э.Э., Беспалова А.Ю.* Механизмы никотиновой зависимости // *Медицинский академический журнал.* 2008. Т. 8. № 2. С. 45–54.
9. *Чучалин А.Г., Сахарова Г.М.* Организация работы врачей первичного звена в лечении табачной зависимости / *Пособие для врачей.* 2009.
10. *Colrain L.M., Mangan G.L., Pellet O.L., Bates T.C.* Effects of postlearning smoking on memory consolidation // *Psychopharmacology.* 1992. Vol. 108. P. 448–451.
11. *DiFranza J.R., Savageau J.A., Fletcher K.* Recollections and repercussions of the first inhaled cigarette // *Add.Behav.* 2004. Vol. 29. P. 261–272.

12. *Fagerstrom K.O.* Measuring degree of physiologic dependence to tobacco smoking with reference individualization of treatment // *Addict. Behav.* 1978. №. 3. P. 235–241.

13. *Friedman L.S., Lichtenstein E.* Smoking onset among teens; an empirical analysis of initial situations // *Addictive Behaviours.* 1985. №. 10. P. 1–13.

14. *Hatsukami D. et al.* Gender and effect of different doses of nicotine gum on tobacco withdrawal symptoms // *Experiment. And Clinical Psychopharmacology.* 1995. №. 3. P. 163–173.

15. *Jamrosik K.* Population strategies to prevent smoking // *B.M.J.* 2004. Vol. 328. P. 759–762.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ БИОТЕХНОЛОГИЙ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫБОР?

Роман Беляетдинов

Проблема выбора стратегии философского анализа биотехнологий

Значение термина «биотехнологии» довольно обширно по своему содержанию: понятие «биотехнологии» определяют как «использование клеток и живых тканей, слияние клеток, молекулярную биологию, в частности, использование ДНК для создания организмов с определенными свойствами» [11]. Однако философско-этическая проблематика биотехнологий наиболее отчетливо проявляется при соприкосновении биотехнологий и человека. Чаще всего эта «встреча» происходит в биомедицине, где результаты исследований ДНК, комбинация исследований мозга и информационных технологий, конвергенция биомедицины и нанотехнологий во многом влияют на жизнь человека.

Осознание необходимости развивать философско-этический дискурс биотехнологий возникло не сегодня. В отечественной философии перспективу обсуждения генетики, одного из ключевых биотехнологических направлений ясно сформулировал И.Т. Фролов: «Мировоззренческие, социально-этические, гуманистические проблемы генетики (прежде всего генетики человека) все больше будут выходить на передний план» [8, с. 403].

И действительно, в последнее время биотехнологическое измерение человека стало предметом гуманитарных исследований. Так «этика, которая исторически понималась как практическая философия, то есть прежде всего как обоснование морального выбора и критерия нравственной оценки людских деяний, получила в проблемах, порождаемых современной биомедициной, мощный импульс для своего развития» [2, с. 10].

Можно выделить несколько подходов, которые применяются в анализе биотехнологий. Первый из них — биоэтика [1], основан на междисциплинарном анализе биотехнологий, который можно обозначить как наиболее проработанную и применяемую концепцию, структурирующую взаимодействие человека с биотехнологиями.

Биоэтика содержит в себе философские подходы, построенные в рамках традиционного представления о человеке как автономном теле, вмешательство в которое допустимо лишь в терапевтических целях и с соблюдением принципа информированного согласия. Биоэтика также является междисциплинарной методологической системой знаний и, вместе с тем, площадкой, где человек рассматривается как идеализированный объект. Она вбирает в себя философские, правовые и физические знания о человеке, интенции, ожидания, стремления. То есть широкий спектр знаний в рамках биоэтики, оказывается или может оказаться инструментом, с помощью которого создается некий единый многоголосый образ биоэтического человека.

Второй подход, который необходимо обозначить — исследования науки и технологий (STS) [5; 17; 14]. Эта концепция берет начало в работах Б. Латура, В. Бийкера и С. Фуллера и исследует любые технологии, в том числе и биотехнологии, с помощью ряда теорий — акторно-сетевой теории, теории социального конструирования технологий.

Третий подход — гуманитарная экспертиза, в задачи которой входит критический анализ искусственно созданных мотиваций, которые, будучи универсальны по своему применению, могут использоваться для анализа биотехнологий.

Биоэтика

Катализатором становления биоэтики стали моральные потрясения Второй Мировой войны, в частности, медицинские эксперименты на военнопленных, однако результат Нюрнбергского процесса можно рассматривать и как давно назревшую необходимость переосмысления ролей врача и пациента. Ослабление медицинского патернализма, широко представленного в традиции медицинской этики — одна из ключевых интенций биоэтики.

Осознание того факта, что в ходе оказания медицинской помощи, и особенно при проведении биомедицинских исследований медицинское сообщество сталкивается с серьезными этическими дилеммами прекрасно представлено в книге В.В. Вересаева «Записки врача» [3]. Неинформирование пациентов о действиях, предпринимаемых врачом, и накопление отрицательного опыта при проведении биомедицинских исследований вело к росту напряжения прежде всего внутри медицинского сообщества.

Формально понятие «биоэтика» возникло в 1973 году в статье Д. Кэлаhana «Биоэтика как дисциплина» [16, р. 31], в которой он указывает на две особенности биоэтики — ее дисциплинарную неполноту, ввиду «недо-

статка всеобщего признания, дисциплинарных стандартов, критериев качества и ясных педагогических и оценочных нормативов» [Ibid.] и необходимость выработки подходов для разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в научной и медицинской сфере.

Яркой особенностью биоэтики стало экспериментирование с аргументацией, возрождение традиции риторической импровизации и «изобретения доказательства» [Ibid., p. 40–47], что в целом соответствует ее междисциплинарной природе. Так, биоэтика сегодня «не столько формальная дисциплина, сколько совпадение многих дисциплин, входящих в более широкий общественный дискурс» [Ibid., p. 49], связанный с развитием биотехнологий.

Можно сказать, что биоэтика является и инструментом разрешения ситуаций, возникающих в повседневной жизни между врачом и пациентом, государством и обществом, и средой, в которой происходит обсуждение человека как объекта биотехнологий. Для биоэтики, например, большое значение имеют такие концепции, как «достоинство человека». Факт информированного согласия при проведении биомедицинских интервенций с точки зрения достоинства человека является не столько защитой от возможных рисков, сколько актом уважения персональной автономии человека [13, p. 56].

Защита прав пациентов, развитая внутри биоэтики, строится на анализе риска/пользы. Однако развитие биотехнологий приводит к необходимости анализировать новые риски, связанные с научной неопределенностью, социальным эффектом развития биотехнологий, давлением биотехнологических компаний, продвигающих свои разработки. В связи с этим возникают новые подходы, анализирующие уже не столько идеальную конструкцию человека, сколько комплексные механизмы развития науки, общества и человека.

Биотехнологии и исследования науки, общества и технологий (STS)

Сложно представить полноценное развитие биотехнологий, не санкционированное гласно или негласно обществом. Процесс реакции общества на биотехнологии долгий, он включает в себя моделирование технократических утопий, соотнесение влияния технологий на человека и этических моделей, используемых в биоэтике, анализ потребностей человека и его запросы на самореализацию с помощью технологий. Тем не менее, в современном постнеклассическом дискурсе человек уже не может стоять в стороне от науки. Общество активно вовлекается в обсуждение направлений ее развития.

Вовлечение общества в развитие, оценку и стимулирование науки активно развивается в таком широком гуманитарном направлении, которое принято обозначать как исследования науки, общества и технологии. Один из основателей этого направления, С. Фуллер, различает две основные ветви теории социального конструирования технологий [14, р. 24]: «Высокую церковь» и «Нижнюю церковь». «Высокая церковь» представляет собой теоретическую часть течения и формирует представление о том, как наука устроена изнутри и каким образом идет поиск новых подходов к проблемам, которые не удастся решить с помощью уже известных и принятых теоретических концепций. Например, исследование в стилистике «Высокой церкви» — «Структура научных революций» Т. Куна.

Исследования, характеризующиеся как «Нижняя церковь», развивают социальную активность и касаются «проблем, которые порождаются и решаются наукой в современном обществе» [Ibid.]. «Нижняя церковь» опирается на явное противоречие, которое состоит в том, что «наука является универсальной формой знания, в то время как ее производство и распространение находятся в руках элиты». «Нижняя церковь» исследований науки и технологий возникла как реакция на сближение научных проектов и военного ведомства в США во времена Вьетнамской войны.

Исследователь технологий Л. Виннер различает три типа взаимоотношений технологий и человека [18, р. 780–790], в ходе которого человек технологизирует самого себя: технологии как инструмент и человек как изготовитель инструментов (*homo faber*), технологии как расширение естественных возможностей человека (зрение, слух и т.п.), технаука, основанная на идее социального конструирования знания, вводящая концепцию киборга как результат интеграции технологии и биологического тела.

Первый тип отношений человека и технологий позволяет ему отделиться от природы, сформировать культуру и добиться больших успехов в подчинении своим интересам природу, между тем человек и его орудия в этот период развития технологий строго различаются как средство, инструмент, способ, в то время как человек никак не связывает технологии — прежде всего инструменты — со своим телом.

Концептуализация технологий как способа расширения естественной чувственности по времени совпадает с массовым распространением электроники в 1960–1970 годах. Телевизор, телефон, машина и т.п. не только вошли в повседневную жизнь, но и усилили возможности человека, тем самым изменив его представление о самом себе или создав ощущение, что окружающий мир стал более доступным за счет «расширения» естественных способностей видеть, слышать и перемещаться в пространстве.

Технологии все еще воспринимаются как средство, однако их изобилие и эффективность делает человека сильнее, и эта идея становится частью массового сознания, то есть происходит ассимиляция технологии как неотъемлемой составляющей жизни человека, в то время как до-технологическая эпоха рассматривается как время, когда возможности людей были существенно ограничены. Технология все еще воспринимается как инородное тело по отношению к биологическому человеку, однако это технологическое иное прочно входит в жизнь общества.

Третий тип технологической рациональности возникает как результат связывания технологий с биологией и физиологией человека и смешивание искусственного и естественно-биологического содержания науки. В контексте социально-гуманитарного знания происходит переосмысление человека как самодостаточного абсолюта, не нуждающегося в каком-либо совершенствовании. Поскольку возможности науки таковы, что она уже способна производить столь мощные технологии, которые способны тотально изменять биологические способности человека, наука нуждается в гуманитарной экспертизе, в контексте которой она теряет свой объективистский пафос и становится технаукой, для которой знание об объектах включает в себя не только физический, но также и социальный и культурный слой. Ученые волей-неволей начинают играть «роль Бога» и вынуждены проводить междисциплинарный анализ производимых ими технологий.

В технауке происходит переосмысление различий между животным, человеческим и механическим мирами, в наиболее радикальных формах концепции технауки человек теряет свою онтологическую исключительность и стабильность и становится объектом «трансгрессивного преодоления границ» (Харавей) [Ibid., p. 788]. С точки зрения Харавей, человек последовательно отходит от концепции своего уникального положения в мире через «травмы», возникающие в результате научных открытий, приводящих к научным революциям. Следуя за Фрейдом, Харавей дополняет три вида травм, изменивших представления человека о самом себе, четвертой, связанной с информационной революцией и стиранием границ между биологическим телом и технологиями и, в конечном счете, формировании интенции на киборгизацию человека [15, p. 12].

Гуманитарная экспертиза и биотехнологии

Идея гуманитарной экспертизы как метода анализа научных проектов сформировалась в работах Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко, И.И. Ашмарина и первоначально была реакцией на разработки методов гуманитарных технологий в отечественной философской мысли (Г.П. Щедровицкий)

и продолжением становления гуманитарного осмысления биомедицины в СССР (работах И.Т. Фролова). Гуманитарная экспертиза была расширена до анализа биотехнологий сначала в Институте человека РАН (до 2005), а затем в работах Отдела комплексных проблем изучения человека под руководством Б.Г. Юдина и Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН).

Социальный и гуманитарный пласт анализа Б.Г. Юдин различает следующим образом: «Прежде всего, следует уточнить наше понимание терминов “социальные” и “гуманитарные” применительно к технологиям. Различие между ними довольно простое — там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить о гуманитарных технологиях (ГТ); там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях» [10, с. 169]. Это различие важно для применения гуманитарной экспертизы к биотехнологиям методологически, для разведения персонального и социального трендов в развитии биотехнологий.

Для гуманитарной экспертизы свойственно выделение следующих ступеней анализа. Во-первых, это различие консервативного подхода, который характеризуется созерцательной оптикой в отношении природы, и как следствие, отождествление природы и ценностных императивов. Противоположная позиция исходит из переноса ценностных установок с объекта исследования на задачи, которые ставит исследователь перед собой как цели. В этом случае речь идет о замещении природы искусственными биоконструкциями, полученными в результате исследовательской деятельности, в вольном манипулировании изучаемым материалом, лишенном самоценности.

Второй уровень анализа исходит из внимания к положению современной науки, которое в последнее время представляется как технонаучный этап ее развития. В отличие от классической науки, ориентированной на фундаментальные исследования, для которой прикладные разработки являются второстепенным результатом, для технонауки свойственна ориентация на потребности общества и реализация научных проектов через бизнес.

Исследовательская лаборатория¹ становится фундаментальной конструкцией технонауки. Лаборатория связана с конечным потребителем — заказчиком технологий, бизнесом, который оплачивает заказ потребителю и получает прибыль и инвестирует ее в лабораторию. Медиа выпол-

---

¹ Принципы функционирования лаборатории разработаны в работах Б. Латура [17; 5].

няет роль распространителя информации о новых технологиях и выполняет рекламные функции. Лаборатория не только производит технологии, но и крайне чувствительна к запросу на технологии, поскольку от удовлетворения этих запросов зависит ее существование. С другой стороны, влияние лаборатории на социум также является предметом анализа в гуманитарной экспертизе.

И наконец, гуманитарная экспертиза обязана принимать во внимание гуманитарные технологии, которые ориентированы на изменение мнения, и даже на манипулирование мнением (политтехнологии). Учитывая значение потребителя в контуре технонауки, гуманитарные технологии, основанные на идее проектного мышления и разработке конструкций, проектов, норм и т.п. в отрыве от истинности [10, с. 169] являются серьезным вызовом для гуманитарной экспертизы.

* * *

Рассмотренные методы анализа биотехнологий не являются исчерпывающим списком всех возможных подходов к проблемам влияния биотехнологий на человека. Нейроэтика, наноэтика, трансгуманизм, трансдисциплинарность, техноэтика и др. — направления, которым в данной статье не уделено внимание, однако они также активно развивающиеся ветви философского знания.

Сложность выбора стратегии для анализа биотехнологий состоит не столько в многообразии подходов, сколько в их разобщенности. По сути каждый тип анализа является самодостаточным, и в его рамках можно проводить исследование, не используя иные подходы. С другой стороны, результаты, полученные в рамках этих исследований, совершенно по-разному интерпретируют одни и те же явления.

По нашему мнению, многообразие подходов отражает не только существование различных исследовательских школ и групп, но и позволяет обходить «подводные камни» — методологические лакуны, которые, так или иначе, присутствуют в любом из представленных и не представленных подходов. Основанная на принципализме биоэтика не всегда может объяснить, как технологии меняют общество. С другой стороны, аналитические наработки гуманитарной экспертизы позволяют проводить деконструкцию воздействий — технологических, биотехнологических — на индивида, основываясь на методах исследований, отличных от применяемых в STS. До известной степени невозможность идеального метода исследований в гуманитарных науках может быть компенсирована многообразием исследовательских подходов.

Литература

1. Бельмонтский доклад // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / Пер. Р.Р. Беляетдинова. М., 2007.
2. Введение в Биоэтику / Под ред. Юдина Б.Г., Тищенко П.Д. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
3. *Вересаев В.В.* Записки врача / Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 1.
4. *Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки // Этнос науки. М. 2008.
5. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
6. *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
7. *Тищенко П.Д.* Феномен биоэтики // Вопр. философии, 1992. № 3.
8. *Фролов И.Т.* Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. М.: КомКнига, 2007.
9. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2002.
10. *Юдин Б.Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания. М., 2014.
11. Biotechnology // Encyclopedia of Science & Technology. Vol. 3. P. 127. (URL: <http://www.accessscience.com>)
12. *Beauchamp T.L., Childress J.F.* Principles of biomedical ethics. Oxf., 2009.
13. *Beauchamp T.L., D. DeGrazia.* Principles and Principlism / Handbook of Bioethics. Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective. Ed. By G. Khushf. Dordrecht: Kluwer, 2004.
14. *Fuller S., Collier J.H.* Philosophy, rhetoric and the end of knowledge: a new beginning for science and technology studies. 2nd ed. N.J., 2004.
15. *Haraway D. J.* When species meet. Minneapolis, 2008.
16. *Jonsen A.R.* The History of Bioethics as a Discipline // Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective. N.Y.: Kluwer, 2004.
17. *Latour B.* The Pasteurization of France. Harvard UP, 1993.
18. *Winner L.* Resistance in futile: the posthuman condition and its advocates // Contemporary issues in bioethics. 7-th ed., 2008.

Телесноориентированные технологии: трансформация интимности

В 2013 году в исследовательском центре Нидерландов Институте Ратенау, где проводятся исследования, связанные с социальной оценкой развития и применения новых технологий, была издана книга голландского философа Rinie van Est «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение».

В марте 2014 года по итогам реализации проекта «Интимные технологии» Институт Ратенау опубликовал доклад «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение».

Следует отметить, что в сборнике аналитических материалов «Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения», выпускаемом Аналитическим управлением Аппарата Совета Федерации, где обсуждается упомянутая работа Rinie van Est, понятие «интимные технологии» было заменено на менее вызывающее и благозвучное «чувствительные технологии». Как следствие, изложение содержания книги Rinie van Est утратило остроту и накал, поскольку под «интимными технологиями» подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим телом, их сближение, в трансгрессивных формах, обретающее эротически-сексуальную артикуляцию. Кроме того, понятие «чувствительных технологий», а также (в англ. эквиваленте — «sensitive technologies»), «весьма чувствительных» (very sensitive technologies) технологий уже активно употребляется в различных источниках, как правило в связи с упоминанием военных технологий. Например, к «весьма чувствительным» технологиям относится оборудование для обнаружения подводных лодок, технологии авиационных реактивных двигателей и др.

Исследование Rinie van Est интересно прежде всего попыткой представить классификацию технологий, с которыми в той или иной степени ежедневно сталкивается современный человек. Технологии сегодня столь быстро наполняют социальное пространство, что, пожалуй, требует тщательного изучения феномен технологической дезадаптации, шока от появления различных видов технологий. На мой взгляд, некоторые классификации технологий несут в себе психологический элемент, являются рационализацией, то есть психологическим защитным механизмом, позволяющим человеку хоть на каком-то уровне понять сложную технологическую реальность, которая его окружает, чтобы впоследст-

вии каким-то образом противостоять ей или ее использовать. Классификация технологий, предложенная Rinie van Est, носит именно такой характер. Она демонстрирует, как человеческое тело попадает в технологический кокон и артикулирует проблему утраты естественности природы человека, позволяя задуматься о возможных рисках применения технологий.

Итак, Rinie van Est различает четыре вида технологий: «технологии в нас», «технологии о нас», «технологии между нами», технологии, подобные нам» [3]. К первому типу относятся: RFID чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантанты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчатка. Они расположены в теле человека, либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь. Ко второму типу (технологиям о нас) относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, Google Streetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определенные физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершенных им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире.

Технологии «между нами» — это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К технологиям, подобным нам относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов.

Описанные технологии являются телесноориентированными. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т.д.

Технологии становятся современным фетишем, и если в древности изображение тотема напоминало человеку о его первоистоках, то в свете развития трансгуманистических идей таким тотемом, наделенным сверхъестественными свойствами, напоминающим постчеловеку о его первопричине, может, например, стать компьютер или подобные технологические устройства. Технологический фетиш, как и классический фетиш — это не просто вещь, это динамическая реальность, наделяемая сверхъестественными свойствами, особой силой, запускающая возможность проектирования человека. Современным технологиям предоставля-

ется роль не просто внешней детерминанты человеческого развития, но, видимо, своего рода «априорной» формы чувственности, задающей новые масштабы восприятия мира и своего места в нем. Развитие упомянутых технологий влияет на преобразование формата интимности, ее трансформацию, вызывая, как полагает Rinie van Est, приход интимно-технологической революции (интимной — в смысле чрезвычайной близости технологий и человека).

Обращаясь к истории идей, стоит вспомнить, что в начале XX века именно такого рода интимность стала трафаретной для идеологов футуристического движения. Классический пример — это фигура вождя футуризма итальянского поэта Ф.Т. Маринетти. Он ратовал за воплощение технической утопии на основе синтеза человека и машины. Выдвинутая Маринетти программа создания «механического человека в комплекте с запчастями» в итоге обрела форму истолкования человека как «винтика» социальной системы. Однако ее основание — в понимании человека как человека-кентавра, слитого в одно целое с техническим продуктом. Новый формат интимности, о котором грезили в начале XX века, обозначил специфические особенности ее дальнейшей трансформации, связанные с артикуляцией сексуальных акцентов в сближении человека и техники. Как отметил М. Дери: «Одной из наиболее специфических особенностей нашего мира является слияние секса с техникой. Этот симбиоз родился из жадного любопытства изведать и расширить владения секса с помощью техники, с одной стороны, и желания сексуально обладать машиной — с другой» [2]. Усиление форм коммуникации с техникой способствовало возникновению интимных связей в тех сферах, где их наличие ранее никак не подразумевалось. Технологическим объектам стали присваивать характеристики эротических объектов. В развитии технологий усматривается действие либидозной энергии. Жажда обладания техническими новинками демонстрирует то обстоятельство, что техническое, воплощенное в товарах потребления, становится объектом либидо. В этой связи хочу обратить внимание на слова М. Дери: «Техникой движет похоть, — считает Майк Сээнц. — Давайте говорить начистоту: первых персональных роботов будут покупать вовсе не затем, чтобы они разносили людям напитки» [2]. Действительно, гуманоидные роботы стали объектом жесткой инструментализации, реализации скрытых желаний. Уже появились публичные дома, состоящие из женоподобных роботов, продаются экземпляры роботов для удовлетворения сексуальных потребностей.

Таким образом, можно утверждать, что разновидностью тенденции активного особого сближения техники и человека, которую нарекли интимно-технологической революцией, ее конкретизацией, является сексу-

ально-технологическая революция. Она характеризуется особым антропологическим поворотом к технике как объекту наслаждения и удовлетворения либидинозной потребности.

Упомянутые выше так называемые «интимные» технологии «всматриваются» в человека определенным образом, фокусируя внимание на отдельных фрагментах, параметрах его существования, следя за изменением температуры тела или сахара в крови, за его социальной репрезентацией (как это делают социальные сети), за его физическим присутствием в мире и связанными с ним динамическими характеристиками (как это делают камеры), вглядываясь в него «постчеловеческими» глазами эротических объектов и т.д. Феномен техновзгляда, как мне кажется, до сих пор не осмыслен в достаточной мере. Проблема техновзгляда концентрирует в себе целый спектр вопросов, связанных с тенденцией интимизации технологий. Ниже я попытаюсь тематизировать техновзгляд как особую реальность с самобытной онтологией, которая порождает множество социально-этических проблемных зон.

Проблема техновзгляда

Взгляд Другого является фундаментальной причиной, конституирующей субъекта, в то время как потенциальным следствием отсутствия взгляда является расширение границ субъективности до пределов, сливающихся со стихией жизни, со стихиями Природы. Взгляд способен выступать основанием морального отношения. Вспомним Фихте с его «философией телесности», который отмечал, что один взгляд на подобное собственному человеческое тело позволяет рассматривать другого как человека. Или Э. Левинаса, для которого подобное этическое отношение возникает, когда мы сталкиваемся с лицом другого, чей взгляд пробуждает в нас моральные обязательства. Или Лакана, для которого взгляд (в частности, взгляд на самого себя) — это важнейший эпистемологический фактор, без которого не был бы возможен опыт самопонимания субъекта как отличной от внешнего мира физической структуры.

Современность поставила перед «этикой взгляда» новую проблему — проблему «техновзгляда». Под ним я буду подразумевать феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком. Побочным следствием такого наблюдения может стать широкий спектр эмоциональных реакций и даже определенное этическое поведение. Камера, следящая за человеком, определенным образом выстраивает его поведение, может тормозить и на-

оборот провоцировать определенные эмоциональные реакции; программное обеспечение, подсказывающее субъекту, каким образом он должен осуществить свой выбор товаров и услуг, предлагающее новинки, запоминающее его предпочтения, — это все примеры работы «техновзгляда», действие которого зачастую оказывается не менее сильно, чем действие живого взгляда, брошенного человеком. Именно техновзгляд становится соучастником и творцом человеческой истории, проникая в самые интимные области человеческой жизни и оставляя о них видеосвидетельства.

Д. Деннет в работе [1] остро ставит проблему обмана взглядом. Я бы ее назвала проблемой «лживого взгляда». Его ход рассуждений я превращу в смоделированную ситуацию: представьте себе, что Вы склоняетесь над колыбелью. На Вас смотрит младенец. На Ваш взгляд Вам отвечают взглядом. На Ваше присутствие Вам отвечают присутствием. Или как говорит Д. Деннет, «В новорожденных завораживает то, что с самой первой минуты в них кто-то присутствует».

Однако представьте себе и другую ситуацию (не смоделированную Деннетом, но существование которой вытекает из контекста его рассуждений): Вы склоняетесь над колыбелью младенца, пристально глядящего на Вас, протягиваете руку, чтобы его погладить и при прикосновении понимаете, что перед Вами не совсем младенец и даже не совсем человек. Д. Деннет отмечает, как легко нас можно ввести в заблуждение взглядом. Например, нас может обмануть робот. И приводит пример робота Кога из Массачусетского технологического института (видите, у него даже имя есть в отличие, например, от узников концлагерей), движения частей тела которого были обескураживающе похожи на гуманоидные... Если смотреть Когу прямо в глаза, в то время как он автоматически смотрит в ответ, это может оказать «завораживающее» действие на непосвященного, но за этими глазами никого нет — пока, во всяком случае.

Что же происходит в реальном мире с действием аргумента взгляда?

Взгляд робота, имитирующий взгляд человека, может вызвать беспокойство и тревогу, но также и безразличие, и радость, и даже восхищение. В реальном мире воздействие взгляда парадоксально: не всякий человеческий взгляд или образ человеческого тела вызывает у нас моральное чувство, мы можем игнорировать эстетически непривлекательные объекты или такие образы живых существ, которые способны вызвать у нас отвращение. Вместе с тем если «аргумент взгляда», направленный на человека, не всегда срабатывает, то все сильнее заявляет о себе аргумент техно-взгляда. И в число тех, из-за которых он не прекращает свое действие, могут входить все, кто по каким-то параметрам отклоняется от соци-

альной нормы, от модных эталонов человеческих существ, наполняющих пространство массовой культуры.

Взгляд технического устройства (робота), казалось бы, ни к чему не обязывает. Однако замешательство и беспокойство, которое он вызывает, способны стать предвестниками появления в дальнейшем морального ответа. Вместе с роботами люди способны испытывать глубокие чувства, о которых, возможно, они позабыли или в которых разочаровались в человеческом сообществе. Между техническим устройством и человеком возникают тесные эмоциональные связи. Поэтому электронные собаки или роботы-младенцы становятся объектами повышенного проявления нежности и внимания.

Почему срабатывает аргумент техновзгляда? Возможно, потому что мы чувствуем, что мы и есть роботы. Это также ответ Деннета, правда, он дает его в очень своеобразной юмористической форме. Вспоминая о самореплицирующихся макромолекулах, из которых состоит наше тело, Деннет заявляет, что «Больше нет серьезных оснований сомневаться в том, что мы — прямые потомки этих самореплицирующихся роботов. Мы млекопитающие, а все млекопитающие произошли от рептилий, предками которых были рыбы; предками же рыб были морские создания, довольно похожие на червей, которые в свою очередь произошли несколько сотен миллионов лет назад от более простых многоклеточных созданий, а те произошли от одноклеточных созданий, произошедших около трех миллиардов лет назад от самореплицирующих макромолекул». И подводя итог, он шутливо замечает: «Скажем яснее: ваша пра-пра... бабушка была роботом!»

Из этого можно сделать столь же лаконичный этический вывод: давайте уважать прабабушек! Если же говорить на более серьезном теоретическом уровне, то объединение человечества может произойти в контексте биоцентристской парадигмы, но не потому, что мы все живые существа, а постольку, поскольку каждый из нас является роботом, поскольку внутри каждого из нас где-то звучит голос: об уважении к первопредку своего тела. К роботу.

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек тяготеет присутствием другого человеческого существа, когда Другой оказывается слишком сложен и обременителен для общения. И здесь аргумент «от первопредка», сформулированный Деннетом, оказывает значительное подспорье: человеческое существо любит роботов, поскольку, вглядываясь в себя, любит себя. Не будем ничего говорить о сложности онтологической архитектуры такого себя.

Итак, взгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование. Дезинтеграции с окружающим миром, собой и другими людьми. «Быть увиденным другим» означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию, однако «быть увиденным другим» является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию, заставить его взгляд подняться до уровня понимания человеческого существа как этической вещи, отличной от вещей окружающего мира. Техно-взгляд, как ни странно, способен выполнять эту же функцию, пробуждая голос совести, принуждая его к долгу, представляя объектом желания... Здравый смысл, однако, пробуждает следующие вопросы: будет ли человек, способный полюбить робота или виртуальную подругу, глядя ему в глаза, ревновать его, чувствовать злость и досаду или страдание? Будет ли он испытывать удовольствие от нахождения под взглядом?

В этой связи уместно вспомнить Славоя Жижека, подметившего, что события, с которыми мы имеем дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в так называемой реальности обыденной. В виртуальной реальности, а именно к ней и относится техно-взгляд (как бы и существующий, но не в смысле физического воплощения, а как функция-имитация, функция приписывания), наблюдается виток в сторону картезианства: рациональность проявляется как чистое картезианское эго. Телесные основы идентичности практически сводятся на нет. Он утверждает, что конструирование собственной идентичности в виртуальных сообществах показывает, что все наши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно *cogito ergo sum*, то есть картезианский субъект... Виртуальная реальность помогает нам обнаружить то, что в нашей, так сказать, реальной реальности наша идентичность тоже в известном смысле виртуальна. Если вы — женщина, оскорбленная, униженная, изнасилованная, то, конечно, это физическая травма, но все-таки оскорбление, унижение предполагают, что ваша идентичность была травмирована, ваша виртуальная идентичность, а не идентичность, непосредственно зависящая от вашего биологического тела, даже если и социально сконструированного.

В виртуальной реальности мы фактически конституируем Другого, одновременно конституируя себя. Аналогично выглядит дело с гуманопоподобными роботами. Мы осуществляем двойное конституирование, настраивая себя на восприятие их как вещи, которая больше чем вещь, техники, которая больше чем техника. Но ни роботы, ни виртуальные персонажи, не дают нам возможности понять очевидную вещь: Другого надо не конституировать, Другого надо встретить.

Литература

1. *Деннет Д.* Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004 // URL: <http://www.psyoffice.ru/2298-9-dennd01-index.html> (дата обращения: 15.05.2015).

2. *Дери М.* Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html> (дата обращения: 15.05.2015).

3. *Est R. van., with assistance of Rerimassie V., van Keulen, Dorren G.* Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014.

Тезис неизбежности в биоэтике*

В последнее время в дискуссиях по биоэтике все чаще звучит так называемый тезис неизбежности. Фундированный идеями технологического детерминизма, он, по сути, развивает разные версии безальтернативности прогресса, фокусируя особое внимание на проектах улучшения человека. Последние включают широкий спектр различного рода воздействий на человека с целью расширения его возможностей, улучшения способностей, увеличения продолжительности жизни, а вместе с тем, изменения ее качества. При этом некоторые из перспектив вызывают оптимизм и рассматриваются как желательные и приемлемые, другие — оказываются предметом напряженных дискуссий. В свою очередь биоэтика выступает не только особой площадкой, где разворачиваются подобного рода дебаты, но и способом поиска консенсуса, учитывающего как потенциал теоретических подходов, так и опыт неспециалистов. В биоэтике достаточно сильна позиция биоконсерваторов, которая фундирует взгляды сторонников взвешенных рисков и превентивных стратегий. Противоположная позиция технологического оптимизма, утверждая неизбежность технологического улучшения человека, видит путь новой технологии (пусть и весьма спорной в ее социальных контекстах) как переход от первоначального осуждения к социальной амбивалентности, сомнениям и ограниченному использованию, а затем изменению общественного сознания и признанию.

По мнению Фр. Бейлис и Дж. Роберта, этот путь уже прошли косметическая хирургия, трансплантация органов и операции по изменению пола. Он же предначертан и технологиям генетического улучшения человека, которые в ближайшем будущем, вероятно, будут играть доминирующую роль в «биотехнологическом комплексе». Утверждая неизбежность генетического улучшения человека, авторы опираются на следующие аргументы [4].

Во-первых, речь идет о приверженности современного общества ценностям капитализма. Как утверждают Фр. Бейлис и Дж. Роберт, в настоящее время не существует технологии, которая была бы слишком опасна, а потому вопрос только в коммерческой рентабельности. В условиях глобального рынка ограничения и запреты в отношении подобных техноло-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-30057.

гий в ряде стран не могут быть сильным препятствием, поскольку есть регионы, где подобных мораториев не существует.

По мнению А. Корсани, главная метаморфоза современного капитализма связана с новыми отношениями между капиталом, знанием и жизнью, в которых «развиваются последние малейшие иллюзии об автономии науки (от капитала). Теперь в пору говорить о биотехнонауке, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой. Отношения «знание — сила» (Фуко), являющиеся сущностью научной практики, сегодня оказываются тесно связанными с самими отношениями производства и конфликтами, их пронизывающими. Технологии, лежащие в основе нового капитализма, — это технологии генетические, био-, а также коммуникационные технологии, технологии видения и восприятия, и информационные технологии образуют с биотехнологиями различные гибридные формы» [2, с. 131]. Чтобы акцентировать центральное положение наук о жизни [7], Каушик С. Раджан предложил термин «биокапитализм», подчеркивая, что перемещение капитала в сферу наук о жизни является явным признаком новой фазы капитализма.

Вторая причина связывается авторами с деятельностью транснациональных корпораций, которые в некоторых случаях оказываются более влиятельными, чем национальные государства. Их коммерческие интересы могут быть очень значимы в глобальной конкуренции за влияние и доминирование на рынках «биокапитализма».

Симптоматично, что именно биотехнологическая транснациональная компания «Монсанто» стала по опросу (51% из 16 тыс. человек) портала Naturalnew в январе 2011 года «самой злой корпорацией»¹. Негативная репутация компании имеет свою историю. С 1965 по 1969 год «Монсанто» была одним из основных поставщиков смеси «Эйджент Оранж» (Agent Orange) для армии США во Вьетнаме². «Агент Оранж» — смесь дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения, в которой содержались значительные концентрации диоксинов, вызывавших рак и генетические мутации у соприкасающихся с ними людей. Современная история знаменательна маршами «Против Монсанто» по всему миру, а также активной волной протеста, которая поднялась после принятия так называемого «Закона о защите Монсанто». Согласно последнему, федеральные суды не могли ввести запрет на выращивание и продажу ГМ-продуктов, даже если появятся доказательства, что они опасны для здоровья человека. А соответствующую продукцию можно продавать без марки-

---

¹ Monsanto voted Most Evil Corporation of the Year by Natural News readers. http://www.naturalnews.com/030967_Monsanto_evil.html#ixzz3fgJJoO41

² <http://www.monsanto.com/newsviews/pages/agent-orange-background-monsanto-involvement.aspx>

ровки. К настоящему времени проведены исследования, подтверждающие негативное влияние ГМО на организм подопытных животных. Вероятно, наибольший резонанс получили публикации профессора Сералини, в которых описывались патологические изменения функций печени и почек у мышей, питавшихся тремя исследованными сортами генетически модифицированной кукурузы в течение девяти дней [9]. В 2012 году журнал «Food and Chemical Toxicology» опубликовал статью Сералини, где приводились результаты долгосрочного влияния питания ГМ-кукурузой, устойчивой к раундапу, на крыс. Авторский коллектив констатировал, что крысы, которые питались ГМ-кукурузой, в 2–5 раз чаще заболели раком, чем животные, которых кормили здоровым кормом. Результаты исследований вызвали большой общественный резонанс. Вместе с тем, Сералини и соавторам было адресовано множество критических замечаний и обвинений в недобросовестном проведении исследований. В ноябре 2013 года журнал отозвал эту публикацию¹. Однако, по мнению исследователя, «преступлением» является прежде всего бездействие властей, которые ни разу не инициировали долгосрочного, независимого и объективного исследования влияния ГМО на здоровье.

В доводах противников ГМ-технологий слишком много утверждений, которые согласуются с мнением Фр. Бейлис и Дж. Роберта о том, что экономические интересы транснациональных компаний нередко перевешивают в споре между «деньгами и здоровьем».

Еще один фактор — влияние «необдуманного либерализма», который приводит к молчаливому попустительству и культурному релятивизму. Напомним, что ценности либеральной идеологии, по признанию многих исследователей, выступили краеугольным фактором в формировании биоэтики с ее важнейшим принципом «уважения автономии пациента». Поставив под вопрос патернализм в медицине, автономия пациента зашла слишком далеко — в область, которая не считалась даже прерогативой врача («Богу — Богово, а кесарю — кесарево»), не то что пациента, а стала в ряде стран вполне рутинной практикой добровольной эвтаназии. В какой степени либеральные установки способствуют утверждению «новых стандартов» в биомедицине — вопрос достаточно дискуссионный, однако особую остроту он приобретает в сфере, выходящей за границы терапии, где проблема разработки этических регулятивов остро стоит на повестке дня.

Неизбежность генетических технологий также связывается с постоянным стремлением человека к знанию и созданию чего-либо. «Наш на-

---

¹ <http://www.nature.com/news/study-linking-gm-maize-to-rat-tumours-is-retracted-1.14268>

правляемый любознательностью, основанный на знаниях мир очарован технологией, и в нем руководящей является мантра — если это может быть сделано, это будет сделано, и поэтому мы должны сделать это первыми» [4].

Известный американский философ Дж. Нейсбит, раскрывая в свое время противоречие между «глубокой гуманностью» и «высокой технологией», писал: «Отравленные соблазнительными технологическими удовольствиями и обещаниями, мы поворачиваемся спиной к последствиям использования технологии и удивляемся при этом, почему будущее стало столь непредсказуемым. Очень немногие из нас отличаются ясным пониманием того, какое место технология занимает (или должна занимать) в нашей жизни, какое место должна занимать она в обществе и — а это самый фундаментальный вопрос — что она собой представляет. Мы даровали технологии особый статус, вообразив, что по некоему естественному закону, по неотчуждаемому праву наша повседневная жизнь, наш созидательный опыт и даже естественный мир вокруг нас — все это отдано под контроль все более сложных программных продуктов» [3]. Вопрос, поставленный Нейсбитом: «Спасет технология человечество или уничтожит его?», в контекстах актуальных дискуссий переформулируется как проблема поиска новых социогуманитарных подходов к ответственности и возможностей расширения каналов коммуникации между технаукой и обществом.

Кроме того, утверждения авторов о ценностной нейтральности скорее умножают вопросы, чем подтверждают аргументы авторов. Проблемы ценностной нагруженности научного знания активно обсуждались во второй половине прошлого века. Достаточно вспомнить решение группы молекулярных биологов и генетиков во главе с П. Бергом (США) объявить добровольный мораторий на эксперименты в области генной инженерии, которые могут представлять потенциальную опасность для живущих ныне организмов. Об «Азиломарском» моратории вспомнили совсем недавно. В конце 2011 года Национальная научная комиссия по биобезопасности США запретила публикацию двух статей, в которых авторы сообщали о возможности модификации вируса птичьего гриппа H5N1 таким образом, что он будет передаваться от человека к человеку, из-за угрозы биотерроризма. В свою очередь исследователи, всегда стремящиеся получить приоритет и опубликовать результаты как можно быстрее, добровольно приняли мораторий на год для выработки необходимых норм биобезопасности и решения проблемы защиты общества перед возможными рисками. Авторы статей Й. Каваока (Yoshihiro Kawaoka) и Р. Фуше (Ron Fouchier) на пресс-конференции отметили, что в полной мере осознают опасность и убеждены, что риски перевешивают возможные выгоды для науки.

Еще один фактор, по мнению исследователей, связан с конкурентной природой человека, который всегда стремится к максимизации своих возможностей, а в сфере экономики — прибыли. Соревновательный дух присущ прежде всего спорту, который стал основной ареной борьбы фармацевтических и антидопинговых компаний. В результате «воображаемая граница между естественным и искусственно управляемым телом находится под постоянным наблюдением и подвергается непрерывному очищению (очищение по Латуру). Только благодаря этим процессам видимость природного сохраняется и принимается как свершившийся факт. Вот почему в ближайшем будущем генетический допинг будет восприниматься как последний рубеж и, безусловно, самая большая проблема для работы очищения со стороны антидопинговых организаций, действующих по классической схеме игры «казаки-разбойники». Как только новое вещество или метод допинга становятся доступными, контролирурующие органы тут же начинают предпринимать действия с целью его обнаружения. Но генетический допинг меняет ситуацию принципиально: если вмешательство происходит изнутри путем генетических изменений, обнаружить и выявить его практически невозможно» [6, р. 22]. Каким образом будет установлена граница между естественным и искусственным и как будет действовать организации, контролирующие честность соревнований — вопрос открытый и дискуссионный. Пока очевидно, что его решение будет иметь важное значение для других дискуссий в биоэтике, где проблема границы между естественным и искусственным оказывается принципиальным моментом для выхода из сложнейших этических коллизий.

Кроме того, представления о возможностях перехода границ естественной данности с помощью тех или иных технологий пока обсуждаются только как перспективные. В настоящее время все большее внимание исследователей и государственных структур привлекают стратегии «упреждающего управления», ориентированные на принцип предосторожности и поиск социально приемлемых оснований для обращения с рисками.

Утверждение о стремлении максимизировать прибыль вполне соответствует логике развития современного рынка, однако его абсолютизация может оказаться контрпродуктивной для различных инициатив ответственного поведения в бизнесе. В частности, существует хорошо известная проблема так называемых сиротских (орфанных) заболеваний, в которой потребности немногочисленных (относительно других заболеваний) пациентов сталкиваются с коммерческими интересами фармацевтических компаний. Однако некоторое время назад активно обсуждались примеры социальных программ двух фармацевтических компа-

ний — Merck (лечению онхоцеркоза (речная слепота)) ивермектином и GlaxoSmithKline (лечение малярии) [8; 5]. По мнению ряда исследователей, подобное поведение на фармацевтическом рынке не следует рассматривать только в логике маркетинговой политики, как своего рода «маркетинговый ход», но скорее как «стратегический альтруизм», выражающий действительные интересы компании в направлении к высокоадаптивному развитию [1].

Придавая самостоятельный онтологический статус технологиям, развитию капитализма и логике рынка, Фр. Бейлис и Дж. Роберт не принимают во внимание решения социальных акторов и механизмы согласования разных интересов и ценностей. Утверждение, что «будущее принадлежит нам» оказывается в прокрустовом ложе логики «биоэтического POSSIBILITY», в котором нет места для выбора. В биоэтике существует так называемый аргумент «права на открытое будущее» (Joel Feinberg, Dena Davis), который нередко рассматривается как принцип, релевантный не только терапевтическим, но и нетерапевтическим ситуациям. Особое значение он имеет при обсуждении конфликта интересов родителей и будущего ребенка. Согласно проponentам этого принципа, родители должны предоставить детям все возможности будущего, не ограничивая их своим решением. В этом ракурсе не только цели, но и средства имеют значение, а ответственность за действия с необходимостью предполагает ответственность и за последствия. Открытость будущего и возможностей для реализации человека не означают автоматического забвения прежних моральных императивов, а скорее наоборот, заставляют переосмыслить перспективы в ситуации, когда знание в полной мере оказывается силой, способной радикально преобразовать мир.

Признавая ограниченность каждого из аргументов в отдельности, авторы видят потенциал в комплексном подходе, учитывающем многомерность влияний разных факторов. Однако они упускают из виду, что предложенная целостная оптика, по сути, сужает перспективу будущего. Переход в связке «существующее — возможное — действительное» взыскует не готовых ответов, а внятной прописи желаемого будущего и ответственного выбора.

Литература

1. Горбачева А. Персонализированная медицина: этические проблемы и риски. URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1409>
2. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4 (61). С. 123–143.

3. *Нейсбит Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М: АСТ: Трауиткнига, 2005. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000769/st000.shtml>
4. *Baylis F, Robert J.S.* The inevitability of genetic enhancement technologies // Bioethics. 2004. Vol. 18 (1). URL: <http://www.ugr.es/~perisv/congresos/lecturasfc/2005-2006/Enhancement.pdf>
5. *Molyneux D.H., Nantulya V.* Public-private partnerships in blindness prevention: reaching beyond the eye // Eye. 2005. Vol. 19. P. 1050–1056.
6. *Nowotny H., Testa G.* Naked genes reinventing the human in the molecular age. MIT press, 2010.
7. *Rajan K.* Biocapital. The Constitution of postgenomic life. Duke UP. 2006.
8. *Reich M.R.* The global drug gap // Science. 2000. Vol. 287. № 5460. P. 1979–1981;
9. *Séralini G.E, Cellier D., de Vendomois J.S.* New analysis of a rat feeding study with a genetically modified maize reveals signs of hepatorenal toxicity // Arch. Environ. Contam. Toxicol. May 2007. Vol. 52 (4). P. 596–602.

«Моя криошка»: проблема «лишних» эмбрионов в ВРТ*

Репродуктивные технологии и потребность в них

Сегодня бесплодие признано одной из самых существенных проблем человечества в сфере здравоохранения. Бесплодием (относительным или абсолютным) называется невозможность зачатия при регулярной половой жизни в течение года без применения средств контрацепции. Согласно статистике, 15% пар в России и примерно каждая седьмая пара в мире имеет проблемы с зачатием ребенка¹.

Многим завести долгожданного ребенка помогают современные вспомогательно-репродуктивные технологии (ВРТ): искусственная внутриматочная инсеминация, метод ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), ИКСИ (введение сперматозоида в цитоплазму), а также суррогатное материнство и донорство гамет и эмбрионов.

В зависимости от степени бесплодия и использованной технологии, пара² может ожидать ребенка, генетически связанного с одним из партнеров, с обоими, а также ребенка, не связанного родством ни с одним из будущих родителей. Генетически чужой ребенок может вырасти в утробе своей будущей социальной матери, или же ребенок, связанный с родителями генетическим родством, будет рожден суррогатной матерью. Технологии переросли наше представление о родстве и родственных связях, а этнологи и социологи сегодня сталкиваются с проблемой терминологии в новых семейных структурах.

По статистике, до 2008 года в мире родилось более 5 миллионов детей «из пробирки»³, в Польше ежегодно рождается около 5 тысяч таких детей, то есть 1,5% от всех новорожденных⁴, а в России в 2012 году их родилось

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ. Проект № 15-18-30057.

¹ URL: <http://israinedinfo.ru/tours/4/207/> (дата обращения: 25.07.2015).

² Доступ к ВРТ обусловлен законодательством страны, в которой они применяются. На практике ими пользуются и одинокие женщины (нередко уже непродуктивного возраста, что само по себе является этически спорным), и гомосексуальные пары. В данном тексте в качестве примера используются гетеросексуальные пары, прибегшие к процедурам ВРТ, — подобный выбор не продиктован какими-либо этическими оценками, а сделан исключительно для упрощения.

³ URL: <http://nauka.newsweek.pl/juz-5-milionow-dzieci-z-in-vitro,93667,1,1.html> (дата обращения: 30.07.2015).

⁴ URL: <http://invitro.net.pl/historia.php> (дата обращения: 28.07.2015).

более 12 тысяч, то есть 0,77% от всех новорожденных [2]. Самой спорной ВРТ является экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) — процедура соединения яйцеклетки и сперматозоида *in vitro* (в пробирке) и имплантации полученного эмбриона в организм женщины. Гаметы, использованные в этом процессе, могут происходить как от пары, которая проходит процедуру ЭКО, так и от одного из родителей, либо от доноров. При ЭКО также могут использоваться замороженные эмбрионы от других пар, которые по разным причинам отказались от их имплантации и вынашивания.

Ошибаются те, кто видит в данном методе простой способ завести ребенка «на заказ», как это часто представляют СМИ и противники технологий вспомогательной репродукции. На самом деле эта процедура длительная, дорогостоящая и изнуряющая с медицинской точки зрения, при которой основная нагрузка ложится на тело и психику женщины. Процедура начинается со стимулирования суперовуляции у женщины: «Для этого в первый день цикла она начинает принимать лекарственный препарат, стимулирующий активность яичников. <...> За развивающимися фолликулами постоянно наблюдают на УЗИ, перед подсадкой эмбриона определяется уровень гормонов. Фолликулы достигают необходимых размеров в течение 8–10 дней, и после этого женщине вводится хорионический гонадотропин, который обеспечивает окончательное созревание яйцеклеток. Следующий этап — извлечение созревших яйцеклеток, которое проводится пункционной иглой под контролем УЗИ. <...> Следующий шаг — получение сперматозоидов. Их извлекают из эякулята, а при недостаточном количестве в эякуляте — из яичка или из придатка яичка. <...> Подсадка эмбрионов в полость матки проводится с помощью катетера, а для увеличения шансов на положительный результат вводятся 2–3 эмбриона. После успешной подсадки эмбрионов назначаются препараты, которые поддерживают их развитие. Через 3 недели плодное яйцо видно при УЗИ»¹.

Из вышеприведенного описания отчетливо видно, что ЭКО — это далеко не «покупка ребенка в супермаркете», как привыкли говорить его противники. Это также не технология, которая кардинально меняет человеческие качества: она повторяет действия природы, а не действует вопреки ей, как это имеет место, например, в случае генной инженерии. И несмотря на то, что по своей сути ЭКО и другие ВРТ можно сравнить, скорее, с протезированием или с терапией, а не с «улучшением» человека, они вызывают много спорных эмоций и сопротивления, в частности, в религиозных кругах, вплоть до навешивания ярлыков «монстров» или «детей Франкенштейна» на детей ЭКО. Возможно, это происходит по

---

¹ URL: <http://www.probirka.org/eko/texis/5439-eco-podsadka-embrionov.html> (дата обращения: 28.07.2015).

причине того, что ВРТ касаются одной из самых интимных, таинственных и символических сфер жизни. Хотя общество уже передало момент окончания жизни человека — смерть — в сферу медицины, (умирающего перенесли в больницу), оно все еще не хочет, чтобы самое начало жизни было медикализировано и перенесено из утробы женщины в стеклянную пробирку врача.

Об ЭКО много говорят, но еще больше — молчат¹. О нем хотят забыть, в нем не признаются, оно свидетельствует о некоей ущербности пары, которая не смогла собственными силами зачать ребенка и реализовать ожидания родных и общества. Это большой стресс для будущих родителей, которые борются не только со своим несовершенным телом, но и переживают сильные эмоции, связанные с непредсказуемостью результата процедур (согласно отчету РАРЧ, за 2012 год из 58944 начатых циклов ЭКО получилось 18134 беременностей, а родилось 12442 детей [2]). Молчание об ЭКО ложится длинной тенью на жизнь будущего ребенка, которого родители часто не информируют о его «необычном» происхождении, тем более если он не связан с ними генетически².

Для ЭКО обычно создается несколько зародышей, чтобы в случае необходимости повторного оплодотворения не повторять всей процедуры гормональной стимуляции, поскольку в ее результате у женщины может появиться множество побочных эффектов, вплоть до гиперстимуляции яичников.

Здесь мы приходим к главной этической проблеме данного метода вспомогательной репродукции: *создания «лишних» эмбрионов*, которые в разных дискурсах называется по-разному: детьми, людьми, гражданами, зародышами и т.д. «Я практически слышу крик отчаяния десятков тысяч замороженных эмбрионов, я чувствую их отчаяние» — утверждает Ярослав Говин, депутат польского Сейма, автор консервативного проекта закона об ЭКО и противник замораживания эмбрионов. Для каждого из акторов ЭКО, а также тех, кто не участвует в нем и не использует эту медицинскую технологию напрямую, нерожденные зародыши имеют свое значение, связанное с разными интересами и ожиданиями. Между этими группами и сферами интересов не существует единства относительно статуса и степени автономии зародыша.

---

¹ О роли молчания в ЭКО писали, например, М. Радковска-Валькович и А. Кравчик [1; 7; 5].

² В Польше, где в июле 2015 года был подписан закон об ЭКО, а Костел и правые политики враждебно высказываются о ВРТ (а также о детях, рожденных этим путем), общественные фонды как, например, *Nasz Woscian* («Наш аист») проводят кампании, нацеленные на родителей по информированию детей об их происхождении.

Врачи, занимающиеся ВРТ, говорят об эмбрионах на языке медицины, лишённом эмоций. «3-дневный эмбрион — это 8 клеток, 5-дневный — 50–60 клеток. Для сравнения: кожа человека содержит 1600 миллиардов клеток, 30–40 тысяч клеток мы теряем каждый час, в сутки теряем более 1 миллиона клеток», — поясняет Владислав Корсак, профессор, директор Международного центра репродуктивной медицины (МЦРМ), руководитель Российской ассоциации репродукции человека¹. Для бесплодной пары эмбрионы — это еще не дети или люди, а, скорее, — потенциал. И это вполне объяснимо, поскольку они знают и определяют статистику успешности ЭКО. Возможно, в их истории лечения уже есть неудачные беременности и выкидыши, а если они только приступают к этой процедуре, то, без сомнения, считаются с такой возможностью. Видеть в эмбрионе не ребенка, а «только» потенциал развития в него — это способ самозащиты и снижения стресса. В свою очередь, такие общественные силы как церковь, политики и феминистки относятся к эмбрионам утилитарно в соответствии со своим мировоззрением. Здесь преобладают крайности: эмбрионы — это либо граждане, от имени которых можно выступать, либо этап на пути к достижению цели, коей для женщины/пары является родительство.

«Лишние» эмбрионы

Криоконсервация эмбрионов должна уменьшить стоимость ЭКО и нивелировать потребность в гормональной стимуляции женщины в случаях повторной имплантации, поэтому врачи и пациенты часто пользуются этой возможностью. Первым ребенком из замороженного эмбриона была родившаяся в 1984 году в Австралии Зои Лейлан (Zoe Leylan).

Однако замораживание эмбрионов имеет и свои отрицательные стороны, которые используют противники ВРТ. Помимо правовых вопросов о том, что случится с зародышами в случае смерти родителей и кто имеет право на зародышей в случае развода пары, главной остается проблема статуса эмбриона: является ли он автономным существом, человеком, либо это субстанция, ничем не отличающаяся от другого вида человеческого биологического материала. Аргументы «за» и «против» здесь схожи с аргументами вокруг аборт. Отличие этих двух ситуаций заключается в том, что эмбрионы при ЭКО созданы целенаправленно и находятся в «подвешенном состоянии» вне организма женщины. Это тем более способствует их рассмотрению в качестве «автономных» существ, а не части тела женщины.

---

¹ URL: <http://monavista.ru> (дата обращения: 29.07.2015).

Немецкий философ и теолог М. Бек напоминает, что в отношении человеческих эмбрионов существуют четыре главных аргумента, определяющих, почему мы должны считать эмбрион человеком: так называемые аргументы SKIP, название которых происходит от первых букв этих аргументов: 1) аргумент от вида (Speziesargument) — эмбрион, созданный из человеческих сперматозоида и яйцеклетки, является человеком и как таковой обладает человеческим достоинством; 2) аргумент от непрерывности (Kontinuitaetsargument) — от момента зачатия до взрослого человека мы имеем дело с непрерывным процессом развития, непрерывность которого не позволяет проводить морально релевантного разграничения эмбриона на разных стадиях развития и уже рожденного ребенка; 3) аргумент от идентичности (Identitaetsargument) — нет разницы между эмбрионом и взрослым, который из него вырастет, поскольку этот взрослый сможет когда-то сказать про себя: «я был зачат, я был эмбрионом»; 4) аргумент от потенциальности (Potentialitaetsargument) — эмбрион обладает человеческим достоинством, поскольку несет в себе потенциал стать взрослым человеком, а тот обладает человеческим достоинством.

SKIP-аргументы служат обоснованием для наделения человеческим достоинством эмбриона и, тем самым, обоснованием запрета экспериментов и манипуляций над ним. Здесь стоит напомнить, что далеко не все согласны с тем, что категория «человеческого достоинства» — это обоснованная категория. Самым ярким противником данного понятия является австралийский философ-утилитарист П. Сингер, автор термина «видовой шовинизм».

В разных странах, в зависимости от способа интерпретации статуса эмбриона, используются разные правовые решения касательно криоконсервированных эмбрионов — от запрета на создание «лишних» зародышей, ограничения их количества, до опции их передачи для научных целей. В основном у родителей существуют следующие варианты выбора относительно того, что сделать с их дополнительными зародышами: 1) хранение, срок которого определяется законодательством страны, регламентом клиники и финансовыми возможностями родителей; 2) передача эмбрионов для научных целей; 3) донорство эмбрионов другим бесплодным парам; 4) уничтожение эмбрионов.

Пары по-разному подходят к созданию дополнительных эмбрионов. Некоторые еще до создания и замораживания задумываются над тем, что будут делать со своими эмбрионами, если последние окажутся неиспользованными, однако на данном этапе почти никто не решает уменьшить свой шанс на успех, то есть на беременность:

«Для меня это были самые страшные мысли во всей процедуре эко. Мне дурно было от мысли, что ребенок, который должен быть рожден

сейчас, родится через 2 года. Молилась, чтобы все было как надо. В итоге из 14 эмбрионов один. Вот она, сила молитвы!» (MamaKsu, babyblog.ru).

«Мы с мужем очень за это переживали, особенно он, так вот получилось 7 як, 5 эмбрионов, из них 2 отличника, они сейчас с нами, остальные слабенькие, нам доктор сказала, что толку с них не будет, вот после этого мой муж спокойно вздохнул, молитва делает чудеса!» (Мамуся ленуся, babyblog.ru).

Те, кто из этических или религиозных соображений не хочет создавать «лишние» эмбрионы, но при этом не осмеливается действовать вопреки рекомендациям врачей, «отдает решение в Божьи руки», что также является своего рода стратегией, снимающей психологическую нагрузку. Одни планируют «вернуться» за своими эмбрионами, либо хранить их в качестве «страховки». Другие вспоминают о донорстве эмбрионов, третьи откровенно заявляют, что уничтожат их. Однако на форумах часто появляются слова о том, что в ходе продолжительных процедур мнение может неоднократно меняться, а жизнь пишет свой сценарий, поэтому «проблемы надо решать по мере их поступления». Само создание дополнительных эмбрионов практически не отбрасывается, поскольку это часть выбранного пути к родительству.

Один из способов сохранить зародыши, которых нет возможности родить самому — донорство эмбрионов бесплодным парам. Очередь ожидающих намного длиннее той, которая состоит из пар, готовых отдать свои замороженные эмбрионы. Согласно отчету РАРЧ, за 2012 год сделано 263 переноса донорских эмбрионов, из них получилось 110 беременностей, закончившихся 72 родами. При этом под донорскими эмбрионами понимаются эмбрионы, полученные в результате одновременного использования донорских гамет (сперматозоидов и яйцеклеток), или эмбрионы, от которых отказались пациенты и дали свое согласие на их перенос реципиентам, то есть количество отданных на усыновление эмбрионов еще меньше [2]. На форумах появляются разные аргументы «за» и «против» донорства эмбрионов, но самые главные из них: дать зародышам шанс жить (аргумент «за») и нежелание, чтобы «собственные дети» росли у чужих людей (аргумент «против»).

«Мы тоже многое передумали, перед ЭКО. Я точно решила, если будет очень много эмбрионов — отдам на донорство. Нужно дать всем право ЖИТЬ! А у меня или у кого еще, не так важно. Вряд ли те, кто решается на ЭКО с ДЭ не будут любить ребенка» (Allache, babyblog.ru).

«Я решила, что сделаем себе 2-х деток, а если останутся криошки, то отдадим их другим родителям. Пусть кому-то они принесут счастье. Для меня это единственное верное решение, так как мы из-за нехватки доноров сперму донорскую ждали целый год» (Катя, babyblog.ru). Здесь видно,

что донорство зародышей рассматривается также как помощь другим бесплодным парам, то есть тем, чье страдание хорошо знакомо донорам.

«Я бы оставила для себя в качестве подстраховки. А когда поняла бы уже, что мне не нужны будут, то обязательно нашла бы будущую мамочку, которой они очень нужны бы были. Мне не очень важно — отдать или продать... главное, чтобы мама и будущие детки получили шанс на жизнь!» (Ирина, babyblog.ru). В этом высказывании не только эмбрионы, но и их будущие социальные родители «получают шанс на жизнь», что подразумевает, что без детей жизнь не может быть полноценной (это отдельная и очень важная тема, связанная с давлением общества и самого сообщества бесплодных на тех, кто после многих неудачных попыток забеременеть решает на бездетную жизнь).

Для тех, кто не хочет отдать свои эмбрионы на усыновление, остается их уничтожение либо продолжение криохранения с надеждой, что когда-нибудь их удастся родить, либо же вопрос «решится сам собой»: «А я бы не смогла отдать свои эмбриончики кому-то! Ведь это жить и знать что где-то твои дети живут» (Мама DBL, babyblog.ru); «я тоже себе плохо представляю, что наши с мужем дети будут где-то ходить» (Кареглазая, babyplan.ru); «я никогда бы не пошла на то чтобы отдать своих детей кому-то» (//Alexbuck//, babyplan.ru).

«У меня муж против того, чтобы отдать эмбриончики — говорит, я их заберу лучше и похороню, не смогу жить и знать, что у кого-то такая же НАША Ульянка растет. И потом говорит, клиника рядом с нами находится, вдруг наша дочь потом со своим братом встретится — и они полюбят друг друга» (Ольгана, babyblog.ru). Здесь затрагивается очень важный аспект социальных последствий ЭКО: большое количество детей, рожденных с помощью ВРТ, которые часто даже не знают о своем настоящем генетическом происхождении и которые связаны родством. Это касается главным образом детей, рожденных при помощи донорской спермы, где у одного биологического отца может быть несколько десятков детей.

«У нас тоже хранятся, мы с мужем затрагивали тоже эту тему, но ни к чему определенному не пришли, пока будем хранить, а потом видно будет, годика через два попробуем второго малыша сами сделать и если не получится то пойдем наших криошек забирать» (Наталья, babyblog.ru); «Мы храним нашего криошку. Надеемся, что обязательно его еще заберемен» (омега, babyblog.ru).

Отношение к созданным и криоконсервированным эмбрионам является одновременно смесью заботы, ожидания, привязанности и дистанции. Его определяет многолетнее ожидание беременности и рождения ребенка. В такой ситуации созданный в лаборатории эмбрион обладает особыми качествами в глазах своих «родителей», качествами, которых в них не

могут увидеть ни врачи, ни духовенство, ни этики. Это уже «кто-то», но еще не «ребенок». Это — «криошка», «снежинка». Естественным следствием такой ситуации является особенное чувство ответственности пары за своих «криошек».

Литература

1. *Радковска-Валькович М.* Эмбрионы: потенциальные дети и новые игроки на политической сцене // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 56–68.
2. Регистр ВРТ, Отчет за 2012 год, Российская Ассоциация Репродукции Человека (PDF).
3. *Beck M.* Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten, Ferdinand Schoening Paderborn, 2009.
4. *Korolczuk E.* Niepłodność, tożsamość, obywatelstwo. Analiza społecznej mobilizacji wokół dostępu do in vitro w Polsce / Etnografia biomedycyny, red. M. Radkowska-Walkowicz. Warszawa, 2014.
5. *Krawczak A.* Czego nie widać. Obszary przemilczeń w polskiej debacie o in vitro na podstawie zagadnienia dawstwa heterologicznego / Etnografia biomedycyny, red. M. Radkowska-Walkowicz. Warszawa, 2014.
6. *Maciejewska-Mroczek E.* Tyci-tyci dar życia. Dziecko wobec dawstwa gamet / Etnografia biomedycyny, red. M. Radkowska-Walkowicz. Warszawa, 2014.
7. *Radkowska-Walkowicz M.* Doświadczenie in vitro. Warszawa, 2013.
8. *Singer P.* All Animals Are Equal / Animal Ethics. Past and Present Perspectives. Berlin: Logos, 2012. P. 163–178.

ПРАКТИКИ ВЫБОРА: БИОЭТИЧЕСКИЕ И КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ольга Бермант-Полякова

Проблема выбора в конфликте лояльностей

В настоящей статье мы рассматриваем взаимоотношения между аффилиацией, привязанностью и лояльностью, предлагаем идею лояльности одной из четырех этических установок и, пользуясь этим концептуальным аппаратом, поясняем на нескольких примерах из современной психологической и судебной практики различие между сверхупрощенным и ошибочным решением.

Определения

Чувство «мы» в социальной психологии называется аффилиацией (от англ. affiliation присоединять, присоединяться). Это эмоциональная связь человека с другими людьми, тяга, потребность, стремление находиться в обществе людей, нужда индивида в создании тесных, доверительных, теплых, эмоционально окрашенных взаимоотношений. Данное переживание оформлено как знание о других людях, «свои» они или «чужие». С чужими нет никакой эмоциональной связи, тепла и доверительности, как на уровне малой группы — семьи, так и на уровне большой группы — общества.

Интериоризацией (англ. introjection) называется неосознаваемый процесс перехода практики в идею, то есть действий в представления о них, и формирование внутренних структур речи и мышления [6] посредством освоения социальной практики и перевода ее во внутренний план психики. Осознаваемый процесс называется самообразованием или формирующим обучением.

В опыте каждого человека есть практика общения первых лет жизни, когда о нем заботился значимый взрослый. Уходя на внутренний план в процессе интериоризации, она становится представлением, что существует Другой-для-меня. Позднее возникают представления Я-для-Другого,

Я-для-Себя и Другой-для-Себя [1]. Разные варианты проживания аффилиации во внутреннем плане в психологии принято обобщать словом «интроекты».

Привязанность (англ. attachment) это эмоциональная связь Я и Другого в ситуациях заботы и разлуки, а также способ реализации этой связи на практике.

Лояльность (англ. loyalty) это приверженность идее, ценностям, мировоззрению, а также поступок как результирующая размышлений и совершенного выбора в противоборстве двух идей, ценностных ориентаций, мировоззрений.

Конфликт привязанностей (англ. conflicting affiliations) это невозможность сделать выбор, с кем быть «мы», когда доверительные, теплые, любовные чувства связывают человека с двумя членами семьи, находящимися между собой во вражде.

Конфликт привязанности и лояльности (англ. the conflict of affiliation and loyalty) это ситуация противоречия между доверительными, теплыми, любовными чувствами к члену семьи и неприятием его неэтичного поступка, или между доверием и сердечными чувствами к члену семьи и неприятием его противоправного действия, или между признью к члену семьи и неприятием заявленного им мировоззрения.

Существуют социальные регуляторы приоритета лояльности (в данном случае это верность идее служения) над привязанностью, такие как хиротония, публичная клятва Гиппократа, воинская присяга на верность Родине, и, наоборот, приоритета привязанности над лояльностью (в данном случае это верность идее правосудия): Конституция РФ в статье 51 устанавливает, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом», статья 308 Уголовного Кодекса РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» уточняет «лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников».

Конфликт лояльностей (англ. conflicting loyalties) это невозможность сделать выбор, с кем солидаризироваться. Примером может быть трудовой конфликт и решение объявить забастовку. В противостоянии рабочих и администрации появляется группа штрейкбрехеров, кто лоялен другим идеям, и поэтому приходит на рабочее место, чтобы продолжать трудиться. Колеблющиеся между двумя лагерями и будут людьми в конфликте лояльностей. Чтобы разрешить его в пользу одной из сторон, человеку необходимо осознавать идейную, ценностную или мировоззренческую суть происходящего в большой группе.

Примеры конфликтов

Примерами конфликта двух привязанностей могут быть любой сюжет любовного треугольника, где требуется сделать выбор, с кем длить «мы»; развод родителей высокой степени враждебности, где ребенку не удастся оставаться в доверительных отношениях с обоими; ревность родителей и нового супруга, требующая выбрать, чьи интересы считать приоритетными после свадьбы; ревность детей от предыдущего брака в повторном браке, требующая сделать выбор, кому уделять больше времени, детям или новому супругу.

Во внутреннем мире могут вступить в противоборство привязанность к тому, кого считаешь «своим» и лояльность собственным ценностям, или интересам, или мировоззрению. В психологическом плане, необходимость определяться по отношению к подлости, преступлению или террористической идеологии родителя или ребенка, брата или сестры, мужа или жены, возникает не так часто по сравнению с необходимостью определяться по отношению к его лжи. Противоборство между верностью другому, доверительными, сердечными чувствами к солгавшему члену семьи и верностью собственным ценностям, таким как честность и искренность, — это разновидность конфликта привязанности и лояльности.

Ветхозаветный вариант разрешения подобного конфликта, — в ситуации, когда член семьи отказывается от веры предков или переходит в иную веру, — предписывает членам иудейской семьи совершать по отступнику обряд оплакивания (шив'а), как по покойнику. В ультраортодоксальных религиозных кругах он практикуется и в наши дни.

Библейская притча о блудном сыне (англ. Parable of the Prodigal Son) в Новом завете рассказывает об отце, который откликнулся на просьбу дерзкого сына выделить долю наследства при жизни, и сыне, который после скитаний и нищеты вернулся в отчий дом, чтобы начать все сначала вместе. Отец пожертвовал лояльностью своим представлениями о должном и сохранил привязанность, чувство «мы» с блудным сыном.

В реальной жизни, когда не действуют социальные регуляторы приоритетности привязанности или лояльности, в их конфликте возможны четыре исхода:

- 1) «свой своему поневоле брат», пожертвовать собственными убеждениями ради сохранения родственной привязанности;
- 2) «вечный спорщик», вести бесконечный мировоззренческий диспут, сохраняя родственное «мы»;
- 3) «принципиальный», разорвать отношения и пожертвовать родственным «мы», сохраняя верность собственным идеалам;

4) «уродивый», избежать конфликта через апелляцию к наивысшему уровню обобщения: любит всех людей и приемлет все точки зрения, не привязан ни к кому настолько, чтобы быть «мы» только с ним.

В них усматривается сходство с описанными в психологии практиками (поведенческими стилями привязанности): безопасная привязанность, амбивалентно-сопротивляющаяся, избегающая и дезорганизованная соответственно. Нам приходилось писать о том, что таксономическая концептуализация стилей привязанности как безопасных и небезопасных, представленная в англоязычной литературе, вызывает справедливые критические замечания [2].

Примером конфликта лояльностей может быть любая ситуация ценностного выбора в социальном контексте. Речь идет о принадлежности большой группе людей, которая вырабатывает собственную мировоззренческую позицию и считает себя вправе отстаивать свои ценности. Идеи «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» и «Уми ты сегодня, а я завтра» проводят водораздел между людьми мира и антимира, законопослушными и криминальными слоями общества. Идеи «Помогать нужно только своим» и «Помогать нужно всем», прецедентным именем для которой является добрый самаритянин, проводят водораздел между ветхозаветным и новозаветным мировоззрением. Идеи «Гений и злодейство несовместны» и «Цель оправдывает средства» проводят водораздел между психологически здоровым (этичным) и психологически уязвимым (неэтичным) социумом. В биоэтике примером конфликта лояльностей может быть конфликт прав «право плода на жизнь» и «право женщины на аборт», каждая из которых имеет свою организованную группу сторонников.

О том, что существует макрогрупповая идентификация человека, и она может находить свое отражение в осознанной им системе социально-политических ценностей и политического выбора, писал Г.Г. Дилигенский [8]. Анализируя ценностный выбор, он указывал на то, что существует тип идейного и тип прагматического человека. Для идейного политического человека, по Г.Г. Дилигенскому, определяющим фактором выбора являются идеи и ценности в чистом виде, он ставит во главу угла идеи нации, свободы, прогресса, мирного урегулирования, равенства возможностей или религиозные убеждения, подкрепленные чувством принадлежности к конфессиональной общности. Прагматический политический человек ставит во главу угла свои потребности и интересы.

Прецедентные ситуации конфликта лояльностей

Русское культурное пространство это бытие культуры в сознании ее носителей, национальная когнитивная база, понимаемая как определен-

ным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного общества. Суть трансляции культуры состоит в ознакомлении новых поколений людей с когнитивной базой культурного пространства, важную часть которых составляют так называемые прецедентные феномены [10].

Это единичные и уникальные феномены, о существовании которых известно каждому представителю национальной культуры: прецедентные ситуации, тексты, имена и высказывания. Прецедентные имена подразумевают знание прецедентных ситуаций и прецедентных текстов, и представляют собой пантеон «героев» и «злодеев», задавая тем самым определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется или запрещено следовать. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические статьи [7].

Прецедентными ситуациями конфликта лояльностей являются реформы и восстания. Они неизбежно делят общество на сторонников и противников реформаторов или восставших. К числу наиболее значительных событий из истории XVII–XX веков, осмысление которых занимало умы современников, дало творческий импульс писателям и стало предметом дискуссий интеллектуалов многие поколения спустя, с полным правом можно отнести:

- церковную реформу патриарха Никона (1650–1660), которая вызвала раскол Русской церкви;
- реформы Петра I в сферах государственного управления и общественной жизни (1696–1715), которые можно назвать насильственным устройством жизни по европейскому образцу;
- восстание декабристов (1825), целью которого была замена самодержавия другим государственным строем;
- польское восстание (1830–1831), по итогам которого Польское царство стало провинцией России, были упразднены сейм и польское войско, деление на воеводства было заменено делением на губернии и т.д.;
- Октябрьский переворот (1917), заменивший Временное правительство Советом рабочих и крестьянских депутатов, по итогам которого началась гражданская война в России (1917–1923).

Значительная часть из вышеназванных конфликтов лояльности общественным сознанием разрешена, однако потребовалось на это больше, чем несколько поколений социальной жизни.

Свобода вероисповедания в России, в том числе легализация старообрядчества, была законодательно утверждена 17 апреля 1905 года, имен-

ным высочайшим указом, данным императором Николаем II Сенату, то есть на формирование лояльности идее свободы совести национальному сознанию потребовалось 250 лет.

Преобразовательная деятельность Петра I, принесшая в культуру бюрократический дискурс, а в экономику — промышленность и технологии, сформировала в национальном сознании лояльность идее службы государству. Произошло это в первой половине XIX века, когда резко ускорился процесс бюрократизации государственного аппарата, на что потребовалось 100 лет. Основной переход ткацкого дела на мануфактурное производство тканей относится к середине XIX века, а переход транспортного сообщения на железнодорожное состоялся в 1880-х годах. Иными словами, после Петровских реформ лояльность идее передовых технологий сформировалась за 150–200 лет.

Идеи декабристов о свержении самодержавия и идеи народолюбцев о сословном равноправии стали социальной реальностью за 100–50 лет; поскольку случилось это не эволюционным, а революционным путем, социальная жизнь общества потекла по двум руслам: в эмиграции и в коммунистической России. Гражданскую войну красных и белых продолжило разделение православной церкви на Московский Патриархат и РПЦЗ, Русскую православную церковь за границей.

Символические акты перезахоронения останков царской семьи в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга (1998), перенос останков одного из руководителей белого движения А.И. Деникина с женой и русского философа И.А. Ильина с женой, из-за границы и перезахоронение в некрополе Донского монастыря (2005), принятие Акта о каноническом общении церквей, подписанного 17 мая 2007 года, и объединение усилий русской церкви, — свидетельства преодоленного конфликта. Иными словами, лояльность идее выборных форм правления была выработана в национальном сознании за 150–200 лет.

Проживание конфликта лояльностей на уровне индивидуального сознания имеет свою динамику. На уровне ментальности такую динамику можно описать как завершенные и незавершенные наррадигмальные [11] циклы. Так, польское восстание 1830–1831 годов и выбор, солидаризироваться со сторонниками национально-освободительного движения или со сторонниками договоров и правовых актов, закрепляющих новое межгосударственное (послевоенное) устройство, судя по украинским политическим событиям последнего десятилетия, проживает очередную фазу наррадигмы. Это уже не апокрифические свидетельства непосредственных участников и не канонические положения учебников о том, какой расклад политических сил действовал в конфликте, а переосмысление канона.

Прецедентными текстами на тему конфликта привязанности и лояльности и конфликта лояльностей (перечисляются в хронологическом порядке создания) являются «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» М.Н. Загоскина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Клеветникам России» А.С. Пушкина, «Русские женщины» Н.А. Некрасова, «Тихий Дон» М.А. Шолохова. К этому же сюжету можно отнести картину И. Репина «Иван Грозный убивает своего сына» и картину В. Сурикова «Боярыня Морозова». В русской национальной культуре нет человека, не слышавшего хотя бы раз этих прецедентных имен.

Виды конфликта лояльностей в биоэтике

В сегодняшней социокультурной реальности существуют четыре этические позиции, выработанные за двадцать пять веков европейской культуры. Они оформились в рамках медицины и в хронологической последовательности выглядят как Model of Hippocrates, Model of Paracelsus, Model of Jeremy Bentham, Bioethics by Van Rensselaer Potter.

Как мы отмечали в своих работах [12], в практике онлайн-сообщества психологической взаимопомощи, где участвуют тысячи, комментируют сотни русскоговорящих участников из 65–142 стран мира, а читают диалоги 1 млн — 2,5 млн раз в месяц, среди комментаторов наблюдается полифония интернализированных этических установок.

Модель Гиппократ (460–356 до н.э) кладет в основу работы принцип «не навреди», понимаемый как осторожность и научную верификацию предлагаемых вмешательств.

Модель Парацельса (1493–1541) предлагает руководствоваться принципом «делай добро», понимаемым как необходимость выбрать одну из сторон в борьбе Добра и Зла и быть проводником божественной воли и сил добра в земном мире.

Модель Бентама (1748–1832) заявляет о принципе «всеобщей пользы», понимаемом в первую очередь как патернализм и знание одних о том, что будет на пользу другим, а что нет. Он присваивает себе право решать, что приведет к счастью, а что к страданию другого человека, и принимает ответственность за жизнь того, за кого решает.

Биоэтика Поттера (1911–2001) декларирует принцип уважения к правам человека и его достоинству. Она оставляет за самим человеком право решать, что будет ему к добру, а что к худу, и возлагает ответственность на его собственные плечи.

В практике биоэтики, персонифицированное выражение этических идей помогает ориентироваться в конфликтах между интернализированными этическими установками и требованиями профессиональной роли,

а также в конфликтах между разными интернализированными этическими установками.

Исследование [15] отношения к врачам во Фландрии среди престарелых людей выявило четкое различие между этическими установками бельгийского и мусульманского населения. Если коренное европейское население легко принимало принципы биоэтики, информированного согласия, необходимости подписывать документы, регламентирующие работу врача, и так далее, то турецкие иммигранты руководствовались моделью Парацельса и полагали любое решение врача, которого послал пациенту Бог, божественной волей, и ставили современных выпускников европейских медицинских школ в тупик своей готовностью исполнить все, что повелит Бог устами врача. Это ситуация межличностного конфликта, когда пациент и врач руководствуются разными этическими установками.

Возможна и ситуация внутрличностного конфликта, когда в человеке интернализированные этические установки являются противоречащими друг другу профессиональными позициями. Рассмотрим пример. Муж много лет был не в ладах с женой, она собралась подавать на развод и получить половину имущества, когда выяснилось, что супруг серьезно болен и ему недолго осталось жить. Как должен поступить врач, сообщить жене медицинский диагноз мужа или промолчать? Допустим, молодой врач работал во время стажировки с четырьмя разными профессорами, и, принимая решение, опирается на аргументацию учителей, — а она может быть взаимоисключающей.

— Конечно, сообщать, — говорил один. Жену нужно сделать союзником врача, подробно проинструктировать, как себя вести с учетом диагноза мужа, — ради его же блага. Думай о всеобщей пользе в первую очередь.

— Конечно, молчать, — говорил другой. Нужно уважать право пациента решать, что ему подходит, а что нет, и кому сообщать диагноз, а от кого скрыть. Пациент взрослый человек, который сам принимает решение о своем лечении, и необходимо поддерживать его в этой взрослой роли, — ради его же блага. Биоэтика прежде всего.

— Конечно, сообщать, — говорил третий. Жена и муж вместе преодолевают жизненные трудности, в атмосфере доверия и поддержки супруги сами обсудят диагноз, — на благо пациента. Верь в добро и делай его.

— Конечно, молчать, — говорил четвертый. Мы не знаем, как повлияет эта информация на жену, как она отреагирует и что станет делать. «Не навреди» пациенту, ты не можешь контролировать его жену.

Кому быть лояльным молодому врачу, Гиппократу, Парацельсу, Бен-таму или ван Поттеру? Похожим образом развивается диспут по этичес-

ким вопросам в онлайн-сообществе психологической взаимопомощи. Дебаты выявляют сторонников всех четырех позиций, что позволяет заявлять об их сосуществовании в общественном сознании. Дискуссионный пыл обсуждений стихает, когда зрители сообщества рефлексировали для группы противостояние идей, лежащее в основе разнообразия мнений.

Судебная экспертная практика дает основания для вывода о том, что разные профессиональные группы лояльны разным этическим установкам. Так, социальные работники и представители органов опеки и попечительства, в Израиле руководствуются моделью Бентама и принципом пользы, а медицинские работники и психологи принципом информированного согласия и биоэтикой ван Поттера. Дебаты экспертов-социальных работников и экспертов-психологов в суде по семейным делам представляют собой пример неотрефлексированного на уровне общественного сознания конфликта интернализированных этических установок между представителями больших групп.

Особенно наглядно это проявляется в судебной практике, в случаях сверхупрощенных и ошибочных решений экспертов в делах об опеке над детьми после развода.

Сверхупрощенные решения в экспертной практике

Приговор, вынесенный 9 июля 2015 года в США, отправил в колонию трех несовершеннолетних детей за то, что они отказались выполнить решение суда о совместном обеде с отцом [17]. Сами дети в беседах с социальными работниками утверждали, что отец грубо с ними обращался [9], но социальные службы, обследовавшие семью в связи с разводом родителей, пришли к заключению, что поведение детей является следствием «синдрома родительского отчуждения», что мать настроивает ребенка против встреч с отцом, и ради всеобщей пользы рекомендовали изолировать детей от матери, разлучить между собой и принудить их восстановить отношения с отцом по графику свиданий, утвержденному судом.

«Синдром родительского отчуждения» не является ни административным, ни уголовным правонарушением, ни признанной Американской психологической ассоциацией (APA) диагностической категорией, ни упомянутым в медицинских классификаторах DSM-5 или в ICD-10 психиатрическим диагнозом, однако сложилась практика на основании «синдрома» требовать в суде заключения ребенка в интернат или приемную семью, где якобы нарушенные отчуждением семейные установки на безопасную привязанность будут исправлены третьими лицами на деньги налогоплательщиков.

Согласно теории Дж. Боулби [5], безопасная привязанность проявляется как желание находиться близко в физическом смысле, сильный стресс при расставании, потребность в другом в минуту опасности или переживания тревоги. Печальные страницы терапии нарушений привязанности связаны с методом holding therapy 1980-х годов. Исходя из постулата теории Боулби о том, что надежная (secure) привязанность означает желание телесной близости к родителю, прижаться к нему и получить защиту, детей разведенных родителей, усыновленных детей и приемных детей, которые не находили контакт со взрослым, которые по разным причинам избегали телесного контакта с родителями или «сопротивлялись эмоциональной привязанности», взрослые-терапевты или приемные родители удерживали и, даже несмотря на отчаянное сопротивление, крики, неистовства, борьбу, а иногда и телесные повреждения, силой побуждали к телесному контакту до тех пор, пока те в изнеможении не сдавались и не подчинялись их требованиям.

Спустя десятилетия официальная позиция профессионалов душевного здоровья состоит в том, что такой подход в корне противоречит постулату теории привязанности о «настройке» на нужды ребенка и о необходимости чуткости и внимания к ребенку для построения надежной привязанности между ним и взрослым.

Американской психологической ассоциацией (APA) в 2006 году официально постановлено, что насилие над ребенком никогда — даже во имя некоей высшей цели — не может служить средством формирования привязанности ребенка к тем, кто удовлетворяет его насущные потребности: даже если внешне ребенок подчинился ввиду физического и социального превосходства взрослого, либо ввиду полной безнадежности борьбы и сопротивления и беспомощности в ситуации принуждения, привязанность к взрослому будет переполнена тревогой, страхом и протестом, а значит, останется «ненадежной» — оттого метод и несовместим с теорией привязанности [18].

Более ста исследователей привязанности на основании длительных лонгитюдных исследований, охвативших тысячные выборки, пришли к выводу о том, что теория Дж. Боулби 1940-х годов об исключительном значении матери в формировании привязанности не подтверждается эмпирическими наблюдениями, и в 2014 году поставили свою подпись под докладом о консенсусе [20] в том, что чем больше значимых взрослых в окружении ребенка в его детстве, тем больше у него возможностей сформировать привязанность с подходящим членом семьи, а потому оптимальным судебным решением является совместная опека родителей после развода.

Психолог, работающий в интернате рука об руку с социальными работниками, оказывается перед проблемой выбора в конфликте лояльнос-

тей. Он может быть верным идеям коллег по цеху «насилие над ребенком не может служить средством формирования близких отношений», или идее юристов «гарантировать возможность иметь привязанность к нескольким взрослым в семье», или идее работодателя «ради пользы ребенка можно разлучить его с матерью насильно». По сути, это конфликт этических аттитудов по Гиппократу, «не навреди» насильем, «не навреди» передачей абсолютной родительской власти неподходящему взрослому или, по Бенгаму, идее «я решаю, что для тебя полезно». Это не этическая дилемма выбора из двух зол меньшего, а выбор, какой из идей быть лояльным.

Сверхупрощенное решение данного конфликта для психолога выглядит как лояльность идее «я обязан выполнять решение суда» и является самообманом, поскольку судья опирается на отчеты социальных работников и диагностическое заключение самого психолога, когда выносит решение.

Ошибочные решения в экспертной практике

Что бы вы сказали о клиническом психологе, который в 2010 году основывает свои выводы на теории *folie a deux*, «сумасшествия вдвоем», предложенной Jean-Pierre Falret (1794–1870) и Ernest-Charle Lasegue (1816–1883)? Чтобы оправдать свой выбор, психолог мог бы сослаться на сорок случаев, найденных им в профессиональной периодической печати за последние сорок лет. Это означает в среднем один случай в год, что вызывает недоумение в эпоху ЕВРР, доказательной практики в психологии [16] и рандомизированных контролируемых исследований на сотнях пациентов с контрольными группами в медицинской практике.

Сколь бы скудными ни оказались результаты поиска, во всех сорока историях описанное лечение «сумасшествия вдвоем» было комплексным: фармакология (нейролептики) и разделение индуктора бреда с реципиентом. Нет ни одной публикации о выздоровлении от делиузионального расстройства без фармакологического вмешательства вследствие насильственного разлучения пары. Однако, клинический психолог в рекомендациях суду предложила разлучить ребенка с родителем на долгие месяцы. Социальные работники, ссылаясь на психолога, диагностировавшего с помощью интервью и проективных тестов «бред» в паре родитель-ребенок, разделили наивную веру в то, что бред лечится переездом на другое место жительства. Судья на основании заключения психолога и отчета социальных работников санкционировала насильное изъятие ребенка из дома матери (дело № 17106-12-10 в мировом суде Ришон-ле-Циона, Израиль).

В Израиле психологи лицензируются Минздравом как парамедицинская специальность и застрахованы на случай исков о профессиональной халатности. В прецедентном случае, слушание которого длилось с 2005 по 2013 год (дело № 28147/05 в мировом суде Тель-Авива, Израиль), в результате халатного исполнения психологом служебных обязанностей, — в психодиагностической практике споров по опеке над детьми после развода обычно назначается проверка способности быть родителем, и ее обязательным элементом [19] является проведение теста ММРІ, что не было сделано в описываемых случаях, — отец ошибочно был признан неспособным быть родителем, его общение с детьми было регламентировано свиданиями длительностью один час в неделю под надзором социальных работников в спецучреждении, дети отказались приходить на свидания, и суд разрешил им не видеться с отцом. Отец был признан судом пострадавшим, а психологи виновными в причинении ему ущерба. Родитель предъявил иск на 3 млн шекелей и получил компенсацию [14] в сумме 1 млн 300 тыс. шекелей (380 тысяч долларов) по соглашению сторон от страховой компании. Эмоциональная связь отца с детьми так и не была восстановлена.

Халатность при исполнении служебных обязанностей не является ни этической дилеммой, ни конфликтом лояльностей. Это ошибка, которая может стоить психологу репутации, а для родителей может оказаться непоправимой утратой.

Практика свехупрощенных и ошибочных решений ставит перед профессиональным сообществом важные вопросы: возможна ли выработка этического решения без тренинга соответствующих умений, какое влияние оказывает личностная структура на индивидуальный выбор, в свете каких обстоятельств личные факторы становятся определяющими и взаимодействуют ли — и насколько успешно — эти факторы в ситуации конфликта лояльностей.

Мы подробно писали о личностной структуре, о влиянии устройства внутреннего мира на индивидуальный выбор в случае психологически здорового человека, психологически уязвимого человека и абьюзера [3], о необходимости тренинга умения рассуждать и принимать этические решения, а также о методике «Как следует поступать в данной ситуации?» [13], которая помогает формировать этическое мышление.

Обстоятельством, помогающим отразить конфликт лояльностей, является ретроспектива, историческая дистанция между человеком и событием. Обстоятельством, затрудняющим рефлексию конфликта лояльностей, является чувство «мы» и привязанность человека к тому, кто представляет одну из сторон в конфликте лояльностей.

Одни личные факторы, — такие, например, как прагматичная установка на получение материальной выгоды или сохранение благорасположе-

ния начальника, страх оказаться безработным, фантазии о мести властей за сделанный выбор, фантазии всемогущества и всезнания, — становятся определяющими, когда в конфликт лояльности попадает человек, чья способность адекватно оценивать реальность искажена (нарушения когнитивной сферы) и/или его внутренний мир отличается уязвимостью (дефицитами нравственной сферы).

Другие личные факторы, — такие, например, как сформированный навык самонаблюдения, хорошая способность рефлексии и саморефлексии, высокий внутриличностный интеллект, позволяющий категоризировать философские, этические, эстетические, художественные, идеологические, религиозные, психологические переживания и размышлять о них во внутреннем плане и в диалоге с другими людьми, — содействуют разрешению конфликта лояльностей человеком.

В заключение нам хотелось бы сказать о том, что современный человек погружен в плотный информационный поток, его коммуникативная активность разворачивается в реальном и виртуальном планах одновременно: непосредственно в живом общении и в социальных сетях, опосредованно в печатном слове, в фото- и видеофиксации событий жизни, и напомнить слова «хорошо устроенная голова лучше доверху наполненной». Решать проблемы выбора в конфликте лояльностей лучше хорошо устроенной головой.

Литература

1. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–68.

2. *Бермант-Полякова О.В.* Горькая правда о привязанности. Методы исследования привязанности у взрослых. Ч. 2 // Теория и практика психотерапии. 2015. № 4 (8). С. 18–22.

3. *Бермант-Полякова О.В.* О психодинамическом подходе к преподаванию биоэтики студентам медицинских университетов // Биоэтика. 2015. № 1 (15). С. 30–34.

4. *Бермант-Полякова О.В.* Психодиагностика и жизнь // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Вып. 2. ART 54461. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54461.htm>. Гос. рег. Эл No ФС 77-49965. — ISSN 2304-120X. (дата обращения: 27.07.2015).

5. *Боулби Джон.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.

6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

7. *Гудков Д.Б.* Субъекты и предикаты «русского мира» // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. редактор В.В. Красных, А.И. Изотов. М: МАКС Пресс, 2001. Вып. 18.

8. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М: Наука, 1994.
9. Новости: Скандал разразился в США во время бракоразводного процесса семьи из Мичигана // ТВ 1-й канал. Электрон. дан. 14 июля 2015, вторник, 09:13. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/287801>
10. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М: Гнозис, 2004.
11. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М: Смысл, 1997.
12. *Bermant-Polyakova O.V.* Psychological e-volunteering among Russian speakers // UNESCO Chair in Bioethics 10th World Conference on Bioethics, Medical Ethics and Health Law, Jerusalem, 2015, Book of Abstracts. P. 89.
13. *Bermant-Polyakova O.V.* Teaching for ethical reasoning: new tool from psychodynamic approach // UNESCO Chair in Bioethics 11th World Conference on Bioethics, Medical Ethics and Health Law, Naples, 2015, Book of Abstracts. (in press).
14. *Bermant-Polyakova O.V.* The modern tendencies in the world of psychology // Modern European Researches Journal, 2015, Issue 2. P. 19–25.
15. *Broeckaert B., Ahaddour C., Baeke G., Branden S. van den.* Belgian muslims and end of life ethics // UNESCO Chair in Bioethics 10th World Conference on Bioethics, Medical Ethics and Health Law, 2015, Book of Abstracts. P. 24.
16. Evidence-Based Practice in Psychology. APA Presidential Task Force on Evidence-Based Practice// American Psychologist, May-June 2006. Vol. 61, No. 4. P. 271–285.
17. *Laitner B.* Judge jails kids for refusing lunch with dad // Detroit Free Press, July 9, 2015. URL: <http://www.freep.com/story/news/local/michigan/oakland/2015/07/09/divorce-custody-refuse-parenting-time-juvenile-home-charles-manson/29905867/>
18. Report of the APSAC Task Force on Attachment Therapy, Reactive Attachment Disorder, and Attachment Problems // Child Maltreatment. Vol. 11. No. 1. February 2006. P. 76–89.
19. *Roma P., Ricci F. et al.* MMPI-2 in child custody litigation: a comparison between genders // European Journal of Psychological Assessment. 2014. Vol. 30. No 2. P. 110–116.
20. *Warshak R.A.* Social science and parenting plans for young children: a consensus report // Psychology, Public Policy and Law. 2014. Vol. 20. N 1. P. 46–67.

*Андрей Березанцев,
Лионелла Назарова, Игорь Андреев*

Врач или полицейский? Дилемма судебного психиатра

Анализ специфического гуманизма судебной психиатрии и проблемы выбора в системе взаимодействия врач-пациент выходит далеко за рамки и юриспруденции, и медицины. Судебный психиатр-эксперт руководствуется своими специальными познаниями в медицине и применяет их в привязке к конкретным правовым нормам, отвечая на вопросы судебно-следственных органов, способствуя, таким образом, осуществлению правосудия. Психиатр, осуществляющий принудительное лечение по решению суда, делает это без согласия пациента также в интересах общества, так как психическое расстройство пациента несет в себе признаки возможного повторного причинения существенного вреда для себя или окружающих. Пациент в данных ситуациях неизбежно теряет часть своей субъектности, поскольку не возникает терапевтического альянса между пациентом и врачом (точнее он не требуется в данных случаях, хотя и не исключается).

Бурный прогресс наступающей информационно-компьютерной цивилизации, помимо революции разнообразного потребления и недоступного прежде бытового комфорта, приносит человечеству немало бед и тревог, подтачивая психическое здоровье острыми системными стрессами. Рождаются и бурно плодятся неведомые ранее социальные и психологические противоречия, новые формы правонарушений и виды преступлений, выявить «внутри» которых уникальный в каждом конкретном случае психический механизм и адекватно классифицировать его патологический рисунок применительно к конкретной личности объективно становится все сложнее и сложнее. Реалии сегодняшнего дня предъявляют повышенные требования к каждому конкретному человеку (как к потенциальному пациенту, так и к специалисту), становясь реальным тестом на виртуальную социальную справедливость в рамках конкретного социума, а также на эффективность всей системы судопроизводства данного государства.

Практика врачебной деятельности призвана отражать не только интеллектуально-эмоциональный «воздух» эпохи, но обязательно конкретный этап развития научных знаний, специфику социальных реалий, поскольку отвечает на запросы общества и, если затрагиваются правовые аспекты, ту систему координат, юридический конструкт, в рамках которых существует данная научная дисциплина. Совершенствуется законодательство,

развивается медицинская наука, появляются новые методы диагностики и лечения заболеваний, немислимые еще сто лет назад. У врачей появился целый арсенал средств и методов лечения, способствующий преодолению терапевтического и психиатрического пессимизма в отношении, как казалось совсем недавно, неизлечимых заболеваний. Экспертная деятельность врача-психиатра осуществляется на самом стыке медицины, криминологии и юриспруденции, гуманизма, права и морали, психологии, социологии и философии. Потому судебный психиатр, невольно «раздваивается» между ампула юриста — защитника интересов и безопасности социума, о целостности которого так заботился один из семи мудрецов античной древности — легендарный законодатель Солон, и статусом дипломированного врача, искренне приверженного клятве Гиппократова. Иначе эксперту трудно четко отделить в мотивации и в структуре сценария противоправного поступка либо криминального преступления имеющее самое прямое отношение к назначению наказания психопатологическое от личностно-индивидуального статуса этого человека, не связанного непосредственно с болезнью и отступлением от норм права в ущерб другим членам общества. Особенности судебной психиатрии и, в частности, ее связь с правоохранительными учреждениями, требуют от врачей, проводящих судебно-психиатрическую экспертизу, таких специфических знаний, которые в общей психиатрии не нужны и, более того, могут мешать в данной ситуации. Это определяет потребность виртуального синтеза в сознании специалиста множества аспектов, относящихся к различным областям знаний. Впрочем, в аналогичной ситуации оказываются и лица, являющиеся объектом исследования судебных психиатров (ранее обозначавшиеся уже старомодным ныне словом «испытываемые»).

Новая эпоха предъявляет людям новые, подчас противоречивые требования в отношении того, какое поведение и какие поступки человека являются моральными и социально одобряемыми, а какие выходят за рамки общественных норм и этики, а далее — уже подлежат квалификации с позиций уголовного или гражданского законодательства. Здесь прослеживается всемирно историческая закономерность. В первобытном мире главным предметом сосредоточенного внимания индивида было урегулирование напряженных, опасных для жизни отношений с окружающей социум природной и агрессивной социальной средой. В эпоху господства денег, товарного производства и промышленной революции на авансцену психической деятельности отчетливо выступили остро конфликтные и конкурентные отношения индивидов между собой. А информационное общество несет в себе в качестве второго эпицентра психической напряженности выстраивание сложных и запутанных отношений индивида с самим собой. Это порождает у индивидуума состояние постоянного

дистресса, о пагубности которого писал еще великий Ганс Селье. В медицинской литературе стало общим местом все психосоматические проблемы списывать на всеобщий, как правило, безмянный и часто безликий стресс. Между тем, сам стресс в его традиционной (до Селье) интерпретации — это выработанная биологической эволюцией реакция на опасные для живого организма обстоятельства внешней среды, которые гормонально-гуморальная система адресует головному мозгу. А дистресс — это как бы «стресс стресса», вторичный нейropsychический стресс, напрягающий центральную нервную систему организма и моральный статус индивида, толкающий его на конкретные поступки.

Проблему выбора поведения в развитом обществе нужно решать, причем, почти непрерывно, самому индивиду. Иначе трудно удержаться на плаву в бурном море технологических, социальных и экономических инноваций. Современный гражданин, чтобы быть успешным и здоровым, должен непрерывно проигрывать в голове массу проблем выбора, часто в ситуациях дефицита достоверной информации о его предмете и реальных последствиях своего решения. Коварные рыночные качели, банковские таинства, психологические издержки демократии как необходимости выполнять не всегда приятные модели поведения, сформулированные другими людьми, усложнившиеся требования индивидов друг к другу в условиях расширения поля проявления индивидуальных предпочтений и, соответственно, психологических неудобств, вынуждают человека подсудно и осознанно следовать неписаным алгоритмам нового времени.

Новые технологии неизбежно порождают и новые патологии. Сейчас Молох информационной революции собирает свою горькую дань в виде безнадежно сорванной психики примерно миллиарда человек, которые заведомо не смогут приспособиться к ее суровым технологическим и поведенческим алгоритмам и обречены, по мнению экспертов, на неизбежную гибель — социальную и, в конечном счете, биологическую. Какую-то часть этих психологических инвалидов могла бы спасти современная психиатрия, от которой, однако, обыденное сознание нередко шарахается, как черт от ладана, а властные и финансовые структуры привычно отрециваются, как от дела заведомо затратного, хлопотного и к тому же мало перспективного, с точки зрения бюджета, бизнеса и политического имиджа. По статистике, от 70 до 90 процентов населения развитых стран находятся в состоянии стресса, а у трети населения — он носит интенсивный и затяжной характер, требующий помощи психиатра.

Вместе с тем, накопленные знания и опыт специалистов являются лишь предпосылкой для выстраивания эффективной системы оказания медицинской помощи, а в судебной психиатрии — для профилактики общественно опасных деяний, совершаемых психически больными или

психически неустойчивыми людьми. В условиях непрекращающихся реформ отечественного здравоохранения данные задачи многократно усложняются. Одна из основных задач судебной психиатрии — профилактика опасных деяний психически больных усложняется упорными тенденциями к «удешевлению» психиатрической помощи путем сокращения числа врачей-психиатров и психиатрических коек в стационарах и диспансерах. И это, притом, что у сокращающегося числа судебных психиатров становится все больше работы! Тенденция к «реформам ради реформ» в психиатрии, заключающаяся в пресловутой «оптимизации финансирования» и сокращении коечного фонда может обернуться для общества новыми потрясениями. В целом, ситуация с поспешным реформированием психиатрической службы заставляет вспомнить притчу о мужике у которого появились деньги, на которые он приобрел самолет. Тратить время на обучение пилотированию не хотелось, и он купил компакт-диск с инструкцией, сел в самолет, поставил диск и стал следовать указаниям. Взлет прошел успешно, однако получить удовольствие от пилотирования не удалось: полет закончился завершающими титрами и надписью: «технологии посадки смотрите в следующей части». Не окажется ли таким же грустный финал нынешнего этапа «совершенствования» отечественной психиатрии.

Поскольку законодательство регламентирует не только жизнь человека, преступившего закон, но и повседневные отношения людей (например, воспитание детей, владение имуществом), судебная психиатрия проникает в различные сферы социальной жизнедеятельности. Поэтому судебно-психиатрическая наука имеет множество тонкостей и нюансов (которые, собственно и составляют основу повседневной медицинской и юридической практики). Врачу-эксперту предстоит давать объективную диагностику степени адекватности психического состояния подозреваемого, подследственного, потерпевшего, свидетеля в уголовном (испытываемого по вопросу о недееспособности или истца, ответчика в гражданском) процессе в период подготовки и в момент совершения преступления, (или совершения сделки) включая также оценку адекватности его мышления и мотивации поведения во время проведения допросов, экспериментов и иных следственных действий. На первый план в таком случае выходит углубленная профессиональная диагностика криминальной или гражданско-правовой ситуации с максимально возможным проникновением в искаженный болезнью виртуальный мир человека, совершившего юридически значимое деяние. Именно диагностика и оценка состояния психики, а не разработка стратегии лечения и мониторинга состояния психического здоровья человека, направленного на экспертизу, создает не свойственную клинической психиатрии специфическую гносеологичес-

кую систему «субъект — объект», где врач выражает позицию государственной власти и отстаивает интересы гражданского общества, соблюдая при этом профессиональную этику и гуманизм клятвы Гиппократата.

Психиатрическая цивилистика приобретает все большее значение для судебной психиатрии. Помимо проблем недееспособности (правовые последствия которой приобретают все более размытый характер) экспертиза в гражданском процессе в последние годы «прирастает» вопросами компенсации морального вреда и определением действительности сделок. Необходимо отметить, что последнее «звено» (участие судебно-психиатрических экспертов в определении действительности сделок) в последние годы приобретает все более глобальный характер и, видимо является одним из знаков перехода нашего общества к эре рыночной экономики и тотального потребления. Следующим этапом, вероятно, будет всеобщая практика рассмотрения исковых заявлений о компенсации морального вреда с обязательным участием психиатра и психолога и установлением шкалы денежного эквивалента причиненным «страданиям». Если столь знаковое событие состоится, это ознаменует окончательный переход общества на платформу правового государства. Вместе с тем, в привычных каждому специалисту, (судебному психиатру, юристу) понятиях, составляющих рутину их повседневной деятельности, (например вменяемости и невменяемости при экспертизе в уголовном процессе), остается еще много пространства для их правового, психологического и философского анализа. Действительно, несмотря на законодательную кодифицированность и кажущуюся правовую сухость формулы невменяемости, анализ ее структурных составляющих, психологического и психиатрического контекста могут открывать неожиданные горизонты, имеющие теоретическое значение для психологии и философии права [1; 2].

Словом, судебная психиатрия — междисциплинарный и чрезвычайно сложный философско-социологический, медико-правовой и психофизиологический феномен. Почему, на самом деле, по самым резонансным уголовным и гражданским делам проводятся неоднократные судебно-психиатрические экспертизы, дающие порой прямо противоположные заключения? Вспомните многократные судебно-психиатрические обследования бывшего полковника Б., бойца без правил М. или многочисленные международные скандалы с унижением, избиением, а то и гибелью усыновленных за рубежом российских детей. Вероятно, причина здесь таких процессуальных катаклизмов, ставящих под удар авторитет и компетентность российского правосудия, не только в закономерной борьбе мнений и житейски понятном противостоянии заинтересованных сторон, но и в недостаточной разработанности целого ряда ключевых аспектов общей теории

судебно-психиатрической экспертизы, а также в дефиците качественно подготовленных современных кадров.

Однако, помимо субъективных причин, имеют место и факторы объективные, связанные, прежде всего, с размытостью многих понятий, обусловленных, в свою очередь, неизбежной раздвоенностью и относительной автономностью обоих основных ипостасей самой судебной психиатрии. Казалось бы, что это за медицина, если основной функцией врача-психиатра в процессе проведения экспертизы является не исцеление индивида, а лишь профессионально аргументированная констатация его психического статуса? Что это за право, если в центре внимания эксперта оказывается не замысел и сценарий исполнения преступного действия, не его доказательная база, не установление степени вины участника противоправного деяния, а всего лишь его сугубо индивидуальная мотивация, а также ее анамнез и генезис? Ведь сущность классического права — регулирование адекватного поведения человека в социальной и природной среде. Задача клинической медицины — обеспечение максимально оптимального функционирования организма. А здесь, строго говоря, ни того, ни другого. Термин «судебная психиатрия» охватывает действия врачей-психиатров по оказанию помощи правовой системе при исполнении последней своих функций в области обеспечения психической безопасности не только самого больного (охрана от суицида или самоповреждений), но и всего общества. Это такие теоретически «размытые» и практически нередко запутанные вопросы как разного рода патологии личности, юридически и социально значимые понятия дееспособности, недееспособности, ограниченной дееспособности, пограничные психические и эмоциональные состояния, защита прав детей и другие проблемы, для решения которых правовая система в необходимых случаях назначает проведение судебно-психиатрической экспертизы.

Психиатрия как междисциплинарная область знания и сфера деятельности, не говоря пока о сложившемся в российском обществе негативном отношении к ней, занимает особое положение в науке. Видимо, имеет право на существование в рамках философского и медицинского исследования рассмотрение ее как своего рода философии здоровья [3]. Надо отдать должное бывшему директору Института имени В.П. Сербского академику РАМН Г.В. Морозову, который вел философский семинар для руководителей отделений и докторов наук. На его заседаниях обсуждались фундаментальные вопросы соотношения эндогенного и экзогенного в анамнезе психической патологии, биологического и социального в детерминантах социального поведения и т.п. Семинары проходили в духе научного, творческого общения и были хорошей теоретической школой,

хотя, конечно, отступлений от «единственно верной» методологии диалектического материализма не допускалось.

Будучи особой отраслью медицины, психиатрия (не только судебная!), вместе с тем, неизбежно вторгается в сознание и личное пространство человека, создавая ему в поле гражданских прав и ответственности определенные законом ограничения. Она относит потенциальных и реальных участников следственных действий и судебных процессов к различным социально-медицинским и юридическим категориям, выделяя вменяемых и невменяемых, дееспособных и недееспособных индивидов, санкционируя при необходимости принудительное содержание пациентов в стационаре, а также их недобровольное психиатрическое обследование и лечение. Отношения психиатра и обследуемого в процессе судебно-психиатрической экспертизы не тождественны классическим отношениям врача и пациента, а во многом как бы «обратны» им. Тем не менее, эксперт-психиатр обязан разъяснить испытуемому цель экспертизы, условия ее проведения, значение и возможные последствия, а также те обязанности, которые закон возлагает на психиатра-эксперта и которые важны для правильного понимания отношений между экспертом и испытуемым. За подэкспертным сохраняются права, предусмотренные «Законом о психиатрической помощи». Поскольку до решения суда подэкспертный сохраняет презумпцию вменяемости и его права защищены этим Законом, он может отказаться от клинко-психопатологического обследования (дачи анамнестических данных, описания своего психического состояния и своих переживаний), и от лабораторных, инструментальных и клинко-психологических исследований. Полный отказ от контакта с врачом породит неизбежные трудности в квалификации его психического состояния. Тогда заключение эксперта будет основываться на имеющихся в его распоряжении данных, либо может быть документально зафиксирована невозможность дачи экспертного заключения в амбулаторных условиях и рекомендовано проведение стационарной экспертизы. Но и длительное исследование может не обеспечить необходимой полноты данных из-за искаженной системы горизонтальных взаимоотношений «врач — больной» в сторону вертикальной зависимости «субъект (врач) — объект (подэкспертный индивид)».

Можно выделить две основные области, в которой непосредственно взаимодействуют психиатрия и право. Первая включает в себя правовые вопросы, касающиеся осуществления недобровольного лечения, права на лечение и права на отказ от него. Вместе с тем, недобровольное оказание психиатрической помощи также осуществляется по решению суда, а ее обоснованность может быть предметом проведения судебно-психиатрической экспертизы. В рамках недобровольной госпитализации имеются

два самостоятельных аспекта — недобровольная изоляция и недобровольное лечение. Цель защиты общества от потенциально опасных действий лица с тяжелым психическим расстройством достигается его изоляцией в медицинском учреждении. Имеют ли в этом случае право психиатры его лечить без согласия самого пациента? Безусловно, этот вопрос еще требует дальнейшего анализа и обсуждения. Термин «судебная психиатрия» обычно имеет более узкое толкование, характеризуя действия психиатров по оказанию помощи правовой системе по исполнению ею своих функций. Это такие вопросы как вменяемость, дееспособность, защита прав детей и другие, для решения которых правовая система обращается за помощью к психиатрии и назначается проведение судебно-психиатрической экспертизы. Многие психиатры не признают такого разделения и относят к судебной психиатрии все аспекты, где психиатрия соприкасается с законом. Действительно, недобровольное оказание психиатрической помощи также осуществляется по решению суда, а ее обоснованность также может быть предметом проведения судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, при осуществлении недобровольного лечения и принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния и признанных судом невменяемыми, возникают сходные этические проблемы.

Судебно-психиатрическая экспертиза является центральным разделом судебной психиатрии и судебно-психиатрическое освидетельствование нередко является переходным пунктом для дальнейшей судьбы подэкспертного. Например, признание пациента невменяемым существенным образом меняет его жизненную траекторию. В связи с этим уместен вопрос — насколько обоснованными являются критерии вменяемости-невменяемости? Знания, накопленные современной психиатрией, позволяют ей успешно решать сложные диагностические задачи. Однако никакое богатство знаний не может помочь ответить на вопрос: насколько тяжелым должно быть психическое расстройство, чтобы страдающий им больной лишился возможности нести уголовную ответственность.

Судебный психиатр является прежде всего врачом, выполняющим свой профессиональный долг. В то же время он встроен в законодательный механизм, определяющий характер и последовательность его работы, накладывающий на него обязанности и ограничения. С одной стороны, долг врача — нести благо пациенту, с другой стороны — судебный психиатр выполняет заказ государства, проводя судебно-психиатрическую экспертизу и осуществляя при необходимости принудительное лечение. Эксперт призван аргументированно лавировать между Сциллой закона и Харибдой милосердия, стараясь честно выполнять свой профессиональный долг и не нести психологических потерь от возникающего морального

диссонанса. При этом законы в наше удивительное время могут совершенно неожиданно меняться, создавая непредвиденные ситуации, заставляющие экспертов искать новые клинические критерии оценки психических расстройств, применительно к изменившимся законодательным нормам. Особые отношения устанавливаются между врачом-экспертом и обследуемым в процессе проведения психиатрической экспертизы. С точки зрения биоэтики эксперт также «вырезает» определенное подпространство, которое анализирует в аспекте решения поставленных перед ним вопросов. Здесь приходится считаться с тем, что в определенном числе случаев обследуемый оказывается незаинтересованным в выявлении истинной картины его психического состояния и стремится, в зависимости от конкретной ситуации, либо скрыть имеющуюся патологию, либо, напротив, усилить или симулировать психические расстройства. Несовпадение желаемого результата с реальным создает атмосферу скрытой или явной конфронтации с экспертом. Возникает и множество других этических проблем, о которых пишет ветеран отечественной судебной психиатрии, профессор Ф.В. Кондратьев [4]. Например, эксперт не должен проецировать свое отношение к личности подэкспертного и совершенно им деянию на результаты экспертного исследования, при этом его задачей является предупреждение возможных психогенных реакций и декомпенсаций у подэкспертного.

Этические правила в судебной психиатрии составляют отдельный раздел психиатрической этики, поскольку отношения эксперта и обследуемого не тождественны отношениям врача и пациента. Цели, задачи и условия экспертной деятельности существенно отличаются от лечебной и на первый план выступают беспристрастность, объективность, служение истине и справедливости. Понятие «терапевтическое сотрудничество» здесь вряд ли применимо в общем виде, хотя подобные отношения полностью не исключаются [5]. Длительный период теоретической разработки и осмысления данных моральных и деонтологических проблем завершился созданием свода этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы, в которых (а также в комментариях к ним) содержится исчерпывающее изложение этических аспектов данного вида деятельности [6; 7]. В то же время в своде постоянно подчеркивается, что объективная позиция эксперта и стоящие перед ним исследовательские задачи отнюдь не исключают исполнения экспертом своего врачебного долга и психотерапевтического подхода к испытуемому, направленного на профилактику развития ситуационно обусловленных стрессовых состояний.

Вместе с тем, общее право всех испытуемых при проведении БМИ — знать, чему он подвергается, здесь сохраняется. Поэтому эксперт должен

объяснить испытуемому цель экспертизы, условия ее проведения, значение и возможные последствия, а также те обязанности, которые закон возлагает на психиатра-эксперта и которые важны для правильного понимания отношений между экспертом и испытуемым. В то же время за подэкспертным сохраняются права, предусмотренные «Законом о психиатрической помощи». Он имеет право отказаться от обследований и психиатрических вмешательств. В этих случаях заключение экспертов будет основываться на имеющихся в их распоряжении данных, либо может быть дано заключение, например, о невозможности дачи экспертного заключения в амбулаторных условиях и рекомендовано проведение стационарной экспертизы. Но и более длительное исследование может не обеспечить необходимой полноты данных из-за искаженной системы взаимоотношений «врач — больной». Поскольку до решения суда подэкспертный сохраняет презумпцию вменяемости и его права защищены «Законом о психиатрической помощи», он может отказаться от клинично-психопатологического обследования (дачи анамнестических данных, описания своего психического состояния и своих переживаний, а также от лабораторных, инструментальных и клинично-психологических исследований). Может быть полный отказ от контакта с врачом, что породит неизбежные трудности в квалификации его психического состояния.

В пункте 8 кодекса профессиональной этики психиатра [8] говорится о конфиденциальности — психиатр не вправе разглашать без разрешения пациента сведения о нем, составляющие врачебную тайну. Сведения, полученные при проведении судебно-психиатрической экспертизы не только остаются внутри экспертного учреждения, но и презентуются вовне. Заключение эксперта поступает в распоряжение судебно-следственных органов и с ним знакомятся следователи, прокуроры, судьи, законные представители, адвокаты, присяжные. Круг этих лиц достаточно широк, и поэтому велика возможность утечки информации во внепроцессуальное социальное пространство с публикацией заключения эксперта, содержащего конфиденциальную медицинскую информацию, например в сети Интернет. Таким образом, когда психиатры представляют интересы государственных структур и организаций, их роль еще более раздваивается. В этом смысле судебная психиатрия представляет собой дважды разделенную область деятельности.

Следующий аспект, подлежащий этическому и гуманитарно-антропологическому анализу — это оценка общественной опасности пациента в случае признания его невменяемым, поскольку от этого будет зависеть выбор меры медицинского характера (сходная проблема прогнозирования опасности, возникает и при необходимости недобровольной госпитализации, хотя и в другом правовом контексте и исключительно в прогности-

ческом плане, поскольку пациент еще не совершил никакого опасного деяния). Невменяемый пациент может быть помещен в психиатрический стационар с интенсивным наблюдением, а может и не подвергаться принудительному лечению. Причем рекомендация той или иной принудительной меры медицинского характера формулируется экспертом, а суды, как правило, лишь подтверждают ее. В связи с этим возникает вопрос — какова вероятность и какова цена ошибки эксперта в прогнозировании общественной опасности лица с тяжелым психическим расстройством? Например, в США прогнозирование поведения на длительную перспективу, которое необходимо при решении вопроса о целесообразности продления срока недобровольного содержания пациента в клинике, оказалось настолько неточным, что Американская психиатрическая ассоциация пришла к официальному выводу, что психиатры не в состоянии выполнить это требование.

Практика принудительного лечения в особо острой форме обнажает главную проблему в этике психиатрии: наличие противоречий между принципами автономии пациента и патернализма. В этом отношении психические болезни уникальны. И если в общей психиатрии главенствует правило информированного согласия (за исключением оговоренных законом случаев), то при осуществлении принудительных мер медицинского характера, (то есть по решению суда в рамках уголовного процесса) мнение пациента не имеет никакого правового значения. Этот факт является парадоксальным с биоэтической точки зрения и существенно осложняет основную задачу принудительного лечения — реабилитацию пациента, то есть достижения такого улучшения его психического состояния, которое исключило бы (или существенно снизило) вероятность совершения им нового общественно опасного деяния и способствовало бы его социальной реадaptации.

На принудительном лечении оказываются преимущественно пациенты, у которых болезнь приобрела хронический характер, то есть восстановление жизнедеятельности до нормального уровня оказывается либо вообще невозможным, либо растягивается на продолжительный период времени, при этом цели и задачи врачевания качественно усложняются. В реабилитационном процессе пациент начинает играть равную по значимости, но иную по содержанию роль по сравнению с ролью врача. Пациент лучше врача знает о собственных жизненных приоритетах и предпочтениях, профессиональной ориентации и привычках. Парадокс принудительного психиатрического лечения заключается в том, что этот терапевтический альянс должен заключаться без согласия пациента. Причем пациент оказывается «вырезанным» из привычной социальной среды и помещен в закрытое психиатрическое учреждение.

Поскольку даже у лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, может сохраняться способность к творению мира, своего рода двойная ориентировка, как в болезненной реальности, так и в окружающем мире, это, по-видимому, основное, что оставляет надежду на успешность медико-социальных реабилитационных программ.

Выше рассматривались эτικο-гуманитарные аспекты недобровольности при оказании психиатрической помощи, а также судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения. Вместе с тем, по нашему мнению, психиатрия в сотрудничестве с правовой системой может гораздо эффективнее содействовать безопасности общества, усилив профилактическую составляющую своей деятельности. Широкое распространение получила концепция А. Керидо [9] о первичной, вторичной и третичной профилактике, основанная на стремлении обеспечить единый динамический подход к решению вопросов профилактики, лечения, восстановления трудоспособности и прав больного в обществе. Первичная профилактика, по А. Керидо, заключается в предотвращении заболеваний или сокращении их случаев; вторичная — в активном лечебном воздействии на патологический процесс; третичная — предусматривает необходимость восстановления личных и социальных взаимоотношений больного, нарушенных вследствие заболевания. Цель третичной профилактики (собственно реабилитации) — восстановить индивидуальную и общественную ценность больного, смягчить последствия заболевания или вызываемой им инвалидности.

Эксперты ВОЗ предложили различать медицинскую, профессиональную и социальную реабилитацию. С позиций судебной психиатрии недобровольная госпитализация как мера, направленная не только на профилактику общественно опасных действий, но и на лечение и социальную реадaptацию пациента, вбирает в себя элементы не только первичной, но и вторичной и третичной профилактики. Принудительное лечение лица, совершившего общественно опасное деяние и признанного невменяемым, соответствует вторичной и частично третичной профилактике. Вместе с тем, недобровольное освидетельствование и лечение жестко регламентированы действующим законодательством и предпринимаются, как правило, при наличии очевидной физической агрессии (аутоагрессии), создающей непосредственную угрозу для жизни и здоровья самого пациента или окружающих (по этому поводу уместно вспомнить циничную шутку, приложимую и для данного круга ситуаций — «когда вас убьют — приходите»). Целесообразно расширение круга ситуаций, когда психиатр совместно с правоохранителями (но со своей профессиональной точки зрения) должен оценить психическое состояние лица и обусловленную пси-

хическим расстройством общественную опасность, что, вероятно, влечет необходимость внесения поправок в действующее законодательство.

Литература

1. *Березанцев А.Ю., Батуева Н.Г.* Агрессия, психопатология и социально-психологические механизмы регуляции поведения (теоретический аспект) // Росс. психiatr. журн. 2007. № 6. С. 22–28.

2. *Березанцев А.Ю.* Судебная психиатрия. М.: Юрайт, 2013.

3. *Андреев И.Л.* Психиатрия как философия медицины // Философские науки. 2012. № 2.

4. *Кондратьев Ф.В.* Деонтология в судебно-психиатрической практике: Методические рекомендации. М., 1987.

5. *Этика практической психиатрии* / Под ред. В.А.Тихоненко. М., 1996.

6. Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы. Принят на Пленуме правления Российского общества психиатров 03.10.2002 г. // *Руководство по судебной психиатрии* / Под ред. А.А.Ткаченко. М.: Юрайт, 2012. С. 953-959.

7. *Тихоненко В.А., Шишков С.Н.* Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы с комментарием. Руководство для врачей. М., 2000.

8. Кодекс профессиональной этики психиатра. Принят на Пленуме правления Российского общества психиатров 19.04.1994г. // *Этика практической психиатрии* / Под ред. В.А.Тихоненко. М., 1996. С. 229–237.

9. *Керидо А.* Профилактические аспекты охраны психического здоровья // Семинар по практике общественного здравоохранения и профилактике психических заболеваний. Копенгаген: Изд. ВОЗ, 1966. С. 7–24.

Этнокультуральные аспекты криминальной агрессии у лиц с психическими расстройствами в Республике Бурятия

Проблема агрессивного поведения, в том числе криминальной агрессии является междисциплинарной и находится на стыке биологии, психиатрии и психологии. Причем психологический аспект агрессивного поведения представляется наиболее многогранным, поскольку имеет целый ряд векторов — индивидуально-личностных, социально-психологических, социокультуральных [1]. Агрессивность — это свойство личности, особенность характера, которая выражается в готовности к агрессивному восприятию и соответствующей интерпретации поведения другого лица или лиц в рамках межличностных отношений. Особую проблему представляют агрессивные проявления у лиц с психическими расстройствами, поскольку в систему личность-ситуация вмешивается психопатологический фактор, который искажает систему личностной регуляции и может быть причиной совершения правонарушения. Разумеется, наиболее значима роль психопатологического фактора в совершении агрессивных действий у лиц с тяжелыми психическими расстройствами, однако и менее тяжелые психические нарушения (не исключающие вменяемости, если речь идет о криминальной агрессии) так или иначе, отражаются в агрессивном поведении, хотя при этом сохраняется значительная роль личностных, индивидуально-психологических механизмов регуляции. В последнее время научные исследования все чаще обращаются к проблемам транскультуральной (кросскультуральной, этнокультуральной) психиатрии и психологии, с целью уточнения роли этно- и социокультуральных факторов в регуляции психической деятельности и сохранении психического здоровья человека [2]. В связи с этим, особую актуальность приобретает выявление и изучение социально-психологических и этнокультуральных факторов, способных оказывать влияние на развитие тех или иных негативных явлений, в частности, на формирование агрессивных форм поведения, в том числе на проявления криминальной агрессии. Роль этнокультуральных факторов в формировании криминальной агрессии в настоящее время исследована недостаточно. В то же время они в значительной степени определяют морально-этическое отношение к возможности совершения агрессивных действий, потенциальную готовность к криминальной агрессии, понятие о её нормативности или ненор-

мативности, принятые в данной культуре формы реагирования на стресс [3; 4]. Другими словами, осмысление проблем ценности жизни и здоровья себя и других людей, тяжести преступления и степени наказания и другие экзистенциальные вопросы решаются людьми в зависимости от их этнокультуральных особенностей, социально-экономических характеристик, религиозного и идеологического мировоззрения, которые являются важными факторами в формировании противоправного поведения. Как уже указывалось, агрессию лиц с психическими расстройствами определяют не только психопатологические факторы, и в каждом случае необходим анализ тонких взаимосвязей личности и деятельности, составляющих функциональное, социально-психологическое и биосоциальное единство. Проблема криминальной агрессии, как психически здоровых, так и лиц с психическими расстройствами, остаётся одной из важнейших для общей и судебной психологии и психиатрии, прежде всего в плане задач профилактики. Для обоснования мер предупреждения агрессивного поведения необходимы как анализ психопатологических, психологических, мотивационных сторон поведения субъекта, так и оценка роли макро- и микросоциальных факторов, влияющих на его противоправные действия.

С целью изучения клинических особенностей психических расстройств у лиц, совершивших агрессивные противоправные действия в Республике Бурятия (РБ), а также разработки дифференцированных подходов к их профилактике с учетом клинических факторов и этнокультуральных механизмов регуляции поведения были обследованы 66 подэкспертных, совершивших агрессивные правонарушения и проходившие амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ) на базе Республиканского психоневрологического диспансера г. Улан-Удэ. Условиями включения в выборку было наличие у подэкспертных психических расстройств и их постоянное проживание в РБ. Для более полной оценки клинико-психопатологических и этнокультуральных факторов была обследована контрольная группа из 40 человек, совершивших агрессивные противоправные деяния и признанных СПЭ психически здоровыми. Были изучены основные социодемографические данные об подэкспертном: пол, возраст, национальность, образование, профессиональный статус, семейное положение. Анамнестические сведения включали в себя информацию о наследственности, перенесенных экзогенных вредностях, случаях противоправного поведения. Подробно собирались сведения о родительской семье подэкспертного, в частности, о характере взаимоотношений в ней и характере полученного воспитания. Отдельно был выделен блок вопросов, направленных на оценку этнокультуральных факторов. Собирались криминологические сведения о характере правонарушения

и его кратности. Использовались также психологические опросники, направленные на диагностику личностной агрессивности, оценивалась мотивация криминальной агрессии. Блок клинической информации включал в себя диагноз, установленный при проведении СПЭ (по МКБ-10), данные о ведущем психопатологическом синдроме на момент совершения правонарушения. Программа обработки материала включала систематику полученных данных путем их разделения: на первом этапе исследования на лиц с психическими расстройствами и психически здоровых (без учета этнической принадлежности); на втором на две этнические группы — русские и буряты. Каждая из выделенных групп на обоих этапах исследования также подразделялась на подгруппы лиц с тяжелыми психическими расстройствами и с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. В качестве группы сравнения использовались лица, признанные СПЭ психически здоровыми.

В данной работе клинический анализ выявил различные нозологические группы психических расстройств в изученном контингенте подэкспертных. Среди лиц, с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости преобладали лица с органическими психическими расстройствами, расстройствами личности, умственной отсталостью. Среди лиц с тяжелыми психическими расстройствами преобладали лица с шизофренией, органическими психическими расстройствами, умственной отсталостью. Исходя из синдромальной структуры расстройств, в группе подэкспертных с психическими нарушениями не исключающими вменяемости наиболее часто отмечались психопатические и психопатоподобные синдромы (28,8%), симптомокомплексы характерные для органических психических расстройств (в широком диапазоне — от легких церебрастенических проявлений до умеренно выраженных психоорганических нарушений — 26,0%), невротические и неврозоподобные синдромы в рамках резидуально-органических состояний и последствий злоупотребления психоактивными веществами. Сравнительное изучение лиц с психическими расстройствами и психически здоровых вне зависимости от этнического фактора, выявило, что у лиц с психическими нарушениями был достоверно ниже уровень образования, хуже показатели социальной адаптации — трудовой занятости, семейно-брачных отношений, чаще отмечалось социальное сиротство в детстве, либо они воспитывались в атмосфере безразличия и формализма, они были больше подвержены асоциальному влиянию и окружению. Лица с психическими расстройствами чаще совершали правонарушения в группе.

Среди лиц, совершивших агрессивные противоправные действия в бурятской субпопуляции достоверно чаще встречались больные шизофренией по сравнению со славянской субпопуляцией. Исходя из син-

дромальной характеристики выявленных психопатологических нарушений в бурятской субпопуляции достоверно чаще отмечались бредовые и психоорганические синдромы, тогда как в славянской психопатические и психопатоподобные. В бурятской субпопуляции отмечался более тяжелый регистр психопатологических расстройств при одинаковой структуре правонарушений и идентичном уровне личностной агрессивности (как у здоровых, так и у лиц с психическими расстройствами) в обеих выделенных подгруппах, что позволяет говорить о ведущей роли клинических и этнокультуральных (этнопсихологических) факторов в формировании агрессивных форм противоправного поведения в изученном контингенте лиц. Сравнительное изучение этнических субпопуляций, среди подэкспертных, совершивших агрессивные правонарушения в аспекте их социальной адаптации (кратность ООД, образовательный уровень, семейная адаптация) позволило констатировать их худшие показатели в славянской субпопуляции, что свидетельствует (с учетом регистра психопатологических расстройств в этих группах) о существенной роли традиционного жизненного уклада, этнопсихологических и этнокультуральных механизмов в профилактике ООД. Анализ этнокультуральных и этнопсихологических особенностей в изученных этнических группах позволил констатировать значимые различия воспитательных стилей в родительских семьях, лиц, совершивших агрессивные правонарушения. Так, в бурятской субпопуляции в большей степени сохранился традиционный стиль воспитания, основанный на системе ограничений и послушании старшим, что сказывалось на формировании мировоззрения и следованию социальным нормам. Выявлена значительно большая приверженность в изученной бурятской субпопуляции традиционным верованиям и обрядам (что соответствует общепопуляционным исследованиям), что также может служить фактором первичной профилактики ООД.

Представленность двух основных механизмов этнокультуральной личностной регуляции — механизма, связанного с внешними макросоциальными факторами и опосредованного через когнитивное звено регуляции (способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий), и механизма, связанного с микросоциальными факторами, опосредованного через аффективно-волевое звено регуляции (способность руководить своими действиями), оказалась различной в двух этнических субпопуляциях. В славянской субпопуляции преобладал этнокультуральный механизм, связанный преимущественно с когнитивным звеном регуляции, в бурятской субпопуляции — преимущественно с аффективно-волевым звеном регуляции. Этнокультуральные механизмы регуляции носят адаптивный характер и имеют существенное значение для

профилактики агрессивных противоправных действий. Так, социальная декомпенсация в виде совершения агрессивных противоправных действий в славянской субпопуляции происходила при ослаблении (нарушении) вследствие психического расстройства преимущественно эмоционально-волевого звена регуляции — способности руководить своими действиями (при психопатических и психопатоподобных синдромах). Социальная декомпенсация в виде совершения агрессивных противоправных действий в бурятской субпопуляции происходила при ослаблении (нарушении) вследствие психического расстройства преимущественно когнитивного звена регуляции — способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (при психоорганических и бредовых синдромах). К примеру, больная Ш., 1973 г.р., бурятка, безработная. Проходила амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в республиканском психоневрологическом диспансере. Обвинялась по ст. 105 ч. 1 УК РФ. Наследственность психопатологически отягощена, старший брат и родственники по линии отца страдали шизофренией. Родилась в многодетной рабочей семье. Ранее развитие без особенностей. В школу была определена в срок, училась хорошо. По характеру была сострадательной, доброй, отзывчивой. После окончания 10 классов поступила в медицинское училище, окончила его с отличием, получила специальность медицинской сестры. Пробовала поступить в медицинский институт, но не прошла по конкурсу. В течение года училась на бухгалтерских курсах, однако учебу оставила из-за материальных трудностей. В 20 лет поступила в сельскохозяйственный институт на экономический факультет, после 5 курса учебу оставила. Вышла замуж, от брака имеет 2 детей. После рождения первой дочери отмечала сильные головные боли, головокружения, за медицинской помощью не обращалась. Лечилась у народного целителя, который «поправил голову», после чего состояние улучшилось. Со стороны мужа характеризовалась спокойной, заботливой матерью. Состояние изменилось в 2003 году после рождения второй дочери, часто жаловалась на сильные головные боли, стала нервной, неуравновешенной, отказывалась ставить дочери профилактические прививки, объясняя это, что они ослабляют здоровье ребенка, могла среди ночи разбудить детей и пойти с ними гулять на улицу. Данное поведение муж и родственники объясняли ее усталостью. В течение последнего года перестала ухаживать за детьми, отказывалась готовить пищу, убирать дома, часто не спала по ночам, стала агрессивной по отношению к детям, мужу, родственникам, стала «странной». Заявляла сестре, что ее дети лучше и краше, убеждала родственников, что на их род наложено проклятие и ее миссия — спасти их. В течение года мать водила подэкспертную в дацаны к ламам, которые говорили, что «душа ее улетела», читали молебны, со-

вершали обряды. После процедур отмечались кратковременные некоторые улучшения состояния. В ноябре 2005 года впервые была осмотрена врачом психиатром в психоневрологическом диспансере. Установлен диагноз: Параноидная шизофрения. Назначено соответствующее лечение, предложена госпитализация в ПБ. Однако подэкспертная от госпитализации отказалась, лечение не принимала. Из материалов уголовного дела известно, что подэкспертная Ш., нанесла множество ударов ножом в спину малолетней племяннице (6 лет), от которых последняя скончалась. При проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы выявлено следующее. В соматическом и неврологическом состоянии без особенностей. Психическое состояние: держится настороженно, подозрительна. Эмоционально монотонна, лицо маскообразное. Контактует формально. В беседе малопродуктивна, речь маломодулирована, с элементами паралогичности и соскальзываний. Анамнестические сведения излагает односложно. При выяснении причин обращения к психиатру, ламам замолкает, своих переживаний полностью не раскрывает, после наводящих вопросов отвечает «что-то было». Удастся выяснить, что в последние годы беспокоит «скольжение мыслей», при этом озирается по сторонам, считает себя «полностью здоровой», желает поступить в медицинскую академию. Привлечением к уголовной ответственности не тяготится, противоправности своего поведения не осмысливает. Заявляет, что все было как в фильме, как будто наблюдала со стороны, «племянница мыла посуду, а я резала мясо, и вдруг возникло чувство, что это не племянница, а кто-то другой плохой человек», затем тут же говорит, что не совершала этого деяния. Сообщает, что она возможно со своим отцом в Германии, так как она заметила, что когда его хоронили, в гробу был не он, а другой человек. Заявляет, что мать со старшей сестрой виноваты в смерти отца, что «они убили его, дав поесть жирное мясо». Мышление аморфное, амбивалентное, малопродуктивное, паралогичное с соскальзываниями. Критика к своему состоянию, ситуации нарушена. На основании изложенного комиссией был установлен диагноз: «Параноидная шизофрения». В отношении содеянного была признана невменяемой. Рекомендовалось лечение в психиатрическом стационаре общего типа. При этнокультуральном исследовании выявлено, что воспитывалась она в моноэтнической семье с авторитарным типом воспитания (с беспрекословным послушанием старших). В отношении самоидентификации с религией предпочтение отдавала буддизму с соблюдением основных религиозных отпращиваний; к старшим отмечала уважительное, но не подчиненное отношение; взаимоотношения ее в семье носили конфликтный характер с отдельными членами семьи (мать и старшая сестра), одной из главных приоритетных ценностей считала образование и профессию.

В данном клиническом случае при наличии неблагоприятной наследственности, специфического преморбида личности, после физического, психоэмоционального стресса (каковыми явились роды) произошло формирование комплекса бредовых идей — отношения, преследования и как следствие — мести конкретному виновнику всех бед и страданий. Правонарушение произошло на фоне нарастания бредовой активности, механизмом совершения ООД явилась бредовая месть. Данный пример наглядно иллюстрирует нашу основную рабочую концепцию механизмов регуляции правового поведения, спаянного с этнокультуральными факторами. Пациентка росла в монокультурной среде с соблюдением традиционных воспитательных практик и усвоением этнических поведенческих стереотипов, тесно спаянных с аффективно-волевым звеном регуляции поведения. Тяжелый регистр психопатологии (бредовой синдром), соответственно в большей степени влияющий на когнитивную составляющую и ведущую к ослаблению интеллектуального звена регуляции (способности осознать фактический характер и общественную опасность своих действий) как наименее защищенного индивидуальным культуральным механизмом регуляции, привел к социальной декомпенсации в виде агрессивного противоправного деяния.

В другом случае, больная К., 1979 г.р., русская, безработная. Проходила амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в республиканском психоневрологическом диспансере 18.03.2012 г. Обвинялась по ст. 105 ч. 2, ст. 161 ч. 2, ст. 119 УК РФ. Наследственность психопатологически отягощена, родители злоупотребляли алкогольными напитками, лишены родительских прав. Сведениями о беременности, родах ее у матери, раннем развитии комиссия не располагает. До 6 лет подэкспертная воспитывалась в детском доме, затем была удочерена приемными родителями. Своевременно начала обучаться в общеобразовательной школе, успевала плохо, интереса к учебе не имела, была склонна к нарушению дисциплины, на уроках была невнимательна, громко разговаривала, занималась посторонними делами, пропускала уроки. Была упряма, обижала сверстников и младших по возрасту. В 8 лет по рекомендации медико-педагогической комиссии впервые была осмотрена психиатром, установлен диагноз: «Задержка психического развития». После проведенного амбулаторного лечения (указать затрудняется) отмечалась некоторая положительная динамика. В 5 классе стала вновь пропускать занятия, свободное время проводила среди подростков с асоциальным поведением, бродяжничала, воровала, хулиганила, рано начала курить, употреблять алкоголь и наркотические средства (курила анашу). Могла несколько дней не появляться дома, ночевала в подвалах и на чердаках. Неоднократно доставлялась домой в сопровождении сотрудников милиции. Состояла на учете в дет-

ской комнате милиции. На меры воспитательного характера не реагировала. Неоднократно осматривалась психиатром, устанавливался диагноз: «Психопатия (конституциональная). Патохарактерологическое развитие по неустойчивому типу». После проведенного лечения поведение ее существенно не изменилось, в поведении была раздражительна, возбудима, конфликтна, драчлива, повышено отвлекаема, не подчинялась педагогам, после 7 класса учебу оставила. С 18.03.1994 г. по 23.05.1994 г. находилась на стационарном лечении в детском отделении республиканского психоневрологического диспансера. В отделении быстро адаптировалась, заняла одно из лидирующих мест, вела себя агрессивно по отношению к другим детям. Устанавливался диагноз: «Патохарактерологическое формирование личности по неустойчивому типу. Синдром бродяжничества». После выписки ее состояние не улучшилось, поведение оставалось прежним, нигде не училась, не работала, все время проводила в компании асоциальных подростков. У психиатров более не наблюдалась. В период времени с 1995 г. по 1999 г. дважды привлекалась к уголовной ответственности по ст. 144 ч. 2 УК РСФСР, ст. 30 ч. 3, ст. 161 ч. 2 УК РФ. После освобождения из мест лишения свободы, с 2003 года с приемными родителями и родственниками не общалась, проживала в заброшенном дачном доме с сожителем. Злоупотребляла алкогольными напитками. Из материалов уголовного дела известно, что во время совместного распития алкогольных напитков больная К., нанесла множество ударов руками и табуреткой знакомому С., похитила имеющиеся ценные вещи и деньги. С целью сокрытия следов преступления, угрожая сожителю убийством, подожгла дачный дом с потерпевшим.

При проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы выявлено следующее. В соматическом и неврологическом состоянии без особенностей. В психическом состоянии: сознание не помрачено. Ориентирована всесторонне правильно. В беседе держится свободно, демонстративно, аффективно неустойчива, легко раздражается. Контакт доступен. На вопросы отвечает по существу. Цель экспертизы объясняет правильно. Жалоб на состояние здоровья не высказывает. Анамнестические сведения излагает в хронологической последовательности. Помещение в прошлом на лечение в психиатрический стационар объясняет особенностями своего характера, «я взрывная». Злоупотребление алкоголем и употребление наркотиков отрицает, сообщает, что «увлекалась выпивкой и наркотой в молодости». Однако тут же оговаривается, что и в настоящее время «не прочь побаловаться этим». При выяснении обстоятельств случившегося сообщает, что в тот день с сожителем пришли к престарелым знакомым, проживающим на соседней даче. После совместного распития спиртных напитков между ней и знакомым С. воз-

никла ссора, спровоцированная самим потерпевшим, как считает она. О случившемся не сожалеет. Мышление, память не нарушены. Суждения облегченные, поверхностные. Интеллектуальный уровень соответствует полученному образованию и жизненному опыту. Психотических расстройств (бреда, галлюцинаций и проч.) не выявлено. Критические способности не нарушены. Экспертной комиссией был установлен диагноз эмоционально-неустойчивого расстройства личности по импульсивному типу на органически неполноценной почве. В период совершения инкриминируемого ей деяния она могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По отношению к содеянному рекомендовано считать ее вменяемой.

При этнокультуральном исследовании выявлено, что воспитывалась приемными родителями с патологическим типом воспитания — гиперопека, отсутствие ориентации на традиционные духовные и религиозные ценности, отношение к старшим — уважительное, но не подчиненное; отношения в семье зачастую носили конфликтный характер; в качестве приоритетных ценностей выступали — семья, брак и материальные ценности. В рассматриваемом случае прослеживается влияние наследственной психопатологической отягощенности, ряда микросоциальных факторов (проживание в дошкольном возрасте в детском доме, патологический тип воспитания) и преморбидных личностных особенностей на формирование психического заболевания. Данный клинический пример также наглядно демонстрирует преобладающий культуральный механизм регуляции правового поведения, опосредованный преимущественно через когнитивное звено регуляции и связанный преимущественно с внешними социальными регламентациями. Совершение противоправных действий, которое можно рассматривать как социальную декомпенсацию, произошло при ослаблении, вследствие формирования поведенческих расстройств аффективно-волевого звена регуляции (способности руководить своими действиями) как менее защищенного индивидуальным культуральным механизмом регуляции.

В работе использовалась, разработанная нами рабочая модель влияния социально-психологических (включая этнокультуральные) факторов на регуляцию правового поведения, в том числе на проявления криминальной агрессии [4]. Существующие два уровня регуляции, которые выполняют сдерживающие функции в плане проявлений агрессии — поведенческие нормы и стереотипы («культурные ритуалы»), складываются внутри определенных социальных общностей и групп, носят преимущественно неосознаваемый характер и нормативные стандарты, не связанные с общинной идентификацией и требуют, даже в критической жизненной ситуации «объективизации самосознания». В ходе исследования были выявле-

ны достоверные различия в характере жизненного уклада, воспитательных семейных практик, системы взаимоотношений и жизненных ценностей в двух этнических группах. Так, у бурят регуляция поведения в значительной степени связана с внутриобщинными, традиционными нормами и стереотипами и, следовательно, больше опосредуется через волевое звено регуляции (способности руководить своими действиями), а социальная декомпенсация в виде совершения агрессивного противоправного деяния происходит при ослаблении (нарушении) преимущественно интеллектуального звена регуляции (способности осознавать фактический характер своих действий), как менее «защищенного» ведущим этнокультуральным механизмом регуляции (при психоорганических и бредовых расстройствах). В славянской субпопуляции отмечается ведущий механизм регуляции, более характерный для современного индустриального общества и в большей степени связанный с внешними (правовыми, общими для всех) нормами и ограничениями, больше опосредованный через интеллектуальное звено регуляции, а социальная декомпенсация в виде совершения агрессивного противоправного деяния происходит при ослаблении (нарушении) преимущественно волевого звена регуляции, как менее «защищенного» ведущим этнокультуральным механизмом (при психопатоподобных расстройствах).

Выявленные различия в клинической и этнокультуральной структуре изученных контингентов подэкспертных позволяют обозначить направления первичной и вторичной профилактики агрессивных противоправных действий лиц с психическими расстройствами с учетом этнокультуральных факторов. Так, в бурятской субпопуляции первостепенное значение имеет своевременное обращение за психиатрической помощью и терапевтическое вмешательство. В славянской субпопуляции профилактический характер будет носить поведенческая терапия, реконструктивно-личностная коррекция с акцентом на формирование традиционных ценностей, работа с семьями пациентов.

Литература

1. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 1999.
2. *Дмитриева Т.Б., Положий Б.С.* Этнокультуральная психиатрия. М., 2003.
3. *Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В.* Агрессия и психическое здоровье. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2002.
4. *Березанцев А.Ю., Батуева Н.Г.* Агрессия, психопатология и социально-психологические механизмы регуляции поведения (теоретический аспект) // Росс. психiatr. журн. 2007. № 6. С. 22–28.

ЧАСТЬ V

**Философия и методология:
пространство принятия решений**

«Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: философские и методологические предпосылки*

Нерациональность россиян при принятии решений давно уже стала притчей во языцех. Замечу, что эта характеристика применима ко всем видам и областям жизнедеятельности. Если говорить о политике, то хорошо известно, что наши соотечественники привыкли выбирать «душой» и «сердцем». Если россиянину говорят «принимай решение», то он считает, что должен именно выбрать, например, из предложенного списка. Ему даже в голову не придет мысль о том, что в самой постановке вопроса содержится скрытое манипулирование, поскольку он был отстранен от начальных этапов формирования и выработки решения. «Пусть кто-то другой проделает работу по подготовке вариантов, а я решу какой из них выбрать, и если окажется, что выбирать приходится из плохого и очень плохого, то я не виноват, поскольку других вариантов не было». Отличие от западной стратегии в этом вопросе четко видно уже на языковом уровне. Например, в английском языке подобная фраза звучит как «сделай решение» («make decision»). Это показывает, что даже знание структуры процесса принятия решений, в которой присутствуют такие элементы как формулировка проблемы, постановка цели, поиск альтернатив, выбор критерия, оценка альтернатив, способно помочь человеку в ситуации выбора. Полагаю, что рациональность в принятии решений можно и нужно воспитывать и культивировать. Важную роль в формировании культуры принятия решений призвана сыграть философия.

Прежде всего, хочу заметить, что наша жизнь просто «соткана» из решений. Действительно, всякий сознательный человек преследует определенные цели и принимает соответствующие решения, связанные с их достижением. Любую человеческую деятельность без особых интеллектуальных усилий легко представить как цепочку принятия решений. Ежедневно возникают ситуации, требующие принятия решений, и если одни из них просты и привычны, то другие требуют серьезных размышлений, третьи встречаются впервые, а от четвертых может зависеть дальнейшая судьба. Образно говоря, решения — это важнейший продукт че-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 13-03-00326).

ловеческой деятельности. Более того, полагаю, что можно даже дать определение человека, как существа, принимающего решения, поскольку для принятия решений необходимы интеллектуальные, волевые, эмоциональные, духовные, нравственные качества, а ими обладает только человек. Решение — процесс и результат выбора цели и способа ее достижения. Решение является связующим звеном между познанием и тем или иным вариантом поведения, действия человека. Принятие решений является мыслительным процессом, предполагающим предварительное осознание цели и способа действий, проработку различных вариантов. Важнейшей особенностью этого процесса является его волевой характер. В принятии решения интегрируются знания, интересы, мировоззрение человека. Оно служит основой самоидентификации человека, так как любой социальный тип, любой характер раскрывается только через сознательное действие. Проблемы принятия решений сегодня являются одним из важнейших направлений междисциплинарных исследований, их фундаментальный характер обусловлен той ролью, которую принятие решений играет в целенаправленной человеческой деятельности. Процессы принятия решений изучаются математикой, психологией, экономикой, управлением, социологией и другими конкретными науками. Междисциплинарная проблема, пока она не вошла в парадигму существующей, или не привела к возникновению новой дисциплины, находится на «ничейной земле» (термин Б. Рассела), и поэтому возможно и необходимо использовать философские методы и приемы для ее анализа. Решение таких проблем, как правило, требует привлечения результатов целого ряда конкретных наук. Философия в этом случае может выполнять интегрирующую функцию: с одной стороны, объединяя подходы различных дисциплин, а с другой — формируя общий концептуальный базис, позволяющий переносить методы и модели из одной научной дисциплины в другую. Кроме того, она призвана формировать понятия и категории, которые могут обеспечить выход за рамки узко дисциплинарных способов понимания и осмысления изучаемых явлений.

Интерес философии к проблемам выбора и принятия решений появился и проявился еще в античности. Очень коротко коснусь взглядов Аристотеля на процессы принятия решений, которые, на мой взгляд, представляют определенный интерес. Прежде всего, у него речь идет не просто о принятии решения, но о принятии доброго решения, поскольку человек может принимать и злые решения. Поэтому не случайно Аристотель дважды оценивает решение на правильность «...если цель достигнута, принятое решение было правильным; если достижение цели принесло благо, то решение было добрым, и правильность его была правильностью доброго решения; если же достижение цели принесло зло, то решение

было правильным в первом смысле, но неправильным во втором смысле» [5, с. 82]. Как отмечает Е.В. Орлов, Аристотель допускает и другие варианты. Например, правильность цели может быть достигнута (получается, что решение правильное); достижение цели может принести благо (получается правильность доброго решения), но достижение цели может оказаться случайным. По мнению Е.В. Орлова, у Аристотеля в принятии решений важную роль играет расчетливость, но она нравственно нейтральна. А вот, рассудительность у Аристотеля уже несет аксиологическую нагрузку. «Рассудительный человек принимает не просто решения, а добрые решения» [там же].

За многовековую историю философии неоднократно менялись «основные вопросы», и сегодня важно понимать, какие проблемы актуальны для ее развития в XXI веке. В 2011 году журнал «Вопросы философии» опубликовал статью Я. Хинтикки, посвященную состоянию философских исследований в современном мире [7]. В этой, как мне представляется, во многом программной работе, Я. Хинтикка ставит вопрос о том, «что может стать “пакетом стимулов” для философии» [там же, с. 3], какие проблемы в «теоретической философии», на его взгляд, сегодня и в ближайшее время, наиболее актуальны и востребованы. Автор выделил специальный раздел, посвященный проблемам рациональности в принятии решений. В частности, говоря о значении и оценке результатов, полученных А. Тверски и Д. Канеманом, он пишет, что «здесь философское исследование сталкивается с задачей важной и интеллектуально, и идеологически» [там же, с. 14]. Дело в том, что работы А. Тверски и Д. Канемана являются «вызовом» для понимания и объяснения рационального поведения человека. В своих решениях и действиях человек должен исходить из определенных рациональных предпосылок. Как справедливо отмечает В.А. Лекторский: «...действие предполагает рациональный выбор целей и подбор наиболее эффективных средств их осуществления, а получение истинных результатов в познании невозможно без использования рациональных методов» [3, с. 26]. Одним из результатов многолетних исследований, проведенных А. Тверски и Д. Канеманом, а также их последователями, является то, что показано, как объективная ограниченность когнитивных возможностей человека, прежде всего оперативной памяти, скорости восприятия и переработки информации и т.п., влияет, а зачастую определяет поведение человека. Эти факторы являются основой многих наблюдаемых ошибок, противоречий, нелогичностей в процессах принятия решений. В книге [8] собраны основные работы А. Тверски и Д. Канемана, а также их последователей, посвященные теории проспектов и проблемам выбора в условиях риска и неопределенности. Кроме того, А. Тверски и Д. Канеман на основании многочисленных экспериментов

и наблюдений выделили три поведенческих эффекта, которые нельзя объяснить только ограниченными когнитивными возможностями человека. Первый из них — эффект определенности, заключающийся в тенденции придавать больший вес детерминированным исходам. Второй эффект — отражения, связан с тем, что если люди не склонны к риску при выигрыше, то идут на него при проигрышах. Третий эффект — изоляции, заключающийся в том, что люди стремятся упростить свой выбор за счет исключения общих компонентов вариантов решений. Чтобы учесть эти эффекты в моделях принятия решений, А. Тверски и Д. Канеман предложили теорию проспектов (Prospect Theory), которая произвела если не революцию, то переворот в методологических основаниях теорий и моделей рационального поведения, поскольку в ней объединены эмпирические знания о реальном поведении людей и нормативные модели рационального поведения. В 2002 году Д. Канеман был удостоен нобелевской премии «за интеграцию результатов психологических исследований в экономическую науку, прежде всего в области суждений и принятия решений в условиях неопределенности» (А. Тверски умер в 1996 году, а нобелевская премия не присуждается посмертно). Один из методологических выводов, который можно сделать на основании исследований А. Тверски и Д. Канемана, заключается в том, что иррациональность человека необходимо учитывать при анализе решений. Подчеркну при этом, что любой человек хочет принимать не просто решения, а непременно «правильные», «оптимальные», и, конечно же, «рациональные».

Важнейшей характеристикой, которая делает процесс принятия отнюдь не простым, является неопределенность. Замечу, что именно это обстоятельство характеризует большинство проблем, связанных с человеческой деятельностью, будь то экономика, политика, управление, наука. Риск и неопределенность являются спутниками человеческой жизни от рождения до смерти. Понимание этого обстоятельства является одной из философских предпосылок исследования процессов принятия решений. Каждый день людям приходится принимать рискованные решения, поскольку стохастический характер природных и общественных явлений не дает возможности однозначно предсказать развитие событий. Будущее всегда открыто и неопределенно. Отношение человека к миру пронизано неопределенностью в той же мере, как и определенностью, принципиально важно единство этих моментов. Именно этот фактор потребовал проведения научных исследований процессов принятия решений. В условиях неопределенности и риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Таким образом, речь

идет о моделях принятия решений, которые являются определенными образцами рационального поведения.

В истории философии и науки было немало исследований проблемы неопределенности, но в основном они были посвящены выяснению вопроса о том, является ли неопределенность субъективной или объективной характеристикой бытия. Следуя первому подходу, неопределенность — это состояние ума принимающего решение субъекта, или уровень его знаний о конкретной ситуации. Хотя уровень знаний о конкретной ситуации и зависит от нее, тем не менее, неопределенность является атрибутом не ситуации, а знания субъекта о ней. Согласно второму подходу неопределенность носит независимый, объективный характер по отношению к человеку. Первую классификацию видов неопределенности предложил еще Аристотель, связывая ее с тем или иным аспектом в понимании случайного и возможного. Он считал, что неопределенные ситуации, связанные с понятием случайности, не могут быть предметом доказательного знания.

Сегодня термин «неопределенность» широко используется в различных отраслях знания, прежде всего в экономике, управлении, психологии, социологии, политологии, его используют в математике, технике и еще в целом ряде дисциплин. Категорию «неопределенность» часто считают синонимом термина «риск» и используют их как эквивалентные. В основе такой ошибочной точки зрения лежит большой массив работ по социально-экономической проблематике, авторы которых не слишком утруждали себя точным определением этих понятий. Дефиниции неопределенности пока отсутствуют в философских словарях, но если обратиться к экономическим, экономико-математическим, психологическим и другим словарям и энциклопедиям, то анализ этих источников показывает, что все они дают примерно одинаковые дефиниции неопределенности как недостаточности сведений, полностью или частичное отсутствие информации, неведение и т.п. Одним словом, неопределенность характеризуется как отсутствие достаточной информации, определенность же, как понятие противоположное неопределенности характеризуется наличием точной информации. Все эти определения предполагают наличие субъекта, который является носителем информации. Общий недостаток подобных дефиниций заключается в том, что все они обладают методологической ограниченностью, поскольку не учитывают наличия объективной неопределенности, о которой пойдет речь далее. В начале двадцать первого века эти определения по своей сути следуют концепции Лапласовского детерминизма.

Одним из достижений науки XX века явилось доказательство того, что существует объективная неопределенность и случайность, не зависящая

от субъекта. Таким образом, неопределенность и случайность не всегда являются следствием нашего незнания. Первоисточником объективной неопределенности, заключенной в основах материи, является мир элементарных частиц. Принцип неопределенности В. Гейзенберга является фундаментальным положением квантовой механики, согласно которому для любой частицы наблюдатель не может одновременно измерить координаты и импульс; то же относится и к другим парам, так называемых канонически сопряженных величин (энергия и время, момент количества движения и угол). Не используя математических выражений можно сказать, что если бы какому-то наблюдателю удалось абсолютно точно установить координаты квантовой частицы, то ее импульс он не смог бы установить; точно также, если ему удалось бы точно зафиксировать импульс частицы, то он не знал бы, где она находится. Отмечу, что принцип неопределенности связывает не только пространственные координаты и импульс — на этом примере он просто проявляется нагляднее всего, — в равной мере неопределенность связывает и другие пары канонически сопряженных характеристик микрочастиц. Главным в соотношении Гейзенберга является взаимодействие между частицей-объектом измерения и инструментом измерения, влияющим на его результаты. При этом принцип неопределенности действует объективно и не зависит от присутствия разумного наблюдателя, который проводит измерения.

Доказательство существования объективной случайности также относится к началу прошлого века, и в этом вопросе хотелось бы сослаться на авторитетное мнение М. Смолуховского, который вместе с А. Эйнштейном является создателем теории броуновского движения. В своей статье «О понятии случайности и происхождении законов вероятностей в физике» он приводит наглядный пример, демонстрирующий наличие объективной случайности в природе. «Для того чтобы сделать еще более ясными законы физической случайности и понятие объективной совершенно независимой от человеческого познания вероятности, рассмотрим в заключение еще одно явление, которое может считаться наиболее совершенным типом того, что мы назвали “случайным” а именно, радиоактивный распад атома. Как известно с течением времени атомы радия претерпевают превращение, выбрасывая каждый α -частицу и превращаясь в атомы эманации; при этом в атомах радия не наблюдается ни малейшей прогрессивной эволюции по образцу старения организма. Когда произвольный атом, за которым мы наблюдаем, испытывает превращение, — дело абсолютной случайности. На превращение мы не можем повлиять никакими средствами и не можем его заранее предсказать» [6, с. 346].

Объективная неопределенность существует, и это требуется осознавать при принятии решений, но наряду с ней существуют и другие типы

неопределенностей, которые также необходимо учитывать. Неопределенность — характеристика ситуации выбора, возникающего перед человеком при принятии решений. Выбор имеет, прежде всего, объективное основание, в основе которого лежат характеристики проблемной ситуации. При этом нельзя сказать, что решение является «объективным выбором», то есть результатом реализации некоторой объективной возможности из множества альтернатив, безотносительно к человеку. Выбор осуществляет конкретный человек, обладающий определенными знаниями, имеющий свои предпочтения, цели и т.д. Представляется достаточно очевидным, что анализ неопределенности в принятии решений должен быть связан с субъектом. От него нельзя абстрагироваться хотя бы потому, что решение любой проблемы требует формулировки цели и способа действия. Поэтому ситуация неопределенности может быть описана как проблемная в отношении цели, альтернатив, средств, условий, критериев, либо их различных комбинаций.

В задачах принятия решений можно выделить следующие основные типы неопределенностей [1]:

- объективная неопределенность («неопределенность природы»);
- неопределенность, вызванная отсутствием достаточной релевантной информации (гносеологическая неопределенность);
- стратегическая неопределенность, вызванная зависимостью от действий других лиц (партнеров, противников, организаций и т. п.);
- неопределенность, порожденная слабоструктурированными проблемами;
- неопределенность, вызванная нечеткостью, расплывчатостью как процессов и явлений, так и информацией, их описывающей.

Говоря о роли информации в принятии решений, сразу отмечу, что проблемные ситуации, связанные с неопределенностью, возникают не только при дефиците информации, но и при ее избыточности. Недостаток информации мешает понять взаимосвязь между элементами проблемной ситуации, получить о ней целостное и адекватное представление. Избыток же информации в силу множественностей связей между различными элементами проблемной ситуации также усложняет процесс ориентации в этих условиях, что с необходимостью требует выделения наиболее значимых элементов, определения их удельного веса. Таким образом, и в том и в другом случае требуется специальная работа по устранению неопределенности информации, поскольку для принятия решений требуется релевантная информация.

Отдельным пунктом выделена стратегическая неопределенность, поскольку она не может быть сведена только к отсутствию или дефициту информации о возможных действиях противников или партнеров. Кроме

того, она носит объективный характер по отношению к человеку, принимающему решения. Поведение людей определяется их ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками и другими факторами, о некоторых из которых мы в принципе можем ничего не знать.

Отсутствие информации об условиях или об объекте принятия решения, является не единственной неопределенностью, обусловленной субъективными причинами. Наряду с этим можно назвать «неопределенность желаний» или целей, а также критериев выбора решения. Действительно, во многих ситуациях сложность принимаемых решений определяется как большим количеством альтернативных вариантов решения, так и разнообразием критериев оценки этих вариантов. В слабоструктурированных проблемах принятия решений, где качественные, плохо определенные факторы имеют тенденцию доминировать, критерии оценки альтернатив носят как правило субъективный характер в том смысле, что сам набор критериев может быть определен только на основании предпочтений человека, а оценки по критериям основываются главным образом на мнениях экспертов. Такой класс проблем выделил Г. Саймон [9], и назвал их слабоструктурированным (ill-structured). К этому классу относят проблемы, которые обладают одной или несколькими из следующих характеристик: задачи не могут быть заданы в численной форме; цели не могут быть выражены в терминах точно определенной целевой функции; не существует алгоритмического решения задачи; алгоритмическое решение существует, но его нельзя использовать из-за ограниченности ресурсов (время, память). Слабоструктурированные проблемы обладают следующими особенностями: ошибочностью, неоднозначностью, неполнотой и противоречивостью исходных данных; ошибочностью, неоднозначностью, неполнотой и противоречивостью информации о проблемной области и о решаемой задаче; большой размерностью пространства решений, то есть перебор при поиске решения весьма велик; динамично изменяющимися данными и знаниями. Отмечу, что информация о структуре проблемы является важнейшим фактором для принятия решений. Для структурирования проблемной ситуации могут применяться различные методы, в зависимости от того, какой применяется концептуальный аппарат, какие применяются методологические основания для структурирования.

Итак, нерациональный человек, живущий и действующий в условиях неопределенности и риска, тем не менее, хочет принять «правильное» решение. Добавлю также, что зачастую эта нерациональность связана не только с ограниченными когнитивными возможностями человека, но также и с тем, что поведение человека определяется его ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками, привычками, тради-

циями, стереотипами. Поэтому выбор определяется не столько ясностью мысли, сколько именно этими факторами. Как же помочь человеку в этой ситуации?

Полагаю, не вызывает сомнения тезис о том, что разработка конкретных решений в различных областях имеет свою безусловную специфику и требует специальных знаний. Но несмотря на все различия профессионального характера деятельность или, более точно, процедура принятия решений имеет одни и те же основы, которые можно построить в соответствии с общим методологическим алгоритмом, повышающим ее эффективность. Концепция процедурной рациональности не нова. Она давно утвердилась как в науке, так и в сфере производства. Суть ее в том, что качество продукта определяется качеством всего процесса его производства, а решения являются важнейшим продуктом человеческой деятельности. Процедурная рациональность предполагает использование различных моделей в процессах принятия решений. Любой человек при принятии решений явно или неявно применяет какие-то модели, поскольку постоянно может держать в поле зрения лишь немногие и сильно агрегированные взаимосвязи окружающей его реальности. Модели упорядочивают связи между отдельными этапами подготовки решения, способствуют повышению системности и комплексности анализа. Модели «учат» учитывать как формализованные, так и не формализованные условия проблемной ситуации.

Рациональный подход к принятию решений наиболее последовательно реализован при построении математических моделей. Так, в сороковые годы прошлого века Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном была создана теория полезности, но и сегодня она и ее различные модификации служат основой для построения моделей принятия решений в самых разнообразных областях человеческой деятельности [4]. Она носит нормативный характер и использует математику, чтобы показать наиболее эффективный путь достижения поставленной цели. Теория Неймана–Моргенштерна представляет собой аксиоматическую систему. Она состоит из совокупности аксиом, касающихся предпочтений лица, принимающего рациональные решения, и утверждений, которые выводятся из этих аксиом. Замечу, что в основе большинства дисциплин, занимающихся количественными методами для обоснования решений, лежит предположение о рациональности человека, осуществляющего выбор. Такой подход предполагает наличие определенных постулатов рациональности. Следуя этим постулатам и требованиям логики, ведется поиск наилучшего решения. Теория принятия решений не могла опираться на рациональность в обыденном значении этого слова. Заслуга Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна в том, что они впервые сформули-

ровали аксиомы, характеризующие предпочтения человека, действующего рационально. Не менее важно и то, что теория полезности позволяет определить оптимальную стратегию выбора альтернативы в условиях риска. Выбор этой стратегии основан на максимизации ожидаемой полезности, причем вероятности исходов могут пониматься как объективно, так и субъективно. Со времени создания теории полезности прошло уже более семидесяти лет. За эти годы она неоднократно подвергалась заслуженной критике. Тем не менее о большом теоретическом потенциале теории полезности, на мой взгляд, говорит тот факт, что большую известность, чем создатели теории полезности получили их критики — Г. Саймон, М. Алле, Д. Канеман, которые были удостоены нобелевских премий в области экономики.

Процедурная рациональность, предполагает в частности специальную подготовку человека, которому предстоит принимать решения. Как отмечает Я. Хинтиikka, «...обучение “рассуждению и критическому мышлению” — одна из педагогических функций философии. Действительно, курсы с таким названием были основным предметом в американских университетах в нескольких последних десятилетиях. К сожалению, философские исследования недостаточно руководствовались потребностями этой важной образовательной миссии философии» [7, с. 14]. Полагаю, что не вызывает сомнения необходимость использования нормативных моделей принятия решений в процессе обучения, цель которого должна состоять в том, чтобы создать рациональную основу для принятия благоразумных решений в условиях риска и неопределенности.

Полагаю, что в основе рационального подхода к анализу проблемы выбора в условиях риска должно лежать концептуальное представление о том, что риск всегда связан с субъектом и решениями, которые принимает этот субъект. Замечу, что при таком подходе принятие решений в условиях риска — это не столкновение человека с независимыми от него обстоятельствами, а сознательный и рациональный выбор. Без принятия решения не возникает и рискованная ситуация и, следовательно, не будет и риска. Решающим является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя рационально принимать то, или иное решение пока риск не измерен. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. При этом, в теории проспектов, вместо оценки вероятностей, как объективных, так и субъективных, может использоваться функция от вероятностей, которая не удовлетворяет аксиомам теории вероятностей. Точно так же могут использоваться различные функции от возможных результатов: полезность, ценность и т.п. Риск — интегральный показатель, сочетающий в себе оценки как вероятностей

реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Интеграцию этих оценок осуществляет субъект, причем не обязательно используя какой-то универсальный алгоритм или модель. Всякий субъект обладает собственной системой предпочтений, поэтому не существует универсального функционала, интегрирующего оценки вероятностей и последствий [2]. Легко представить ситуацию, когда два человека принимают одинаковые решения, но риск, связанный с их реализацией, оценивают совершенно по-разному. В итоге субъект выбирает ту альтернативу, которая наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей.

Можно ли использовать теорию принятия решений для усовершенствования процессов личных и управленческих решений? Является ли она инструментом, обеспечивающим, например, оптимизацию административных решений? Ответ на эти вопросы не прост. Прежде всего, теория принятия решений не может дать однозначных и простых предписаний, подобных тем, которые предлагаются, к примеру, в книге о вкусной и здоровой пище. Людей, и прежде всего тех, чья профессиональная деятельность связана с принятием решений, которые надеются отыскать в ней такого рода рецепты по принятию решений, постигнет разочарование. Тем не менее умелое использование результатов теоретических исследований может в значительной степени облегчить подготовку и принятие реальных решений. Представляется достаточно очевидным, что различные теории и модели принятия решений далеко не всеисильны, их надо рассматривать скорее как некоторый «рецепт» оптимального поведения. Тем не менее они могут служить определенным методологическим основанием для человека, стоящего перед трудной проблемой выбора. Специальная подготовка, при прочих равных условиях, может позволить сделать деятельность человека более рациональной и эффективной. Современный мир становится все более сложным и неопределенным, что конечно же требует дальнейших исследований процессов принятия решений в этих условиях.

Литература

1. Диев В.С. Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений // Вестник НГУ. Серия: Философия / Новосиб. Гос. ун-т. Новосибирск, 2010. Т. 8. Вып. 1. С. 3–8.
2. Диев В.С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 4–11.
3. Лекторский В.А. Рациональность как ценность культуры // Вопр. философии. 2012. № 5. С. 26–34.

4. фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.

5. Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.

6. Смолуховский М. О понятии случайности и о происхождении законов вероятностей в физике // Успехи физических наук, 7 (5), 329 (1927). С. 329–349.

7. Хинтиikka Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопр. философии. 2011. № 7. С. 3–17.

8. Choices, Values, and Frames / Ed. by D. Kahneman and A. Tversky. Cambridge University Press, 2002. 9.

9. Simon H. The structure of ill-structured problems // Artificial Intelligence. 1973. Vol. 4. P. 181–201.

Субъект выбора: от классики к постнеклассике

Исходной посылкой нашего исследования является постановка субъекта в центр внимания проблемы выбора. Для достижения этой цели проведен философско-методологический анализ проблемы выбора с позиций трех типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). В каждом из типов рациональности проблема выбора имеет свою специфику и должна рассматриваться с адекватных этим рациональностям философских и методологических оснований (парадигмы, подходы, обеспечивающие области знания, доминирующие этические представления и др.).

Философско-методологические основания трех типов научной рациональности в контексте нашего исследования представлены в таблице 1. Они базируются на исходных идеях В.С. Степина [1] и развиты в нашей авторской интерпретации [2; 3; 4; 5].

Табл. 1

Базовые философско-методологические основания

Философия науки	Методологический уровень анализа			Доминирующие этики
	Тип научной рациональности	Базовые парадигмы	Базовые объекты и виды активности субъектов	
Классическая	«субъект — объект»	сложные системы; деятельностьная активность	деятельностный; монодисциплинарный	этика «целей»; этика утилитарных ценностей; эгоистическая этика
Неклассическая	«субъект — субъект»	активные системы; коммуникативная активность	субъектно-деятельностный; междисциплинарный	этика «цели — средства»; коммуникативная этика
Постнеклассическая	«субъект — метасубъект»	саморазвивающиеся среды; рефлексивная активность	субъектно-ориентированный; трансдисциплинарный	этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред

Проблема выбора в классической научной рациональности

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Базовой парадигмой научных и прикладных исследований в контексте классической научной рациональности выступает парадигма «субъект — объект». В центре внимания оказываются субъект-объектные отношения. Доминирующим подходом выступает *деятельностный подход*, поскольку именно в деятельности человека предполагается определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности. Важно отметить, что основанием деятельности является сознательно формулируемая *цель*, однако основания самой цели лежат *вне деятельности*, в сфере человеческих мотивов, идеалов и ценностей, которые выступают в качестве ее рамок.

Принципиально важно отметить, что свобода субъекта существенно ограничена в рамках заданных *целей* и норм регулирующих деятельность. «Субъект» понимается как носитель деятельности. Доминирующей формой активности субъекта выступает деятельностьная активность. Утилитарный аспект является определяющим в проблеме выбора. Проблема выбора исследуется либо на моделях, которые пытаются сделать универсальными, не зависящими от субъекта принятия решений (Д. Бернулли, Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, Г. Саймон, М. Алле, Д. Канеман и др.), либо на моделях, в которых объединены эмпирические знания о реальном поведении людей и нормативные модели рационального поведения (А. Тверски и Д. Канеман и др.) [6]. Можно утверждать, что в классической научной рациональности доминирует *проблема выбора утилитарного субъекта*.

Такой подход к проблеме выбора определяется и доминирующими этическими представлениями. В контексте этического рассмотрения специфики классической научной рациональности можно высказать соображение, что этические регуляторы находятся вне рамок деятельности и на них не фокусируется внимание субъектов деятельности. Базовыми ориентирами этических механизмов выступают *цели*, а доминирующую этику можно представить как *«этику целей»*. Одним из крайних представлений этики, в которой доминирует целевая направленность, является этика: *«Цель оправдывает средства»*, в которой вне рассмотрения оказывается проблема выбора и оценки средств в целесообразной деятельности. По логике практического действия успешная и эффективная деятельность является существенным фактором трансформации

ценностного сознания: достигнутая цель утверждает обновленные критерии оценки.

Этика целей задает определенные рамки для проблемы выбора. Этика целей была доминирующей во многих сферах человеческой деятельности во второй половине XX века. Это проявилось в экономических моделях, в которых представление об интересах человека строилось на аксиоматических моделях утилитарных ценностей, в моделях военных операций широко использовались игровые подходы — «игры с нулевой суммой» (противоположные интересы сторон) и др.

Обобщенная оценка проблемы выбора в классической научной рациональности может быть сформулирована как *проблема выбора утилитарного субъекта*.

Проблема выбора в неклассической научной рациональности

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером *средств* и операций деятельности. В центре внимания одновременно оказываются во взаимной связи объект исследования и средства исследования [1].

Наибольший вклад в развитие методологических основ неклассической науки внесла, на наш взгляд, отечественная школа методологов, в центр внимания которой была поставлена проблема — «*средства задают объект*» [7]. При такой постановке противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для «не наделенных психикой» объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. На западе аналогичные подходы рождались в рамках общей теории систем и кибернетики второго порядка, в переходе от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем». Эти исследования заложили фундамент для перехода от парадигмы «субъект — объект» к парадигме «*субъект — субъект*».

Возрастание роли субъекта и субъект-субъектных отношений в контексте неклассической научной рациональности приводит к необходимости пересмотра доминирования деятельностного подхода, фактически возникает поляризация научных школ (особенно в психологии), ориентированных на деятельностный и субъектно-деятельностный подходы. Более адекватным специфике неклассической научной рациональности, на наш взгляд, оказался *субъектно-деятельностный подход*. Автором этого под-

хода (концепции) был философ и психолог С.Л. Рубинштейн [8]. Деятельность выступает как один из типов активности субъекта, как способ его отношения к действительности.

Если для классической научной рациональности базовой была активность в деятельности, то для неклассической — наряду с ней базовыми становятся и другие формы активности, и прежде всего *коммуникативная активность*.

В контексте этического рассмотрения специфики неклассической научной рациональности можно высказать соображение, что этические регуляторы ориентированы на специфику субъект-субъектных отношений. Можно полагать, что регуляция активности субъектов осуществляется на основе другого уровня ценностей и может быть представлена как *этика «цели — средства»*. Такого рода этика ориентирована не только на ценностные ориентации деятельности активности, но и должна учитывать отношения к другим субъектам, последствия для них совершаемых действий, потенциальные и реальные формы коммуникативной активности. Этика «цели — средства», может быть определена и как этика субъектных отношений, и как коммуникативная этика.

В неклассической научной рациональности доминирующей стала *проблема выбора коммуникативного субъекта*.

Многие исследователи внесли свой вклад в проблему выбора коммуникативного субъекта. В проблему выбора при принятии решений в играх с ненулевой суммой — А. Раппопорт. В.А. Лефевр сформировал модель двух этических систем. В формирование базовых представлений этики гуманистического философского конструктивизма внес вклад В.А. Лекторский [9].

Принципиальное развитие получили базовые модели выбора в принятии управленческих решений: исследование операций и теория игр. Это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий, с преодолением слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности (наряду с утилитарными в центре внимания оказались и высшие ценности [10; 11]) и др.

Обобщенная оценка проблемы выбора в неклассической научной рациональности может быть сформулирована как *проблема выбора коммуникативного субъекта*.

Проблема выбора в постнеклассической научной рациональности

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. В нем учитывается соотношенность полу-

чаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с субъектами, с широким контекстом ценностно-целевых структур и культурной средой в целом.

Исходя из принципа универсального эволюционизма, В.С. Степин подчеркивает необходимость коммуникативного (диалогического) включения в современную научную картину мира всей совокупности ценностей мирового культурного развития. Только на этом, уподобляемом вселенскому, пути можно ожидать успехов в построении действительно человекомерных саморазвивающихся систем.

Постнеклассическая научная рациональность усиливает концентрацию внимания на субъектах научной деятельности. При этом в центре внимания оказывается и проблема потенциальной потери («размывания») субъектности в условиях реалий современного мира. В этой связи два принципиально важных аргумента приводит В.А. Лекторский [12].

Во-первых, Я (субъект, — В.Л.) существует не только в телесной оболочке, но и в виде различных текстов — файлов (файловое Я), причем современному человеку все чаще приходится общаться с файловым воплощением субъектов. Фактически субъект становится представим как некая система дискурсов. Встает вопрос, может ли субъект решить проблему своей целостности и возможно ли его существование в других «телесных» оболочках?

Во-вторых, основываясь на идеях М.М. Бахтина и Р. Харре, можно предполагать потенциальные возможности исчезновения Я (субъект, — В.Л.) в результате массовых коммуникативных взаимодействий, в которых индивидуальное сознание неспособно интегрировать их в виде единства Я (субъект, — В.Л.). Кроме того, все без исключения традиции с воплощенной в них иерархией ценностей утратили сегодня авторитет, не могут считаться непререкаемыми. Поэтому Я (субъект, — В.Л.) теряет смысл как агент действия, предполагающий наличие «коллективных представлений» о правах и обязанностях индивидов и ответственность за свои поступки.

Выводы из приведенных соображений крайне печальные: Я (субъект, — В.Л.) перестает быть автором своих поступков и текстов, что может интерпретироваться как потенциальная угроза массовой потери субъектности. Из приведенных рассуждений напрашивается вывод, что самостоятельно субъект едва ли сможет справиться с угрозой потенциальной бессубъектности, решение проблемы, на наш взгляд, следует искать в адекватной организации взаимодействия субъекта с саморазвивающейся полисубъектной средой, в которой он представлен в разнообразных отражениях своих поступков и текстов, которую целесообразно также наде-

лить свойствами субъектности. При этом основой сборки субъекта как целого становится его включенность в метасубъекта, которым становится саморазвивающаяся среда, которая может содержать механизмы поддержки сборки субъектов в нее включенных.

В таком аспекте рассмотрения проблемы сохранения субъектности принципиально меняются представления об этике, которая должна быть ориентирована на стремление субъектов организовывать свою активность с учетом сохранения и развития метасубъектов. При этом особая роль отводится *рефлексивной активности*.

Этика саморазвивающихся сред формируется в контексте субъектно-ориентированного подхода, являющегося органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде, и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности. Впервые методологические основы субъектно-ориентированного подхода, адекватные состоянию науки конца XX века, были представлены в [13].

Философские основания постановки в центр внимания субъектов связаны в значительной степени с идеями философского конструктивизма, который в контексте постнеклассической научной рациональности претерпевает принципиальную трансформацию. Существенно «смягчается» радикализм философского конструктивизма, усиливается акцент на коммуникативных процессах формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы [9]. Она мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с не-рефлексируемыми и «непрозрачными» процессами собственной психики.

Свобода понимается не как выражение проективно-конструктивного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который управляется и контролируется, а как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня. Важно подчеркнуть, что принятие не означает простого довольствования тем, что есть, а предполагает взаимодействие и взаимное изменение. При этом речь идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия.

Подобной онтологии человека соответствует новое понимание отношения человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным ученым Н.Н. Моисеевым [14], идея ко-эволюции. Совместная эволюция природы и человечества может быть истолкована как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге, погруженных в общую среду.

Эти положения современной трактовки философского конструктивизма в значительной степени определяют исходные посылки для формирования этики саморазвивающихся сред.

Для понимания доминирующей этики постнеклассической научной рациональности важно введение понятия *стратегический субъект*. Будем называть *стратегическим субъектом* субъекта, включенного в какой-либо метасубъект (семья, группа, организация, страна и др.), идентифицирующего себя с этим метасубъектом и регулирующего свою активность (деятельностную, коммуникативную, рефлексивную) с учетом ее влияния на метасубъекта.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку [15].

Можно привести многочисленные примеры этик соответствующих доминирующему типу этики постнеклассической научной рациональности. От этики семьи, рассматриваемой как метасубъект и саморазвивающаяся среда, в которой члены семьи соответствуют требованиям стратегических субъектов, до ноосферной этики, в которую как в саморазвивающуюся среду, оказываются включенными представители человечества как стратегические субъекты.

Обобщенная оценка проблемы выбора в постнеклассической научной рациональности может быть сформулирована как *проблема выбора стратегического субъекта*.

Заключение

Постановка субъекта в центр внимания проблемы выбора позволила выявить специфику проблемы выбора для трех типов научной рациональности. Исследование базировалось на методологическом анализе отдельных видов научной рациональности (базовые парадигмы, объекты и виды активности субъектов, научные подходы). Соответственно выде-

лены три доминирующих типа субъекта выбора: утилитарный, коммуникативный, стратегический.

«Констатация того факта, что современный человек не испытывает потребности к переживанию нравственных ценностей и осознанию трансцендентных сущностей свидетельствует о том, что ответственность и свобода, связанные с концептом выбора претерпели существенные изменения» [16]. В этой связи остается открытым вопрос: «Сможет ли современный человек стать стратегическим субъектом выбора?»

Литература

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. *Лепский В.Е.* Эволюция представлений об управлении в контексте научной рациональности / *Философия управления: методологические проблемы и проекты* / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. Ред: В.И.Аршинов, В.М.Розин. М.: ИФРАН, 2013. С. 68–99.
3. *Лепский В.Е.* Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности / *Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина*; под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392–420.
4. *Лепский В.Е.* Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В.А. Лефевра // *Научно-техническое развитие и прикладная этика* / Отв.ред.: В.Г. Горохов, В.М. Розин. М.: ИФРАН, 2014. С. 181–200.
5. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.
6. *Диев В.С.* Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 2013. № 2 (22). С. 41–51.
7. *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // *Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции.* М.: АН СССР, 1965. С. 141–149.
8. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
9. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.
10. *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // *Вопр. философии.* 2012. № 4. С. 154–157.
11. *Лефевр, В.А., Баранов, П.В., Лепский, В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх // *Известия Академии Наук СССР. Техническая кибернетика.* 1969. № 4. С. 29–33.

12. *Лекторский В.А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // *Методология и история психологии*. 2010. Том 5. Выпуск 1. С.16.

13. *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998.

14. *Моисеев Н.Н.* Еще раз о проблеме коэволюции // *Вопр. философии*. 1998. № 8. С. 26–32.

15. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. М.: ИФРАН, 2010.

16. *Киселева М.С.* Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // *Вопр. философии*. 2013. № 12. 48–58.

Неявное знание в структуре принятия решений: философско-методологические аспекты

Проблема неявного знания обсуждается в настоящее время в самых различных контекстах, не только в связи с концепцией личностного знания М. Полани — классическим контекстом своего возникновения. М. Полани, настаивая на личностном характере научного познания, стремился показать, что объективность научного знания не означает его деперсонализацию [9, с. 19]. Личностное знание, включающее неявное знание, — это личный профессиональный опыт ученого, в том числе опыт постановки и решения проблем. Это знание, полученное ученым в процессе совместной, коллективной исследовательской и экспериментальной работы (знание, передающееся «из рук в руки»), усвоенное при непосредственных личных контактах с другими учеными. Неявное знание можно сравнить, по мнению М. Полани, со скрытым основанием айсберга, вершиной которого является явное знание. Неявное знание не осознается субъектом, не поддается рефлексии, что, собственно, и составляет главную проблему при попытках перевести его в явное знание. Данный подход М. Полани, вместе с присущим ему скептическим отношением к роли методологической рефлексии в развитии научного знания, не открывал достаточных перспектив исследования способов формирования неявного знания.

Особую актуальность проблема формирования и функционирования неявных знаний приобрела в контексте современных тенденций развития общества знаний. Так, необходимость совершенствования и развития среды, в которой создаются, функционируют, хранятся и передаются знания, используемые в различных сферах деятельности человека, формирует комплекс задач, связанных с управлением знаниями, принятием решений и т.д. Задачи данного типа трактуются как разработка интеллектуальных технологий, объединяющих интеллектуальный капитал, включающий неявное знание, и информационные технологии для обеспечения качественного функционирования тех или иных видов деятельности человека — ведь постепенно среда существования человека насыщается информационными технологиями и сложными человеко-машинными системами, требующими эффективного управления [8, с. 96]. И следует согласиться с В.С. Диевым, подчеркивающим необходимость развития философии управления как самостоятельной отрасли фило-

софского знания, исследующей «аксиологические, гносеологические и методологические основания человеческой деятельности в процессах управления» [2, с. 13]. Актуальность приобретает исследование субъекта принятия решений [10, с. 61].

Формальную четкость проблема неявного знания приобретает в исследованиях искусственного интеллекта, в частности, в контексте разработки экспертных систем, призванных помочь пользователям в прикладных и исследовательских задачах, связанных с принятием решений в условиях неполной информации. Экспертные системы вбирают в себя совокупность приемов работы специалиста высокого уровня в той или иной строго ограниченной предметной области, благодаря чему могут давать решения, близкие к уровню решений специалиста. Создание экспертных систем предполагает изучение структуры экспертного знания и механизмов его функционирования. Эксперты-когнитологи отмечают достаточно высокий удельный вес неявных знаний в интеллектуальном ресурсе эксперта и трудности вербализации неявного, личностного знания экспертов, влияющего на принятие решений. Неявные знания находятся на подсознательном уровне, являются в основном процедурными, носят индивидуализированный характер, недоступны осознанному самоанализу, возникают в режиме «инсайта».

Соответственно, в эпистемологии, философии науки, философии управления становится актуальным поиск методологических подходов, на основе которых возможно исследование процессов формирования и функционирования неявного знания, занимающего в структуре принятия решений субъектом весьма существенное место.

Одним из методологических принципов, показавших свою продуктивность и полезность в данной области исследований, является разработанный автором *принцип единства индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов* или, в другой формулировке, *единства индивидуальных, коллективных и социальных когнитивных структур* [5, с. 208]. Свойство «быть субъектом» сформировалось у человека в процессе антропосоциогенеза как инструмент адаптации к изменчивой, непредсказуемой, вероятностной среде, как способность осуществлять синтез различной информации, поступающей из внешнего мира и внутреннего мира познающего человека, способность объединять информацию о прошлом, настоящем и будущем и превращать в знание, на основе которого осуществляется деятельность [там же, с. 90].

Субъект-индивид — открытая система, взаимодействующая со средой: индивид субъективирует, сохраняет, воспроизводит коллективное, всеобщее социальное совокупное знание, опыт человеческой деятельнос-

ти, одновременно поддерживая и развивая культуру и социум в процессе целеполагающей, преобразующей деятельности. Социум, являясь непосредственным фактором когнотенеза, выступает в качестве коллективного и социального субъектов.

Философский методологический принцип единства индивидуально-го, коллективного и социального субъектов позволяет систематизировать и обобщить исследования, относящиеся к данной междисциплинарной области. Существенный интерес для понимания взаимодействия и соотношения индивидуального, коллективного и социального субъектов представляют исследования когнитивных функций социальных институтов и социальных структур, получившие развитие во второй половине XX века в структурном функционализме, постструктурализме (Ж. Лакан, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Лиотар, Ж. Делез и Ф. Гваттари и др.), феноменологической социологии А. Шютца, теории структуриации Э. Гидденса, концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, социальной эпистемологии (С. Фуллер, И.Т. Касавин) и др.

В соответствии с теорией структуриации Э. Гидденса социальные структуры формируют социальные практики, оказывающие существенное влияние на познание. В феноменологической социологии А. Шютца исследуется проблема социального распределения знания, представляющая интерес в аспекте изучения коллективных структур, формирующих и поддерживающих индивидуальную познавательную деятельность.

В концепции социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, анализируются способы, с помощью которых создается устойчивая структура жизненного мира человека: «опривычивание», типизация, институционализация, легитимация «Опривычивание» осуществляется путем усвоения традиций, знаний, представлений, накопленных предшествующими поколениями, и является, по сути, автоматическим воспроизведением реальности. [1, с. 37]. Типизация как способ социального конструирования реальности связана с выделением повторяющихся образцов взаимодействия с людьми, способов предметно-практической деятельности с определенными классами объектов. Повседневность в социальном аспекте трактуется как совокупность типизаций, то есть повторяющихся образцов поведения и типичных сценариев [1, с. 38]. Исследователи отмечают, что разрушение привычной повседневности в случае резких социальных перемен (революций, кризисов) разрушает типизацию и, следовательно, социальную структуру.

Подобное разрушение повседневности происходит, как представляется, в настоящее время в связи с происходящей информационной револю-

цией и сменой ведущего типа коммуникации в обществе. Интересно, что информационные системы начинают, в сущности, выполнять функции коллективного субъекта (принятие решений, рационализация и т.п.). Современный жизненный мир формируется как активная инфо- и техносреда повседневного человеческого существования [3, с. 6]. Достаточно отметить, что, в соответствии с прогнозами, к 2020 году к Интернету будет подключено от 30 до 50 млрд. объектов. Исследователи подчеркивают при этом, что такие тенденции развития Интернета, как Интернет вещей (Internet of Things) К. Эштон, промышленный Интернет (Industrial Internet), Интернет сервисов (Internet of Services) Интернет медиаконтента (Internet of Media), Интернет всего (Internet of Everything) революционным образом изменят социум, экономику, жизненный мир человека. Создание интеллектуальной, адаптивной окружающей среды, объединяющей гетерогенные системы и разнородные ресурсы, безусловно, радикально изменит жизненный мир человека: *разрушатся (и уже разрушаются)* привычные способы ориентации человека в мире, привычные представления о реальности; возникнут новые риски [6, с. 159].

Следующий способ социального конструирования реальности — институционализация, посредством которой закрепляются коллективные представления, типизации. Социальные институты включают, помимо типизации, роли и статусы, установки и образцы поведения (нормы), учреждения и т.п. Но без коллективных представлений устойчивость социальной структуры и стабильная деятельность социальных институтов не может быть обеспечена [1, с. 42]. Легитимация как способ социального конструирования, заключается в обосновании правильности созданных социальных конструкций; легитимация необходима для передачи сложившихся институтов новым поколениям, для их обоснованности в глазах тех, кто не участвовал в их создании [1, с. 63].

Таковы основные способы социального конструирования, посредством которых, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, окружающий мир приобретает в восприятии субъекта устойчивость и реальность. Вместе с тем нельзя не отметить, что в отечественной философии в советский период — в историческом материализме и диалектическом материализме — был сформулирован ряд положений о функционировании и формировании идеологии, о социокультурной обусловленности познания, зависимости общественного сознания от общественного бытия и т.д., которые в настоящее время отнесли бы к проблематике социального конструирования.

Второй философский методологический принцип, создающий предпосылки для выявления закономерностей формирования и функционирования неявного знания — принцип единства сознания, бессознательного

и деятельности, сформулированный автором [5, с. 208] в развитие известного принципа единства сознания и деятельности, разработанного в отечественной психологической науке. В соответствии с принципом единства сознания и деятельности, сформулированным С.Л. Рубинштейном, психика и сознание формируются и проявляются в деятельности, составляя с ней единство. А.Н. Леонтьев, развивая принцип единства сознания и деятельности как основополагающий принцип деятельностного подхода в психологии, подчеркивал, что деятельность является субстанцией сознания, при этом сознание, будучи онтогенетически сформированным, приобретает относительную автономию [4, с. 6]. Принцип единства сознания и деятельности развивали Б.Г. Ананьев, Б.М. Теплов, В.П. Зинченко и др. Данный методологический принцип создавал предпосылки для объективного исследования психики, сознания и включал индивида в культуру и социум.

Вместе с тем современная эпистемологическая ситуация переосмысления модели рационального субъекта в условиях постнеклассической науки привлекла внимание к неосознаваемым, нерациональным, иррациональным компонентам познания, познавательной деятельности субъекта [7, с. 18]. Возникла объективная необходимость в развитии данного принципа.

Формулировке принципа единства сознания, бессознательного и деятельности предшествовало выявление эпистемологического статуса бессознательного. В психологии понятие «бессознательное» прошло непростой путь научной легитимации, прежде чем стать научным понятием. В философии, у которой со времен отделения от нее психологии сохранилось немало общих с психологией понятий, понятие «бессознательное» применяется преимущественно в своих психологических значениях, или в онтологическом аспекте — как часть субъективной реальности. В познавательном, эпистемологическом аспекте бессознательное ассоциируется прежде всего с интуицией, которую относят к иррациональным или нерациональным компонентам познания. В последние годы, в связи с растущей информатизацией деятельности человека, развитием когнитивной науки и когнитивных исследований, бессознательное в эпистемологическом аспекте все чаще ассоциируется с неявным знанием. Актуальной стала задача определения эпистемологического статуса бессознательного. Трактовка *сознания и бессознательного как социокультурно детерминированных, взаимосвязанных и взаимодополнительных способов познания* позволила интегрировать понятие бессознательного в эпистемологию. Под способами познания понимаются способы формирования, функционирования, использования и передачи знания [5, с. 214]. Именно на основе сознания и бессознательного как способов познания осуществляется

формирование и динамика устойчивого и изменчивого в познавательной деятельности субъекта. Бессознательное, как и сознание, не существует вне деятельностного, социокультурного, исторического контекста, в который оно «погружено».

Осознание — это рефлексивная активация субъект-объектного отношения с целью получения знаний для решения текущих задач жизнедеятельности. Эволюционный смысл сознания в том и состоит, что оно обеспечивает возможность оценки субъектом своей собственной деятельности и возможность изменения ее для достижения тех или иных целей и удовлетворения потребностей. Благодаря сознанию субъект получает возможность моделировать потенциально осуществимые сценарии деятельности, и передавать информацию вовне.

Вместе с тем познание может осуществляться без осознания. В случае если нет принципиальных расхождений с ожидаемым результатом, выступающим как системообразующий фактор по отношению к совокупности функциональных систем, «запускаемых» образом желаемого будущего, познание может осуществляться бессознательно. В этом случае познание осуществляется на основе неявного знания, в неосознаваемом «автоматическом» режиме на основе готовых функциональных систем, сформированных онтогенетически и социокультурно обусловленных. Познание контролируется сознанием опосредованно — через систему целей, осознаваемых мотивов, эмоций. Мы знаем больше, чем осознаем.

На неосознаваемом уровне информация обрабатывается, объединяется и используется очень быстро, что является полезным эволюционным приобретением, оптимизирующим процесс познания и обеспечивающим устойчивость, стабильность и предсказуемость поведения индивида. Осознанно/неосознанный характер познания обеспечивает формирование требуемых обществу установок и стереотипов поведения, деятельности человека, находящихся в отношении корреляции к устойчивым социокультурным, когнитивным структурам, нормам, стереотипам, стандартам и т.п., которые подлежат усвоению индивидом в онтогенезе.

Таким образом, методологические принципы единства индивидуального, коллективного и социального субъектов и единства сознания, бессознательного и деятельности создают предпосылки для понимания процесса формирования неявного знания. Двойственный осознанно/неосознанный характер познания, соответствующий социализированной «программе» жизнедеятельности человека, является фактором оптимизации деятельности человека в условиях вероятностной среды, обеспечивающим решение задач адаптации и развития, социализацию челове-

ка. Одновременно осознанно/неосознанный характер познания создает возможности для свободного творчества и личностного роста. Непосредственным фактором когнотенеза является социум, выступающий в качестве коллективного и социального субъекта. Эпистемологически значимыми структурами социальной реальности являются коллективные представления, социальные институты, стереотипы поведения, деятельности, нормы, дисциплинарные рамки и т.п., которые осознанно/неосознанно осваиваются индивидуальным субъектом, формируя его когнитивную сферу.

Данные философско-методологические принципы позволяют найти подходы к решению актуальных современных проблем, связанных с тем, что разнообразные компьютерные системы, имеющие функции памяти, навигации, принятия решений и т.п., систематически используемые человеком для поиска, обработки, хранения и передачи информации, становятся частью когнитивной системы человека. Возникает вопрос: как трансформируется неявное знание в данном смешанном типе «субъекта», где многие функции рационального мышления автоматизированы, вынесены вовне и переданы информационным системам. Каковы особенности выбора, осуществляемого человеком в данных условиях? Немало вопросов вызывает и наблюдаемая в настоящее время тенденция конвергенции когнитивных и информационных технологий с нанотехнологиями и биотехнологиями, свидетельствующая о возрастании роли субъекта и формировании качественно иного уровня проектно-конструктивной деятельности современного человека [6, с. 158]. Перспективы решения данных проблем связаны, как представляется, с построением современной модели субъекта.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
2. Диев В.С. Гносеологические аспекты философии управления: рациональность, неопределенность, риск // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 12. № 3. С. 12–18.
3. Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека. Вестник МГТУ МИРЭА. 2014. № 2 (3). С. 1–12.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
5. Никитина Е.А. Познание, сознание, бессознательное. М.: Либроком, 2011.
6. Никитина Е.А. Конвергентные технологии и трансформация структуры познания // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 5 (8). С. 157–166.

[Электронный ресурс]. URL: http://www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/ot_2014_5_157-166.pdf

7. *Никитина Е.А.* Проблема субъекта познания в современной эпистемологии // *Перспективы науки и образования*. 2015. № 2 (14). С. 16–24.

8. *Никитина Е.А.* Субъект познания, когнитивная культура личности и образование как *Ni-hume*. Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16). С. 94–108.

9. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

10. *Сорина Г.В., Виноградов М.В.* Субъект принятия решений: становление и деятельность // *Ценности и смыслы*. 2013. № 4 (26). С. 59–72.

Проблема выбора в трансдисциплинарном контексте

Генезис контекста

Трансдисциплинарный контекст не предзадан, он только может возникнуть в междисциплинарном обсуждении проблемы, послужившей объединению коллектива дисциплинариев — исполнителей в решении конкретного проекта. Контекст (совместный текст) возникает способом наложения имеющихся представлений у исполнителей проекта, как узнаваемая ими картина мировидения, в рамках которой может быть прорисована решаемая проблема. Фокусировка проблемы может менять оптику ее видения — ближе или отстраненнее. Контекст по этой причине динамичен и изменчив, к тому же зависим от фактора времени. В начале решения проекта, на следующих этапах проведения исследования, в его завершении. От того, насколько согласовано будет сообществом выбран их объединяющий контекст, во многом будет зависеть успешность проекта. Междисциплинарность как феномен свидетельствует о коллективном выборе как траектории движения некоего нарождающегося социального целого со своими особенностями этоса постнеклассического типа [2]. Первичная «сборка» — зародыш коллектива единомышленников, жизнь которого выстраивается по правилам спонтанного приноравливания в коммуникативном взаимодействии для решения собравшей их неотложной, жизненно важной проблемы. Практический, научный, оперативный и коммерческий интерес образует сложноорганизованный композит этого временного образования. Именно он и является вызовом, запросом к каждому участнику междисциплинарного проекта доли претворения дисциплинарного знания с учетом его личного интереса. Научно-практическая проблема, таким образом, обрастает персоналистским измерением, жизненным проживанием сложившейся ситуации, которые окрашивают решаемую проблему. Личностное измерение в таких проектах не всегда в достаточной мере явно присутствует и учитывается. Однако следует принимать во внимание следующие обстоятельства.

Психосоматика персонального выбора

Если рассматривать выбор как результат продвижения в практиках (практике жизни по большому счету), основанный на некоем знании ситу-

ации выбора, то здесь можно ставить вопрос о трансдисциплинарном знании. Трансдисциплинарное знание — особый тип знания, которое идет на смену научному как доминирующему знанию в нашей и западной культуре. В некотором смысле его можно сравнивать с синкретическим знанием или в современном звучании синергетическим. Носителем и инструментом получения этого знания не является исключительно интеллект. Это разлитое в психосоматике переживание ситуации, охватывающее сознание, бессознательное, телесность. Отличие его от домодерного синкретического знания в том, что мы способны отрефлексировать эти моменты и «выпустить этого джина из бутылки» предыдущих культурных ограничений. На смену интеллекту как ведущему способу познания приходит переживание как полифоническая реакция на ситуацию, не исключаяющая ее интеллектуальное моделирование, но куда более широкая. Смутное чувство опасности или привлекательности, ранее не бравшееся в расчет, если логика его отбрасывала, здесь уже не сбрасывается со счетов. Выбор в немалой степени зависим от ситуаций его принятия. *Акт переживания* на границе осознанного и неосознанного дает возможность целостного схватывания глубинного недифференцированного смысла ситуации. Он обладает императивностью следовать правилам, которые реализуются через тело как инструмент действия бессознательного. *Акт проживания* ситуации состоит в проекции целостного переживания на различные смысловые среды. Смысл ситуации в этом случае кодируется в виде зрительных образов, звуков, телесных жестов и движения, запахов и эмоциональных состояний, что задает партитуру практических действий. *Акт концептуально-словесного осмысления* ситуации корректируется посредством логико-дискурсивных практик, через убеждение и дискуссию [1].

Рациональность vs. иррациональность

Вопрос рационального и иррационального в процессе выбора становится ключевым. Здесь следует оказаться от взгляда на иррациональное как нечто неправильное, архаичное. Для понимания вопроса здесь уместна метафора игры и механизмов выбора, которые человек делает в игре, когда невозможно выбирать только на основании рационального расчета. Ощущение игрового драйва помогают партнерам принять правильное решение, которое, как может показаться, не принадлежит самим субъектам. Человек новой грядущей культуры не только рационален, а и *играционален* (понятие, указывающее на что-то типа игровой логики и игровой рациональности, если так можно сказать). Это знание и можно было бы назвать в первом приближении трансдисциплинарным, работающим в такой ситуации выбора.

Подвижность трансдисциплинарного контекста

В трансдисциплинарном контексте можно и нужно говорить о различии ситуации стабильных, привычных практик и ситуации кризисных. Здесь проблема выбора выглядит по-разному. Рутинные практики практически не требуют включения выбора, совершаются по привычке (габитус все решает сам). В кризисных ситуациях важно активное включение трансдисциплинарного знания. Необходимость обучения совместному решению сложных проблем для срабатывания механизма «включения» снимает дисциплинарную разобщенность и возвращает нам способность видеть мир и себя в единстве. Осознанное возвращение, в том числе и через философское продвижение идеи трансдисциплинарности — актуальный вызов грядущей культуры. В этой связи стоит обратить внимание на особенности этоса современного научного познания, который собственно обуславливает и выводит на первый план проблему выбора.

Этос и проблема выбора

Этос современного познания предстает в разнообразии его организационных форм. Это не только дисциплинарное и специальное знание, существующее в университетах и институтах, зафиксированное в учебниках. Появление трансдисциплинарного сообщества обусловлено необходимостью решения жизненно-практических проблем, что собственно и формирует контекст его существования и функционирования. В основе такой организации лежит общность экзистенциального настроения, связанного с рисками современного цивилизационного состояния человеческого существования.

Можно сказать, что любое научное сообщество, занятое производством, развитием и трансляцией дисциплинарного знания в различных формах организации (классической и неклассической науки), характеризуется общностью настроения. Имеется в виду настрой как установка, например на следование нормам дисциплинарной матрицы, или же ориентация на отслеживание их изменения. Этот общий настрой играет цементирующую роль в специфических феноменах самоорганизации научного сообщества, которые получили название «невидимых колледжей» (Т. Бернал, Д. Прайс), «республика ученых» (М. Поляни).

Ландшафт постнеклассической науки

Но общность по настроению проявляется не только в этом, что особенно заметно при обращении к постнеклассической науке. Что изменилось в постнеклассической науке? Главным образом трансформировалось настроение. Если в классической науке каноном были эзотеризм, автономия, непроницаемость границ для ненаучного знания, то в постнеклассической науке в связи с изменением характера предмета исследования настроение кардинально меняется. Предмет возникает и формируется совместными усилиями, как ученых-экспертов, так и представителей общественного мнения, в горизонте взаимодействия научной картины и жизненного мира, пространства, совместно проживаемого участниками трансдисциплинарного общения. Скорее всего, не всякое направление научной мысли может принять форму дисциплинарного знания. Меж- и трансдисциплинарные исследования, в первую очередь, ориентированы на решения актуальных и практических проблем силами экспертов из различных областей знания. Такого рода исследования по сути своей являются проектами, которые возникают и оформляются на стыках, границах научных дисциплин как эффект междисциплинарного общения в результате формирования контингентно согласованного языка, в использовании своих модельных представлений — особенного всеобщего. Особенность такого направления научной мысли состоит в том, что в ней одновременно происходит формирование, как своего предмета, так и методологического обеспечения в режиме реального времени существования данного научного сообщества.

В зависимости от режима общения и его эффективности взаимодействие выступает то как интегрирующее, то как дезинтегрирующее начало при формировании трансдисциплинарного сообщества. Конкретная проблема, которая доопределяется по мере ее уточнения, оказывается сильнейшим стимулятором революционных преобразований в науке. Замечено, что по мере решения избранной проблемы, сообщество ученых — экспертов, менеджеров, политиков от науки, которые совместно обеспечивают исследование этой проблемы, распадается. Кратковременность существования отдельного мыслительного коллектива, оперативно и эффективно решающего острую злободневную задачу, вводит свой стиль в сферу производства научного знания. На современного ученого участие в таких исследованиях налагает двойные обязательства, так как на систему ценностей и норм, характерную для научного познания, накладывающаяся еще система ценностей и норм, специфическая для той организации, которая была создана для решения конкретной задачи.

Выбор в персональном исполнении и его философское обоснование

Этот постнеклассической науки, по нашему мнению, возвращает персонализированную позицию ученого классического этоса науки, с той разницей, что теперь ученый держит персональный ответ за свою позицию не только перед самим собой, но и перед конкретным научным сообществом. Эта двойная ответственность драматически не равнозначна. Право «собственности», которое проявляется в современном научном сообществе, созданного, например, с коммерческими целями, трансформирует норму ответственности каждого участника трансдисциплинарного общения. Ответственность корпорации (коллективная отчетность перед обществом), основанная на ее собственности (материально-финансового обеспечения научного исследования) порой вступает в конфликт с нормой персональной ответственности ученого [3].

Рассмотрение проблемы этоса постнеклассической науки напоминает нам тот исторический момент, когда онтологический и этический аспект в познании окружающего мира еще не были разведены. В наши дни снятие указанного разобщения становится возможным постольку, поскольку коммуникативный аспект (пространство морального поступка), необходимо сопряженный с познанием природной реальности, стал и основой, и условием: а) онтологического описания в трансдисциплинарном подходе; б) самого научного отношения к природе, которое из субъект-объектного все больше преобразуется в субъект-субъектное. *Другими словами, мы говорим о безусловном в условном наклонении — основании поиска смысла имманентного в трансцендентном — узловой точки выбора самого себя в философствующем поиске.*

Для этоса современной науки характерно динамическое напряжение между идеями господства над природой и диалога с природой, между представлениями о риске, связанном с недостаточностью знания, несовершенства технологий, и риске чрезмерной власти знаний и технологий.

Этот постнеклассической науки по-новому определяет статус научно-по отношению к ненаучному. Демаркационное размежевание с ненаучным сменяется толерантным отношением к нему. Происходит обогащение сферы жизненного мира профессиональными знаниями, а философия науки пополняется нетрадиционными формами рефлексии. Неклассические («конкретные», «практические», «синергетические», «становящиеся») формы рефлексии, по определению содержащие в себе момент неопределенности, открытости авторскому исполнению, удерживают связь

научного познания с человеком, с его практической деятельностью. Это постнеклассической науки восстанавливает объективное содержание науки как дела ума, души и рук человеческих.

Таким образом, в трансдисциплинарном контексте намечается ряд существенных изменений, которые включают не только регулятивы, связанные с неклассическими идеалами и нормами объяснения и описания, обоснования и доказательности, указывающими на относительность объекта к средствам и операциям деятельности, но и те регулятивы, которые связаны с преодолением дисциплинарной (предметной) разобщенности. Тогда граница, разделяющая отдельные отрасли науки, становится объединяющей средой общения, в которой отрабатываются трансдисциплинарные и транслингвистические обменные процессы, включающие рефлексию над ценностными и нормативными основаниями научного познания.

Этот трансдисциплинарности приобретает очертание открытой системы, ориентированной на реальные проблемы жизненного мира, требующие конкретного решения, что находит выражение в особенностях матрицы ее научного исследования. Для *трансдисциплинарной матрицы* характерны следующие составляющие:

1. Представление об универсуме как о единстве сообщающихся, множественных и становящихся миров;
2. Соотнесение внутринаучных ценностей с целями и ценностями универсума, равно необходимыми для статуса естественнонаучного и гуманитарного знаний;
3. Изменчивость и необратимость законов; действие принципов «общения без обобщения», выходящие за рамки дисциплинарного знания;
4. Действие по образцу общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в открытых системах различной природы: физических, химических, биологических, социальных и т.д.

Трансдисциплинарная форма организации научного познания состоит из: *трансдисциплинарной матрицы* и *трансдисциплинарного сообщества* (дисциплинарного сообщества, общества в целом). Научные и общественные механизмы развития и воспроизводства трансдисциплинарного познания поддерживаются не только «наукой учебника», «журнальной», «популярной» наукой, институтами «общественного мнения», но также и при содействии материальной и финансовой помощи государства и частного финансирования.

Осознание выбора как конструирование трандисциплинарного контекста

Современную философию науки можно рассматривать как начало осознания, которое выстраивает единство множественных становящихся представлений о мире и месте науки в нем. Обращение к философии в ситуации кризиса, охватившего и научное познание, и культурное самосознание, неизбежно. Философия была и есть не что иное как методическое усилие науки, направленное на самопрояснение. В философии наука осознает для себя собственные принципы, способы действия и ценностные ориентации (П. Наторп). Именно философская рефлексия дает возможность собственно самой науке делать выбор путей своего развития. Сегодня становится все более очевидным, что свободный выбор указанных принципов возможен лишь благодаря скрепляющей их силе, базирующейся на потребности в обосновании притязаний для общения. Последнее находит свое проявление в отработке когнитивно-коммуникативных стратегий познания, объединяющих научное сообщество в совместном видении трандисциплинарного контекста.

Исследовательский интерес в современном научном познании смещается в парадоксальный мир становления, одной из форм освоения которого является трандисциплинарный подход, получивший свое развитие из синергетической мысли. Синергетика, изучающая принципы поведения сложноорганизованных саморазвивающихся систем, к которым можно отнести и систему этоса науки, как мы пытались показать выше, выступает как фундаментальное основание полемики ее единства. Единство, обуславливающее «конфликт интерпретаций» (П. Рикёр), представлено в многообразии философских, методологических и технологических решений такого рода систем. Трандисциплинарность, как и синергетические сюжеты предлагают свой ответ на традиционную, но всегда актуальную философскую проблему соотношения единого и многого, проблему сложности. Они принадлежат к тем направлениям научного исследования, в которых (если применить к ним слова Ю. Хабермаса) «отчетливо выражен философский элемент внутри наук». Этот «философский элемент» в рассматриваемом контексте выражен двойственно. С одной стороны, он ориентирован на философское прояснение единых, всеобщих оснований подхода как к самому себе, так и к явлениям окружающего мира. А с другой стороны, он содержит вопросы, которые решаются конкретными способами взаимодействия со сложностью в многообразии дисциплинарных областей (физики, химии, биологии, психологии, социологии). При этом получа-

емые решения выходят за дисциплинарные рамки (сохраняя в себе сам принцип дисциплинарного деления классического, неклассического, постнеклассического типов научного познания), приобретают измерения трансдисциплинарной общезначимости при аппроксимирующем движении к неотменяемым общечеловеческим идеалам культуры — Добра и Истины.

Традиционная система норм и ценностей научного этоса Р. Мертон, как и параметры дисциплинарной матрицы Т. Куна, давшей нам основание обратить внимание на «работу» трансдисциплинарной матрицы в ее контексте, при решении конкретной задачи (здесь и теперь), как правило, неоднозначно трансформируются. Ведь ученый погружен в сложно организованную ситуацию, его поведение обусловлено: зачастую неосознаваемыми повседневными правилами поведения в жизненном мире; сложившимися в сообществе установками (рефлексивно и рационально выраженных форм — теоретически обоснованных или достигнутых по договоренности); межличностными отношениями (партнерства, конкуренции, лидерства и т.д.); интеллектуальным и эмоциональным климатом (общности по интересам) сообщества. Между предельными транс-позициями бесстрастного наблюдателя (классика) и конкретного участника (неклассика) когнитивно-коммуникативных познавательных практик, возникает как возможность позиция быть свидетелем (постнеклассика), которая одновременно удерживает в себе оба предельных состояния.

Эта ответственная (в ответе на вопрос заданный экзистенциальной ситуацией) транс-позиция свидетеля делает его философом современного (постнеклассического) типа. Но эта ситуация воспроизводит и традиционное: «философствовать — значит мочь начать» (Р. Сафрански). Особенность стилистики свидетельствующего философствования в данном месте и времени состоит в осознании ответственности не только в отношении выбора себя, но и в отношении сохранения открытости (коммуникабельности) к другому. Особенность данного выбора в том, что исполнитель трансдисциплинарного проекта, выросшего из междисциплинарного, одновременно и участник, и наблюдатель. В этой развилке и формируется позиция выбирающего. Выбор предполагает ощущение свободы и одновременно ответственности — это еще одна развилка. Обе эти развилки, по большому счету, и структурируют сферу трансдисциплинарного контекста. Причем обе формы ответственности совместно реализуются в процессе коммуникативных практик. Мы, таким образом, видим, что социальная ответственность выбора самого себя для современных ученых не является чем-то внешним, неким довеском, неестественным образом связанным с научной деятельностью. Напро-

тив, это — органическая составляющая научной деятельности, достаточно ощутимо влияющая на современную проблематику и направления исследований.

Литература

1. *Бевзенко Л.Д.* Стили жизни переходного общества. Киев: ИС НАН Украины, 2008. С. 61–64.

2. *Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // *Философия науки*. Вып. 11. Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФРАН., 2005. С. 29–53.

3. *Киященко Л., Тищенко П.* Эллипсис междуречья (опыт био-концепто-графии) // *Языки культур: образ-понятие-образ*. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 129–155.

Выбор и знание будущего: от экзистенциальной проблемы к методологии принятия решений*

Когда мы произносим слово «выбор», обычно подразумеваем «свободный выбор». Выбрать, принять решение — значит реализовать свою свободу, что возможно сделать даже в условиях, казалось бы, безвыходных. При этом не всегда эксплицируется то обстоятельство, что «реализация свободы» предполагает ее утрату, обмен ее на что-то, являющееся, по сути, ограничением свободы. Если ассоциировать свободу с множеством вариантов — того, кем мы можем быть, что мы можем делать, чем можем обладать, — то очевидно, до совершения выбора мы значительно свободнее, нежели после. Каждый выбор — самоограничение, закрытие горизонтов возможного. По Ж.-П. Сартру, такое самоопределение лежит у истоков человеческого бытия [1].

Изначально бытие-для-себя (сознание) есть ничто, оно несубстанциально. *Я* возникает тогда, когда сознание делает само себя объектом рассмотрения, то есть когда возникает рефлексия, в результате которой *Я* не находится, а конструируется. Эта ситуация повторяется в жизни каждого человека — он не находит себя как нечто предданное, но обязан конструировать свое *Я* как проект. Каждое действие и каждый выбор подразумевают и выбор себя — одного из множества возможных образов своей личности, который воплощается в человеческой деятельности, складывающейся из множества отдельных поступков.

Концепция Сартра важна как модель, в рамках которой мы обнаруживаем, что, хотя выбор и является отказом от свободы как возможности наполнить *Я* любимым содержанием, одновременно он есть воплощение свободы как автономии *Я*, как самодетерминации, когда действие ориентировано в будущее, которое как актуальное бытие создается самим этим действием, а как возможное — предшествует ему в форме проекта. Другими словами, трагичность ситуации выбора — постоянного расставания с собственной свободой — сглаживается тем фактом, что источником ограничения выступает сам субъект, а не некая внешняя инстанция.

Выбор, как и любое действие, есть то, что совершается в настоящем. Однако настоящее, согласно психологической теории поля, включает

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

в себя не только психологическое настоящее, но и психологические прошлое и будущее, и каждая из этих составляющих способна при определенных условиях оказывать доминирующее влияние на человеческое поведение. В ситуации выбора, связанной с проектированием себя и обстоятельств (определение Я-проекта, данное Х. Ортегой-и-Гассетом), доминирующей составляющей оказывается будущее.

В своей практике мы имеем дело с гетерогенно организованным будущим, то есть наши представления о нем складываются из целей, планов, проектов, желаний — того, что конструируется, и знаний, которые, напротив, получаются в ходе познавательной деятельности. В соответствии с современными представлениями о познании может возникнуть убежденность в эпистемологической первичности планов и проектов. Наиболее радикально такая идея выражена в конструктивистской интерпретации познания. Однако тот факт, что всякой познавательной ситуации предшествует фоновое знание и онтогенетически познание опирается на предданные конструкции — врожденные представления, способности, биологическую организацию (в рамках эволюционной эпистемологии все это относится к знанию), не должен затемнять филогенетической апостериорности знания.

Человек в ситуации выбора не творит из ничего, он опирается на информацию, которую должен принимать во внимание, чтобы принять *верное* решение. Все это определяет набор альтернатив, становящихся предметом выбора. Потребность в информации при принятии решения указывает на то, что любой проект конструируется из чего-то предшествующего ему, любое желание направлено на что-то, лежащее за пределами субъекта, цель возникает по отношению к миру. Любой проект, в том числе Я-проект, в конечном счете опирается на то, что само не является этим проектом, и должен быть вписан в пространство мира не-Я, по отношению к которому проект может оказаться утопическим и нереализуемым. Человеческие проекты, в том числе решения, должны быть согласованы с объективной реальностью, особенно с ее будущим (поскольку проект и выбор, стоящий у его истоков, сами направлены в будущее). В противном случае он будет мечтой, утопией, иллюзией, но не проектом. Таким образом, во-первых, материал, из которого конструируется проект, не относится к самодеятельности субъекта, а во-вторых, проект не просто полагается, он *вписывается* в некоторую перспективу.

Сказанное открывает значение знания в процессе совершения выбора или, в иных терминах, информационного обеспечения принятия решений. Если каждое действие есть реализация свободы и самоограничение и если каждое самоограничение — это выбор себя, то ко всему, что определяет данный процесс, должны предъявляться особо высокие требования.

В этом я вижу пересечение экзистенциального и антропологического измерения проблемы выбора и ее эпистемологических и методологических аспектов. Эпистемолога и методолога волнует, как приобрести надежные знания, позволяющие не ошибиться с выбором.

Из рассмотренного выше соотношения *Я*-проекта и мира не-*Я* можно вывести методологическую норму, в соответствии с которой прогноз должен определять проектную деятельность и планирование, а не наоборот, причем даже в тех случаях, когда до его составления имеются детальные представления о желаемом будущем. Другими словами, прогнозное и информационное обеспечение должно быть избыточным, отвечать не только на поставленный вопрос, но и давать сведения, которые не запрашивались, релевантность (и даже существование) которых изначально не предполагалось. В противном случае наши проекты могут оказаться неадекватными и нежизнеспособными.

Знание о будущем с эпистемологической точки зрения является более проблематичным, чем текущий опыт или воспоминания, редуцируемые к прошлому опыту. Будущего нет и еще не было, поэтому часто утверждают, что знать о нем нельзя. Если же знать о будущих событиях все-таки можно, мир оказывается фаталистически устроенным, что несовместимо с феноменом выбора. Если я знаю, что завтра в восемь утра буду ехать в поезде, в девять — читать лекцию, после полудня отправлюсь на обед, то так и должно произойти, в противном случае нельзя говорить о том, что я *знаю* все это. Выбор тем самым упраздняется как иллюзия. Однако точно так же невозможно решить, ехать ли в выходные за город или остаться дома, если неизвестно, какая будет погода, не будет ли срочной работы, которую нельзя отложить до следующей недели и т.д. Отсюда следует, что выбор возможен тогда, когда будущее является частично открытым, а частично — предзаданным.

Практическая деятельность и результаты научного познания позволяют говорить, что будущее в действительности не является однозначно определенным. А потому знание о нем (прогноз) различается по своему содержанию, включая знания независимых от человеческих действий событий: во-первых, однозначно определенных (неизменных), во-вторых, зависящих от ряда обстоятельств, делающих их возможными (и выступающих в форме набора альтернатив). Поскольку на реализацию событий второго типа человек способен влиять, то знание о будущем предполагает, в-третьих, предвидение альтернатив, связанных с различными человеческими действиями. Наконец, в-четвертых, содержанием знания о будущем могут быть и результаты проектной деятельности — в том случае, если проект мыслится как реализуемый. Следовательно, при принятии решения знание о будущем выступает в двух основных формах: знания об объ-

активных (независимых) событиях, которые необходимы или возможны в будущем, и знания о тех последствиях, которые повлечет тот или иной выбор.

Согласно Сартру, каждый отдельный выбор — не только шаг к определенному индивидуальному *Я*-проекту, но и движение к определенному проекту человека вообще. Каждый из нас самым незначительным поступком вносит свою лепту в будущее человечества. Сегодня эта мысль теряет свое экзистенциальное измерение и превращается в проблему повседневного процесса принятия решений в сфере бизнеса и политики. Действительно, в обществе, опирающемся на инновационную деятельность и развитие технологий, в которых все большую роль начинают играть те, что связаны с имитацией и модификацией живого вещества и сознания, предметом выбора оказываются действия, непосредственно связанные с проектированием образа человека и, более того, его радикальной биологической и психологической, а значит, существенной трансформацией.

Наиболее масштабный уровень реализации такого выбора — определение перспектив развития научно-технической сферы, а следовательно, и цивилизационных перспектив. Прогнозирование таких областей осложнено рядом факторов. Первый из них заключается в том, что мы имеем дело со сферой, приобретающей характер сложной саморазвивающейся системы, предсказания развития которой весьма отличаются от предсказаний будущих состояний закрытых систем. В отношении них метод экстраполяции временных рядов и наблюдаемых тенденций ограничен краткосрочным горизонтом. Только в рамках этого горизонта можно пренебречь таким продуцирующим неопределенность фактором, как получение нового знания. Именно он накладывает принципиальное ограничение на возможность долгосрочного прогнозирования научно-технического прогресса. Еще одним фактором, хаотизирующим динамику, выступает человеческая деятельность. Более того, множественность акторов и их часто несогласованные действия делают непредсказуемым развитие и в средне- и краткосрочной перспективе. Наконец, все эти факторы взаимопересекаются, давая синергические эффекты, непредсказуемые эффекты перекрывания, повышения или снижения интенсивности, уничтожения и т.д.

На возрастающую проблематичность прогнозирования накладывает, с одной стороны, уменьшение сроков, когда должно быть принято решение, сочетающееся с увеличением количества объектов и процессов, которые это решение затрагивает, а значит, информации, которую необходимо принимать во внимание. С другой стороны, пропорционально росту задействованных объектов увеличиваются пространственные и времен-

ные масштабы последствий принимаемых решений. При этом, поскольку научно-технические инновации становятся фактором глобальной рыночной динамики и конкуренции, выбор подчас носит характер опережающего и упреждающего, и даже быстрота принятия решений в реактивной ситуации теряет соразмерную ценность, уступая ценности превентивного действия, нередко заставляя игнорировать растущие в связи с этим риски. Еще одной проблемой становится необходимость принимать некоторые решения не только узким кругом лиц, но в рамках широкого общественного представительства (в противном случае в демократическом обществе получаем недемократические процедуры выбора общего будущего ограниченным кругом лиц).

Ответом на обозначенные реалии могут стать новые методы прогнозирования и принятия решений. Наиболее перспективным мне видится форсайт-подход. Сегодня он используется в основном в интересах корпоративного или государственного управления, сводящегося по большей мере к экономической, политической и т.п. прагматике, оставляя оценку цивилизационных рисков за рамками приоритетов. Однако появление социально ориентированных форсайт-проектов свидетельствует о предметной нейтральности этого метода и возможности его более широкого использования, в том числе для выработки цивилизационных стратегий.

Прежде всего, форсайт позволяет работать в специфической ситуации развития знания, которая характеризуется одновременно нехваткой информации и наличием большого объема сведений разного уровня надежности. Прогнозирование научно-технического развития — качественное, опирающееся на экспертные методы, выявление слабых сигналов, джокеров, зачатков будущих исследовательских прорывов и открытий. Оно требует обращения ко всем возможным источникам информации и наиболее полного их представления, творческого, нетрафаретного подхода к обработке полученных данных и при этом выработки на основе такого массива разнообразных представлений о будущем ограниченного числа наиболее вероятных, а в идеале — одного или немногих, которые возможно положить в основу управленческих решений. Все это реализуется в форсайт-исследованиях, опирающихся на целый ряд экспертных методов (Дельфи, опросы, экспертные панели, семинары), сочетающихся с методами количественного прогнозирования и работы с большими массивами данных (в том числе с использованием информационных систем).

Помимо методологического разнообразия и выработки техник комплексного применения различных методов, форсайт отличает многостадийность исследования. Форсайт начинается со сбора по возможности

наиболее полной информации, включая ту, которая существует в форме экспертных знаний, после чего эта информация подвергается нескольким этапам анализа, корректировки и дополнения с сужением круга экспертов, изменением используемых познавательных процедур и, наконец, смещением акцента с прогностических задач на задачи принятия решений. На этих этапах форсайт демонстрирует возможность предоставить не только прогнозное и, шире, информационное обеспечение процессу принятия решений, но и подготовить его реализацию. Ситуация выбора, как показано выше, предполагает учет, с одной стороны, объективных условий, относящихся к будущему, с другой — образов желаемого, позволяющих, выбирая, конструировать будущее. Форсайт, опираясь на принцип вариативности будущего и представляя его в виде набора перспектив, открывает возможность для более гибкого перехода от прогноза к плану и проекту. Поэтому результатами форсайта становятся не только прогнозы, но и рекомендации в отношении тех решений, которые стоит принять с учетом выявленных тенденций, перспектив, последствий нынешних событий и рисков.

Получаемые рекомендации дополняются еще одним результатом форсайта, на котором методологи делают особый акцент. Речь идет о формировании в процессе форсайт-деятельности сетей взаимодействия различных социальных субъектов. Этот эффект порождает коалиционность в процессе выработки не только прогноза, но и стратегии развития, а значит, в процессе выбора. Интерсубъективность превращается из проблемы (и источника экзистенциального ужаса в концепции Сартра) в основной принцип принятия решений. Это не только соответствует демократическим принципам, но имеет прагматическое значение, уменьшая неопределенность будущего, связанную с несогласованностью человеческих действий. Провозглашая будущее объектом прежде всего не познания, а создания (что не противоречит принципу первичности познания, ибо, чтобы сделать, надо сначала узнать, как), идеологи и методологи форсайт-подхода выдвигают принцип сотрудничества в качестве основного.

При этом форсайт направлен на долгосрочное прогнозирование и раннее обнаружение новых трендов. Это отвечает потребности в превентивных действиях и позволяет более эффективно выстраивать деятельность в кратко- и среднесрочной перспективе, переходя от модели реагирования и тактических движений к модели стратегического планирования. Вместе с тем опережающее реагирование здесь не связано с поспешностью и невозможностью детальной и глубокой оценки ситуации и ее перспектив. Увеличение горизонта планирования позволяет готовить важные решения действительно заранее. Кроме того, длительный срок упрежде-

ния необходим и для обнаружения неявных, далеко отстающих во времени рисков. Долгосрочный характер форсайт-прогнозирования, очевидно, в полной мере отвечает задачам управления научно-техническим развитием.

Выработка разделяемого всеми представления о будущем в рамках форсайта является результатом не только познавательной деятельности, как это предполагается в рамках классического понимания прогнозирования. Собственно познавательная деятельность в форсайт-проектах дает набор альтернатив, вероятность реализации которых оценивается наиболее высоко по сравнению с другими вариантами либо — и это очень важный момент — реализация которых может быть маловероятной, но крайне желательной. Полученные альтернативы, включая фиксацию их последствий, необходимых для их осуществления шагов, требуемых затрат и т.д., становятся предметом выбора. При этом, несмотря на обозначенную выше стадийность, в форсайт-проектах не всегда удается зафиксировать переход от исследовательской к социально-конструирующей деятельности. Во многом это обусловлено и тем, что выбор включен в процесс приобретения знания, обстоятельства которого отличаются незавершенностью, проявляющейся в разных формах — в невозможности установить истинность универсального знания, зафиксировать нейтральный эмпирический базис или сформулировать нейтральный язык описания и т.д. Остановку в процессе обоснования знания, доказательства и проверки теорий нельзя представить как детерминированную исключительно условиями познавательной ситуации. Обусловленность не устраняет необходимость принятия решения, а решения, как отмечает К. Поппер, не выводятся из фактов [1, с. 96]. В форсайте выбор осуществляется и на этапе отсева нерелевантной информации, и значительно позднее — на этапе финального обсуждения сценариев с целью определить, какой выбрать в качестве базового для осуществления деятельности. Отсюда можно сделать вывод, что форсайт не только служит адекватным основанием для принятия решений, но и является практикой, отвечающей тому пониманию познавательной деятельности, которое сложилось в результате развития эпистемологии и философии науки в XX веке. Оно дает более сложную картину отношений между процессом принятия решений и процессом его информационного обеспечения, показывая, что последнее тоже опирается на какие-то решения (из чего, кроме того, нужно заключить об отсутствии особой проблематичности прогнозного обеспечения по сравнению с анализом текущей или прошлых ситуаций). Это свидетельствует о неустранимой рискованности любого выбора и невозможности абсолютно оптимального — в долгосрочной перспективе — решения. Отсюда сле-

дует не довод в пользу скептицизма и принципа недеяния, а требование там и тогда, где и когда это возможно, воздерживаться от окончательных решений, помнить о необходимости корректировки реализуемых проектов и, следовательно, о необходимости не только предваряющего, но сопровождающего информационного, в частности прогнозного, обеспечения принятия решений.

Литература

1. *Понтер К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
2. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

Рацио и интуиция в принятии решений

Ситуация морального выбора отличается тем, что любое решение приносит человеку определенные потери и причиняет боль, так как придется выбирать между различными ценностями, и выбор одного варианта означает отказ от другого, возможно, не менее ценного. Для того чтобы совершить такой выбор, важно иметь решимость и мужество. Колебания и долгое промедление в выборе могут привести к тому, что ситуация начнет развиваться по наихудшему сценарию, и тогда уже останется лишь сожалеть о том, что момент, когда можно было все изменить, безнадежно упущен.

В таких ситуациях недостаточно средств одной лишь практической психологии, которая может помочь оптимизировать выбор, рационально осознав все альтернативы и выбрав наилучшую. Стратегия выбора включает в себя, кроме рациональной, немалую часть иррациональной составляющей. И эта часть также доступна для изучения современной науке. Для этого важно понять систему убеждений и ценностей, которые вовлечены в процесс выбора, способ ранжирования ценностей (который у каждого человека свой) и то, каким образом работают те или иные убеждения, особенно ограничивающие (что тоже крайне индивидуально). Таким образом, для наилучшего понимания процесса выбора необходимы, кроме психологии, средства других наук, изучающих психологию морали, в частности, а также этики и философии.

Насколько вообще нам известно, как именно происходит выбор? Осознание этого сложного процесса может позволить понять очень многое в нашей жизни. Обычно то, что человек осознает в процессе принятия своих решений — лишь так называемая «поверхностная структура», либо же последние 1–2 шага этой стратегии, поэтому каждому бывает весьма удивительно узнать, что же происходит «за кулисами». Зачастую стратегия, работающая в одном случае (ее можно выявить с помощью специальных вопросов, разработанных в модели нейро-лингвистического программирования — НЛП), будет работать и в других сходных ситуациях, так как принятие решения — это действие, часто повторяющееся, а мозг стремится оптимизировать любое повторяющееся действие, обобщая однажды приобретенный опыт на все случаи подобного класса. Так что кроме глубинной стратегии принятия решения вообще важно учесть также то, какие ситуации воспринимаются как принадлежащие к одному классу задач, а какие являются чем-то качественно иным. Таким образом, для

того чтобы максимально ясно понимать стратегию принятия решений, важно знать, каким образом человек ранжирует события, требующие принятия решения. В ситуациях, которые субъективно воспринимаются как одного порядка важности, по всей вероятности, стратегия выбора будет схожей. В то же время крайне важные события, влияющие на всю судьбу, могут не только восприниматься по-особенному, но и выбор в таких случаях может совершаться не так, как обычно.

Важных, судьбоносных событий, имеющих серьезные последствия, и соответственно, судьбоносных выборов, в жизни не так много, а выбор человек совершает ежедневно по много раз. Поэтому полезно выделить так называемые повседневные решения, во время которых мы можем, например, выбирать, каким маршрутом автобуса поехать, куда пойти отдохнуть вечером, какое блюдо заказать в кафе, какого цвета купить зонтик и т.п. В частности, при покупке того же зонтика может в разной степени важности играть роль ряд факторов: любимый цвет, оптимальное (для данного индивида) соотношение цена-качество, стремление покупать вещи определенной фирмы или наоборот равнодушие, а то и принципиальная неприязнь к «брендам», быстрота принятия решения, наличие вариантов и т.п. В частности, большое количество предлагаемого товара не всегда способствует окончательному принятию решения о покупке — после определенного количества просмотренных вариантов мозг уже не может воспринимать и сравнивать, но не может и перестать это делать, так как для завершения операции выбора нужно ощущение, что данный выбор — наилучший. При чересчур большом количестве вариантов покупатель продолжает сравнивать, даже совершив покупку, и у него нет уверенности, что он сделал правильный выбор, ему кажется, что он чего-то не учел, где-то осталось незамеченным лучшее — лучшего качества и по более привлекательной цене, и т.д.

Распознаванию стратегий принятия решений при покупке обучают при продажах на всяческих тренингах, и опытные продавцы действительно становятся более успешными за счет умения «считывать» стратегию каждого покупателя. Впрочем, даже простое следование инструкциям, полученным на тренингах продаж, дает хорошие результаты, так как количество стратегий принятия решения не бесконечно, и можно с определенной степенью уверенности предположить, что большинство из них психологам известно. Современные производители и продавцы стремятся прорабатывать рекламные ходы таким образом, чтобы не просто привлечь внимание потенциального клиента или покупателя и довести его до принятия решения о покупке, но и помочь ему после совершённой покупки остаться в уверенности, что он сделал правильный выбор, не начал раскисать и переживать о том, не совершил ли он ошибку. По поводу пос-

ледного интересно остановиться на так называемом «парадоксе выбора», что наблюдается в развитых индустриальных обществах, о котором пишет психолог и социолог Барри Шварц [4].

Парадокс выбора

Ценность свободы выбора считается необходимой, непреложной истиной в современном западном обществе. Люди, наделенные свободой, способны самостоятельно принимать решения, самостоятельно действовать и, таким образом, наращивать общественное благосостояние. Для этого необходимо предоставление большего выбора во всем, что касается жизни — начиная от предметов повседневного потребления и прочих материальных благ, заканчивая свободным выбором способов построить свою карьеру или личную жизнь.

Однако эта истина скрывает под собой своеобразные подводные камни, которые приводят к тому, что чрезмерная свобода выбора не только не делает жизнь людей лучше, наоборот — она сильно затрудняет сам процесс выбора, порой просто-таки парализуя его, и в итоге делает людей более несчастными! Как именно это происходит?

Слишком большое разнообразие товара в магазинах приводит к тому, что покупатель не в состоянии выбрать лучшее, точнее у него нет субъективного ощущения, что он выбрал лучшее, потому что у него просто нет возможности охватить мысленно все это количество и сопоставить все свойства. В итоге он, во-первых, не получает от покупки такого удовольствия, какую он мог бы получить, если бы не тратил столько энергии на выбор, а во-вторых, уже после совершения покупки он невольно снова и снова мысленно возвращается к тем вариантам, которыми он пренебрег, и терзается сомнениями, что, возможно, он приобрел не самое лучшее из того, что было. Разумеется, сказанное относится к развитым странам, где изобилие различных товаров уже дошло до немислимых пределов.

Однако в плоскости постоянного выбора нынче находятся не только наши покупки и услуги. Мы сами решаем, какими быть нашей личности: современные психотехнологии учат, как менять свой характер, установки, как справляться с негативными эмоциями и даже менять темперамент; всяческие биотехнологии предоставляют нам возможность менять тело, лицо... Так что сама наша индивидуальность теперь — продукт нашего выбора! Что касается личной жизни, семьи и брака — веками эта область нашей жизни была строго регламентирована обществом, религиозными, нравственными и юридическими законами. Каждый знал, что по достижении определенного возраста надо вступать в брак с партнером противо-

положного пола и желательно с ним же и жить до конца жизни, рожать детей, строить дом, вести домашнее хозяйство, — все это было обязательным, и никто не был свободен в этих вопросах. Определенный элемент свободы был разве что в том, с кем именно создавать семью, хотя даже эта разновидность свободы была доступна немногим... В наше же время доступны любые варианты, и конечно это прекрасно с точки зрения гуманистических ценностей. Однако теперь у молодых людей появились новые поводы для серьезных размышлений, и зачастую эти размышления отнимают очень много сил и энергии, и самое грустное — никто не знает правильного ответа. Любой вариант построения личной жизни чреват разочарованиями и болью, однако теперь появились новые источники для разочарований.

Один из них называется «альтернативные издержки». Альтернативные издержки (или упущенная выгода) убивают удовольствие от выбора, даже в случае, если то, что мы выбрали, — изумительно. В связи с тем, что было чересчур много вариантов в момент выбора, и мы были не в силах проверить их все, все эти невыбранные варианты кажутся нам более привлекательными, начинают восприниматься как упущенная выгода. Этот механизм работает как в случае с покупкой телефона или соуса, так и с выбором спутника жизни: то, что мы не выбрали, представляется лучшим, нежели то, что у нас есть, и эти мысли и чувства мешают радоваться моменту. Нафантазированные привлекательные черты того, от чего мы отказались, делает нас недовольными своим выбором, и это недовольство тем больше, чем больше вариантов осталось невыбранными... Чем шире выбор, тем вероятнее ощущение упущенной возможности. Более того, чем больше у нас альтернатив, чем они разнообразнее, тем выше наши ожидания, а чем выше ожидания, тем выше вероятность разочарования от собственного выбора — и так по кругу. Так мы получаем уменьшение ощущения удовольствия не только от покупок, но и от жизни в целом, и в итоге — от счастья вследствие чрезмерно большого выбора всего, что нас окружает.

Обеспеченные жители современных развитых стран живут в мире, полном удивительных вещей и возможностей, и именно потому, что они осведомлены о том, сколько всяких возможностей существует, их уже нельзя ничем удивить или поразить, а вот разочаровать — очень легко.

Еще один нюанс — когда мы не очень довольны положением дел, которые от нас не зависят, мы страдаем меньше, нежели когда мы уверены, что могли бы не допустить этого. В последнем случае мы имеем двойное недовольство — недовольство тем, что мы выбрали (опять же, будь то джинсы или партнер), а также недовольство самим собой за то, что мы совершили ошибку. Современный человек, зная, что он сам выбрал обсто-

ательства своей жизни, гораздо больше склонен разочаровываться и впоследствии винить себя, несмотря на то, что он добивается и имеет объективно гораздо больше, нежели это было раньше. Бесспорно, похвальное умение брать на себя ответственность за свою жизнь в сочетании с завышенными ожиданиями от жизни и от самого себя может на деле привести к самообвинению и депрессиям.

Выбор и ответственность

Выбор — это определенная форма внутренней работы, деятельности, и можно сказать поэтому, что выбор, даже однажды совершённый, длится постоянно. Существуют разные его этапы, но на каждом этапе необходимо осознание. Это значит, что недостаточно однажды выбрать, а далее отдыхать и считать, что все так и пойдет, как мы выбрали. Пассивность может не только лишить шанса того, кто не выбрал в нужный момент, но и того, кто полагает, что теперь, после однажды выбранного, все пойдет само собой, и перестает работать над ситуацией. Сказанное относится к любому выбору, имеющему долгосрочные последствия — будь то выбор профессии, спутника жизни, города или страны проживания. Недостаточно просто сделать хороший выбор — надо постоянно совершать много правильных мелких выборов, которые будут укреплять нас в выбранном направлении, не давать иссякнуть мотивации (в случае с выбором профессии, места учебы или работы), поддерживать отношения на достойном уровне (в случае выбора спутника жизни)... Пребывая же во власти иллюзии, что найти правильное решение вполне достаточно, человек возлагает чрезмерные надежды, которые зачастую не оправдываются, в результате разочаровывается и теряет все былые преимущества.

Другими словами, не менее важно и то, что происходит после выбора, человек еще должен подтверждать свой выбор, прикладывать определенные усилия...

У нас же принято считать, что если человек разочаровался — значит выбор был сделан неправильно, нужно выбрать другой вариант (другой вуз, другую профессию, другого человека для построения семьи и т.п.), или же корить за себя за неправильный, ошибочный выбор. На самом деле выбор заключается не в том, чтобы найти единственно верный вариант и потом успокоиться. Такого варианта может и не быть. Совершить выбор, а главное — взять за него полную ответственность, необходимо.

Ответственность за совершённый выбор распространяется не только на ту его часть, которая осознана и может быть рационально объяснена, но и на иррациональную, неосознаваемую. Другими словами, даже когда

человек говорит, что он сам не понимает, почему поступил определенным образом, он все равно несет ответственность за последствия своего выбора. Бессознательно сделанный выбор — тоже выбор, и он тоже наш! Более того, как уже говорилось выше, большая часть нашей внутренней жизни, в том числе в процессе выбора, происходит в области бессознательного, или иррационального.

Роль иррационального в ситуации морального выбора

Поскольку количество единиц информации, которую человеческий мозг может одновременно удерживать в поле внимания, ограничено, большая часть ее переносится на бессознательный уровень. В коммуникации важна именно такая бессознательная компетентность, которая помогает мгновенно найти максимально правильный выход из любой ситуации, ведь особенностью законов этой реальности является их жесткость наряду с изменчивостью и неопределенностью, невозможностью постижения их только лишь силой разума, знаний. Сознание человека не ограничивается только рациональной частью. Стремление современного человека обращать внимание лишь на логические выкладки, игнорируя те «неясные», неопределенные знаки и символы, которые посылает бессознательное, сослужило ему не самую лучшую службу. Игнорирование возможности доступа к такому знанию, которое можно еще, пожалуй, назвать интуитивным, или скрытой мудростью, не исключает того факта, что бессознательное тем не менее работает всегда. Обычно оно занято переработкой информации (мыслительной или эмоциональной), полученной извне: то могут быть какие-либо переживания, неотвязные мысли, идеи и т.п. Эта деятельность может осуществляться как с отрицательным результатом, если человек постоянно углубляется в негативные чувства, переживания (что бывает при неврозах или навязчивых состояниях), так и с положительным итогом — все великие открытия, мгновения вдохновения, озарения происходят именно благодаря невидимой работе бессознательного. В данном случае под «бессознательным» подразумевается часть личности, которая не контролируется сознанием. Это понятие является объединяющим рациональное и интуитивное, как некая глубинная основа личности.

В. Франкл вводит даже понятие «подсознательной духовности», которая «содержит источники и корни всего сознаваемого». По его мнению, «“Я” не находится во власти “Оно”, но дух покоится на бессознательном». Психотерапевт полагает, что основы совести надо искать в области иррационального, или бессознательного, так как «большие и подлинно экзис-

тенциальные решения в жизни человека всегда нерелексируемы и тем самым неосознанны; истоки совести восходят к бессознательному» [5, с. 96–97]. Отличие сознания в том, что ему открыто сущее, которое доступно рациональному познанию. Совесть же апеллирует не к сущему, а к должному, к тому, что может (и должно) быть осуществлено, проявляя необходимость более высокого порядка. Собственно, знание о том, каким должен быть человеческий выбор, — это не только рациональный подсчет всех «плюсов» и «минусов», а еще и интуитивное постижение нравственной основы выбираемого варианта, что возможно лишь при глубоко постижении человеческой личности.

«Только совесть может как бы согласовать “вечный”, всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека. Жизнь по совести — это всегда абсолютно индивидуально-личная жизнь в соответствии с абсолютно конкретной ситуацией, со всем тем, что может определять наше уникальное и неповторимое бытие. Совесть всегда учитывает конкретность моего личного бытия», — пишет В. Франкл [там же, с. 98].

Можно утверждать поэтому, что именно совесть как нравственный механизм может при принятии важных решений помочь избежать роковых ошибок, за которые стало бы впоследствии «мучительно стыдно», и помочь сохранить целостность личности.

С помощью рассудка, рациональной части личности можно знать и оценивать то, что уже было когда-то пережито в реальном опыте. Также может быть эффективным интеллектуальное осмысление как некое предвидение, «мысленная подготовка» к предстоящему событию. Когда же речь идет о выборе в совершенно неизведанной области и человек как бы делает шаг в полную неизвестность, нравственными ориентирами для него могут служить лишь общечеловеческие ценности. Правда, тут может возникнуть (и нередко возникает) проблема выбора между различными ценностями, каждая из которых требует абсолютно полного соблюдения. Трудно переоценить в данной ситуации роль литературы и искусства. Именно там личность черпает опыт духовной и эмоциональной жизни, проживаемой героями художественных произведений, тем самым как бы подготавливая себя к восприятию схожих жизненных коллизий. Чрезвычайно важен поэтому нравственный посыл, закладываемый в книги, фильмы, спектакли, который может как возвышать, вдохновлять, давая силу верить в лучшее в человеке, так и — увы! — подпитывать цинизм и недоверие.

Впрочем, анализ художественных образов в искусстве и их влияния на психологию и нравственность современного человека — тема отдельного разговора.

Литература

1. *Гилберт Д.* Спотыкаясь о счастье / Пер. с англ. И. Шаргородской. М.: Кноpf, 2006.
2. *Майленова Ф.Г.* Выбор и ответственность психологическом консультировании. М.: КСП+, 2002.
3. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревича, общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 207–228.
4. *Шварц Б.* Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше» / Пер. с англ. Д. Скворцова. М.: Добрая книга, 2005.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Научное познание: выбор и оценка

Обращение автора к вынесенной в заглавие теме обусловлено главным образом тем, что выбор и оценка в процессе и структуре научного познания продолжают оставаться на периферии внимания специалистов в области философии и методологии науки. Последнее обусловлено рядом причин, важнейшими из которых оказались многолетнее противопоставление «аксиологии» «гносеологии» и связанный с этим отказ в признании гносеологического статуса понятия «оценка». Будучи записана по ведомству «аксиологии» оценка до сих пор интерпретируется как процедура отнесения к тем или иным ценностям, которые, будто бы, выступают ее основанием и критерием. Между тем это не так. Если ценность характеризует лишь *положительную* значимость вещей и процессов для человека, то оценка не сводится только к определению ценности, а связана с вычленением *функциональной* значимости объектов и средств реализации во всех видах деятельности человека, реализуясь во внутреннем и внешнем планах.

По мнению автора, оценка имманентна научной и венаучной формам познания, она предпослана процедурам рационального выбора и включена в эти процедуры как их неотъемлемая часть. Попробую обосновать и конкретизировать эту идею.

* * *

Реализуясь в конкретных институционализированных формах, испытывая влияние «внешней» социальной истории, научное познание вместе с тем обладает относительной самостоятельностью, имеет собственную («внутреннюю») историю: производство нового знания в науке всегда базируется на апробированном прошлом и настоящем теоретическом и эмпирическом основании, которое, будучи предпосланным науке «переднего края», обеспечивает преемственность, единство процесса познания и во многом определяет *логику* его последующего функционирования и развития.

Характерной чертой последней является то, что теоретические и эмпирические предпосылки, которые выступают в качестве необходимого условия (причины) становления системы научного знания, одновременно являются и результатом (следствием) ее собственного бытия. Этот процесс перманентного превращения предпосылок научного исследования

в результаты его собственного бытия, а этих последних — в условия дальнейшего развития осуществляется в форме так называемого «оборачивания метода» и представляет собой, по мнению специалистов, общую схему (закон) развития научного познания в целом.

Временно абстрагируясь от социокультурной детерминации научного познания и акцентируя внимание на ее «когнитивном» аспекте, следует сказать, что «оборачивание метода», которое не без оснований считают логическим механизмом производства необходимых предпосылок развития науки [10, с. 17], является выражением такой динамической характеристики познания, как возможность постоянного изменения функционального статуса знания в системе научной деятельности. Будучи закономерным итогом предшествующего развития научных исследований, новое знание в то же время потенциально является условием, предметом и средством последующей научной деятельности. Функционируя в этом диапазоне, новая научная идея, гипотеза или теория объективно имеют возможность раскрыть все стороны своего содержания, реализовать свою методологическую, методическую, прогностическую и иную научную ценность и тем самым в какой-то мере определить будущее развитие науки.

Но для того, чтобы данная возможность стала действительностью, необходим и такой субъективный фактор, как адекватная оценка. Если попытаться в самом общем виде сформулировать роль оценки в развитии когнитивного плана научного познания, то можно сказать: эта роль в конечном счете сводится к тому, что выявляя функциональные характеристики, ценностные параметры знания и, следовательно, активно влияя на характер и эффективность их последующего использования в сферах собственно научных исследований и внутринаучной коммуникации, оценка выступает необходимым субъективным компонентом «механизма» внутренней детерминации научного познания, фактором, в известной мере определяющим направленность его самодвижения. Попытаемся конкретизировать это утверждение, рассмотрев научное познание в единстве его взаимосвязанных аспектов: производства, обмена и потребления нового знания.

Эта взаимосвязь, по существу, имеет диалектический характер, ибо, строго говоря, любой отдельный эвристический акт предполагает в качестве своей имманентной стороны процессы обмена и потребления «живого» и овеществленного знания. Но в научном познании как системном целом эти процессы в известной мере обособляются, что и позволяет рассматривать их как определенные этапы генезиса нового знания в науке. Здесь в качестве относительно самостоятельных выделяются: а) собственно эвристический этап, целью и результатом которого является производство новой научной информации; б) этап апробации и оценки данной

информации научным сообществом, в зависимости от которой она принимается (либо не принимается) в качестве «установленного знания»; и, наконец, в) заключительный этап использования этого знания в функции непроблематизируемой предпосылки и средства дальнейшего научного поиска. Поэтому когда возникает вопрос о перспективах бытия новых научных идей, гипотез, открытий, следует иметь в виду, что их «судьба» в науке определяется не только такими объективными характеристиками, как истинность и ценность, но в определенной мере зависит и от оценки специалистов, научной общественности, неадекватность которой, например, влечет за собой на какое-то время потерю части ценной научной информации и, следовательно, тормозит научный прогресс.

Несмотря на то, что оценка и последующий отбор новой информации выделяется в науке в относительно самостоятельную процедуру, было бы неверно ограничивать сферу действия оценки и, следовательно, ее роль в научном познании только этой областью и этой функцией. В действительности они значительно шире. Это вполне понятно, если не забывать, что любой отдельный исследовательский акт представляет собой планомерную, особым образом организованную деятельность, которая не может быть подготовлена, осуществлена и вновь воспроизведена без осознания значимости ее составляющих.

Конкретное эмпирическое либо теоретическое исследование, его процессуальная сторона обладает достаточно высокой степенью свободы в том смысле, что оно, как правило, может быть реализовано различными средствами и способами. Поэтому научные исследования всегда начинаются и осуществляются в ситуации, которая предполагает выбор из числа имеющихся в распоряжении ученого установленных знаний и новой научной информации тех (той), которые, по его мнению, могут быть использованы в качестве наиболее адекватных способов и средств решения проблемы¹. Так как этот выбор связан с дифференциацией принципов, методов, методик, понятийного аппарата и других известных ученому потенциальных средств познания по их значимости в контексте предполагаемого научного поиска, можно утверждать, что *выбор и оценка являются одним из условий и факторов организации начала научного исследования*. На этом этапе научного творчества оценочный акт, как и всегда, производится по самым разным основаниям, правда при доминирующем влиянии предварительно имеющегося у субъекта общего представления о типе исследуемой проблемы, на основе которого формируется гипотетический план ее решения.

---

¹ Эта ситуация распространяется и на материальные условия и средства исследования.

Конечно, часто ученый находится в ситуации, когда и тип, и характер проблемы, совокупность познавательных средств и действий, необходимых для ее решения, и их эвристическая ценность ему в принципе известны. В каждой науке существует ряд стандартных проблем и апробированных концепций, методов, методик, научных «языков», использование которых не проблематизируется, поскольку в научном мышлении они обладают закрепленной ценностно-нормативной функцией, а потому если и оцениваются, то чаще всего формально (некритически) и положительно. Оценка здесь, как правило, осуществляется в «автоматическом режиме» и нередко ускользает из-под контроля сознания. Это, безусловно, имеет свои «плюсы», так как позволяет «не мудрствуя» понапрасну надежно достигать цели проверенными средствами и кратчайший путем, то есть работать профессионально. Но этот же профессионализм может стать сдерживающим фактором, когда исследователь сталкивается с проблемами, решение которых требует выхода за пределы «установленного знания» и пересмотра многих, казавшихся ранее очевидными положений. В периоды научных революций происходит переоценка отдельных ценностно-нормативных структур научного мышления в ходе выдвижения и обоснования нестандартных гипотез.

Но и в обычном, «типовом» исследовании, проводимом в рамках действующей «парадигмы», присутствует критико-оценочный компонент в той мере, в какой изучаемая проблема, будучи стандартной в плане выбора методологических принципов и подходов к ее исследованию, вместе с тем требует нетривиальных ходов мысли, оригинальных методических решений. И тут возникает эвристическая ситуация, попадая в которую теоретик или экспериментатор неизбежно вынужден отказываться от первоначально принятых замыслов, рабочих гипотез, познавательных средств, то есть пересматривать стационарный и операциональный «планы» решения проблемы. В психологическом аспекте эта ситуация характеризуется выдвижением новых (вербализованных и невербализованных) замыслов и гипотез [2, с. 128], которые в структуре научного мышления выполняют регулятивную функцию и имеют статус оперативных образов, направляющих творческий процесс и служащих основанием переоценки характера проблемы, значимости средств, используемых для ее решения, и вариационной стороны научного поиска. «Гипотезы, — подчеркивает Э.Д. Телегина, — выступают как одно из функциональных образований в структуре мыслительной деятельности, выступая, с одной стороны, как результат исследовательской деятельности, с другой — как средство ее изменения, направления, регулирования, как критерий оценки последующих действий» [8, с. 48].

Не имея возможности более детально проанализировать эвристические функции оценки, отметим лишь то, что все типы оценок¹, во-первых, играют весьма значительную роль в формировании условий и выборе средств научного исследования, и во-вторых, контролируют и регулируют процесс научного творчества, определяя значимость его промежуточных и конечных результатов. Например, если мы обратимся к такой форме эмпирического исследования, как эксперимент, то убедимся, что его успешное осуществление предполагает преднамеренное моделирование такой ситуации, в состав которой отобраны наиболее значимые условия и средства наблюдения, позволяющие провоцировать и наиболее адекватно фиксировать ожидаемое (в соответствии с целевой гипотезой) поведение объекта. Наряду с этим уже в процессе проведения эксперимента, состоящего как правило из нескольких серий опытов, условия его протекания и работа приборов постоянно критически оцениваются с позиций исходных представлений о необходимой степени «чистоты» и точности измерений, а из числа промежуточных результатов отбираются те, что наиболее значимы в контексте подтверждения либо опровержения проверяемой гипотезы.

Когда же наблюдаемый эффект не соответствует планируемому результату и особенно когда наблюдается нечто совершенно неожиданное, адекватная оценка приобретает особое значение. Дело в том, что хотя в общем научное открытие есть итог целеполагающей деятельности, доля непреднамеренных («сверхцелевых» и «квазичелевых») открытий в научном познании весьма значительна. Но значительно и число случаев, когда экспериментатор мог, но не сделал выдающегося открытия только потому, что смысл наблюдаемого явления не был им правильно понят. Для эпистемологии объяснение этих фактов истории познания представляет определенную сложность, связанную с необходимостью ответа на вопрос о том, возможно ли адекватное чувственное восприятие, а тем более правильная интерпретация и понимание случайно наблюдаемого явления действительности, которое до сих пор не встречалось в обыденной и научной практике.

В общем виде положительный ответ на этот вопрос обосновывается доказанным современной психологией фактом влияния категориальных структур мышления на восприятие («категоризацию восприятий») [1, с. 14–25], воздействия теоретического и, шире, интеллектуального контекста, попадая в который новые чувственные данные и данные наблюдения приобретают определенный «здоровый» и «научный» смысл, ста-

---

¹ Социальные, личностные, профессиональные, ситуационные, оперативные и др. Подробнее см. [4, с. 57–58].

новятся понятными благодаря всеобщности содержания понятий и категорий, при участии которых идет процесс интерпретации: то есть установление ассоциативной связи нового и неизвестного с уже познанным конкретным через абстрактное. Иными словами, теоретическая «вооруженность» ученого, его общая научная и, что не менее важно, философская эрудиция делают потенциально возможным случайные экстраординарные открытия. Но эта возможность далеко не всегда реализуется в действительной научной практике. В каждом конкретном случае тому есть общие и частные причины. Укажем лишь на одну, связанную с конкретно-исторической динамикой ценностно-оценочных характеристик теоретического знания.

В истории научного познания есть немало примеров, когда открытия не были сделаны не только потому, что в распоряжении ученого не было соответствующих теоретических представлений, позволяющих правильно проинтерпретировать (а значит, и понять) физическую природу наблюдаемого явления, но и в связи с тем, что эти представления еще не получили в науке статус «установленного знания» и, следовательно, не вошли в состав ценностно-нормативной структуры сознания экспериментатора. Свидетельством, подтверждающим высказанное мнение, может служить история эмпирического открытия волновых свойств электрона. Известно, что К.Дж. Дэвидсон и Дж.П. Томпсон независимо друг от друга открыли волнообразность электрона в 1927 году. А потом выяснилось, что Дэвидсон уже наблюдал электронную дифракцию шестью годами ранее — в 1921 году, но не смог понять странную картину, получающуюся при работе с электронами и никелиевым кристаллом [3, с. 110–111].

Обычно этот исторический факт приводят только как пример, подтверждающий мысль А. Эйнштейна о том, что «лишь теория решает, что мы ухитряемся наблюдать». В общем виде такая оценка, конечно, верна, но она нуждается в определенном уточнении. Действительно, теоретическое обоснование волновых свойств электрона было сделано Луи де Бройлем лишь в 1924 году, то есть почти через три года после того, как Дэвидсон наблюдал дифракцию электронов в кристаллах. Означает ли это, что без этого революционного шага в области «чистой теории» волновые свойства элементарных частиц в принципе не были доступны пониманию физиков-экспериментаторов? Исходя из общих соображений, касающихся сути процесса понимания и анализа конкретных условий того периода истории физики микромира, на этот вопрос, думается, следует дать отрицательный ответ. Прежде всего потому, что не только специальная теория ответственна за понимание того, что мы наблюдаем, но и тот общий теоретический и, шире, информационный контекст, в «силовом поле» которого осуществляется научный поиск. И если мы обратимся к теоретичес-

кой, интеллектуальной атмосфере, в которой происходило становление физики микромира, то убедимся, что на протяжении первой трети XX столетия она характеризовалась длительным сосуществованием и конкуренцией двух — корпускулярной и волновой — картин микромира, и задача, подчеркивал Эйнштейн, состояла в том, чтобы логически связать их между собой. В определенной мере это было сделано в конце 1920-х годов, когда в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора удалось обосновать вероятностный характер причинности в микромире и тем самым «снять» логико-методологическое противоречие между волновой и «матричной» механиками. Но даже и после этого «совмещенный» образ частицы и волны оценивался как противоречащий «философии природы»¹, «здравому смыслу», а потому и его ассимиляция научным мышлением проходила достаточно сложно: оно не осваивало парадоксальный объект в том числе и по причинам аксиологического порядка.

Несмотря на то, что с 1905 года представление о корпускулярно-волновом характере световых квантов вошло в научный обиход и отдельные физики рассматривали некоторые виды излучения как комбинацию волны и частицы, экстраполяция этого представления на электрон оказалась затруднена тем, что образы «электрон-частица» и «электрон-волна» имели в научном сознании различный статус. Если первый был подтвержден эмпирически и потому оценивался как отражение установленного факта, то второй в лучшем случае рассматривался как «рабочая гипотеза», которая еще нуждалась в специальном теоретическом и эмпирическом оправдании. Поэтому в мышлении большинства исследователей, а особенно исследователей-экспериментаторов, у которых образ электрона-частицы был особенно устойчив, эти два альтернативных представления объекта оказались *неравноценными*. Это и явилось одной из субъективных причин того, почему физический смысл остался непонятным Дэвидсону и некоторым другим исследователям: данные наблюдения интерпретировались главным образом в ценностно-нормативном контексте, где, как известно, доминирует установленное знание, а не «сумасшедшие» гипотезы.

Какое же эпистемологическое содержание можно извлечь из этих и подобных им фактов истории познания? Разумеется, самое разнообразное. Во всяком случае, они дают известные основания сделать следующий вывод: поскольку в сфере конкретных исследований процедура интерпретации играет значительную роль и зависит от контекста, а ценностно-нормативные структуры научного мышления включены в интерпретационный контекст, то, вероятнее всего, выбор и оценка так или иначе связаны с интерпретацией и пониманием как ее итогом. Возможности и степень

¹ См. известный спор А. Эйнштейна с Н. Бором.

понимания (или непонимания) «заданы» не только специальной и общей эрудицией ученого, но и типом его сознания («конформистский», либо «творческий»), тем, на основе каких научных императивов производится оценка новых данных и какие субъективные возможности «открыты» специалисту для перевода новой научной информации в состав оперативных структур мышления.

Сказанное относится не только к вопросу о роли оценки в индивидуальном научном исследовании, но может быть распространено и на область научного общения, где также постоянно возникает необходимость в адекватной оценке и сопряженного с ней понимания учеными результатов собственных и чужих исследований.

Литература

1. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
2. *Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. М., 1980.
3. *Данин Д.* Вероятностный мир. М., 1981.
4. *Гранин Ю.Д.* Эпистемология. М. 2010.
5. *Гранин Ю.Д.* История и философия науки. Курс лекций для аспирантов. Сабрюкен, 2012.
6. *Майданов А.С.* Экстраординарные открытия и их типология // *Вопр. философии.* 1986. № 12.
7. *Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1966.
8. *Телегина Э.Д.* Виды и функции гипотез в структуре мыслительной деятельности // *Психологические исследования творческой деятельности.* М., 1975.
9. *Фабело Х.Р.* Проблема истинности оценки // *Вопр. философии.* 1984. № 7. С. 96.
10. *Черняк В.С.* История. Логика. Наука. М, 1986.
11. *Швырев В.С.* Рефлексия и понимание в современном анализе науки // *Вопр. философии.* 1985. № 6.

Новые информационные технологии и их влияние на человека: выбор приоритетов

Дело в том, что люди совершенно неспособны управлять своими изобретениями; в лучшем случае они лишь приспособляются к новым условиям, которые эти изобретения вызывают к жизни...

Джон Голсуорси

Начало XXI века ознаменовалось крупномасштабным внедрением в повседневную жизнь новейших достижений информационных технологий. В соответствии с типом интернет-связи происходящую на наших глазах интернет-революцию можно разделить на два этапа. Первый, зародившийся во второй половине 1980-х годов, характерен началом массового использования в повседневной жизни интернет-коммуникаций на основе *проводной связи*, с использованием для этих целей в первую очередь стационарных персональных компьютеров (десктопов). Второй этап, стартовавший приблизительно в начале 2000-х годов, характерен внедрением *беспроводных, мобильных интернет-связей*, основанных сегодня на использовании в первую очередь Wi-Fi-технологий, а также технологий Bluetooth.

Социогуманитарные последствия, связанные с переходом ко второму этапу, не заставили себя ждать. Теперь уже трудно встретить на улице молодого человека без смартфона, планшета, навигатора или банковской карты, которые позволяют пользователю подключаться к Интернету практически в любом месте, здесь и сейчас, и соответственно, получать актуальную информацию в режиме реального времени, совершать интернет-покупки, конвертировать валюту, бронировать места в гостиницах, обмениваться интернет-сообщениями и т.д. В результате мобильные устройства кардинально преобразовали нашу повседневную жизнь и стали своеобразными символами современной эпохи: Интернет вышел на улицы.

Однако информационные технологии не только меняют человека: они закладывают основы будущего информационного общества, в котором нам придется жить через 10–15 лет. Строительство его фундамента происходит при активной поддержке и колоссальном влиянии государства и крупнейших бизнес-корпораций страны как основных социальных иг-

роков — с одной стороны, и при проявлении невысокого интереса основного населения России к этому процессу — с другой. Контуры такого будущего вырисовываются уже сегодня и вызывают серьезную озабоченность со стороны некоторых философов [см. 1].

На наш взгляд, в настоящий момент человек в состоянии гораздо более эффективно влиять на процесс формирования грядущего информационного общества, *осуществлять рациональный и социально ответственный выбор* той его практически достижимой модели, которая соответствовала бы интересам и чаяниям большинства россиян, и гарантировала защиту их прав и свобод. Он также в состоянии влиять и на процесс *принятия решений*, какая из возможных моделей информационного общества будет взята за основу при реализации проекта. Но после того как эти основы будут заложены в технологии и реализованы, нам останется лишь приспособливаться к новым условиям существования, не меняя кардинально их фундамент, ибо это потребует колоссальных затрат.

Характерная особенность новых информационных технологий состоит в том, что они активно вступают во взаимодействие с другими высокими технологиями, в том числе с социальными технологиями, образуя в результате интегральное комплексное единство. Отечественные и зарубежные философы обращают внимание на преобразующее воздействие современных технологий на человека — его биологическую природу и жизненный мир, — которое в настоящее время достигло небывалых масштабов. Так, академик РАН В.А. Лекторский справедливо замечает: «Конвергирующие технологии NBIC (нано-, био-, информационные и когнитивные) создают новую жизненную среду человека и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности» [5]. Именно на эти новые высокие технологии лег основной груз ответственности за ход научно-технического прогресса в первые десятилетия XXI века и за его социогуманитарные последствия. При этом вызов традиционным гуманистическим ценностям, который несет с собой «новая жизненная среда человека», нуждается в тщательной гуманитарной экспертизе для выявления и предотвращения возможных рисков и угроз.

Отношение к рискам и угрозам, которые несут с собой новые информационные технологии, за последние 10–15 лет претерпело существенные изменения. Так, 2002 году в США вышла книга Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее». Известный американский философ высказал там свои опасения по поводу возможных последствий использования современных *биомедицинских технологий*, поскольку в них он усмотрел источник угрозы для американской демократии. В этой работе он предпринял попытку в каком-то смысле биологизировать идеи неоллиберализма,

заложив их в фундамент самой человеческой природы. У автора вызывают озабоченность попытки генетической модификации человека, поскольку они могут привести к достаточно плачевному сценарию будущего общества, разделенного на биологические касты, пророчески описанного О. Хаксли в романе «Дивный новый мир». Человеческая природа, полагает Ф. Фукуяма, «создает стабильную преемственность нашего видового опыта. Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и потому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либеральной демократии и самой природы политики» [8, с. 18–19].

Однако Ф. Фукуяма пишет и о другой известной антиутопии — романе Дж. Оруэлла «1984», где контроль за гражданами страны, в отличие от «Дивного нового мира», осуществляется с помощью *информационных технологий*. Оруэлл описывает огромную тоталитарную империю, залогом существования которой стало устройство под названием «Телекран». Это плоский дисплей, способный принимать и посылать изображения из каждого отдельного дома к всевидящему Старшему Брату.

Примечательно, что если угроза либеральной демократии, исходящая от современных биотехнологий, представляется Ф. Фукуяме вполне реальной, то с информационными технологиями, по его мнению, дело обстоит наоборот. Никакой опасности человеческой свободе и правам человека они не несут. «Персональный компьютер, подключенный к Интернету, — утверждает философ, — это реализация оруэлловского телекрана. Но этот телекран, вместо того чтобы стать инструментом централизации и тирании, привел к совершенно обратному: демократизации доступа к информации и децентрализации политики. Не Старший Брат наблюдает за всеми, а люди с помощью персоналок и Интернета наблюдают за Старшим Братом, поскольку правительствам волей-неволей приходится обнародовать больше информации о своей деятельности» [там же, с. 14–15].

Следует отметить, что Фукуяма выразил довольно распространенное в то время мнение, которое послужило основой для принятия целого ряда программ в различных регионах мира по формированию «глобального информационного общества» [6].

Первой ласточкой в нашей стране стала Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)», утвержденная 28 января 2002 года Постановлением Правительства РФ [7]. В ее задачи в основном входила подготовка проекта «Электронное правительство России», который был нацелен на оказание государственных услуг организациям и населению страны с помощью интернет-пространства. Программа стремилась реализовать идею взаимодействия правительства и населения страны, в том числе контроля со стороны последнего за деятельностью государствен-

ных органов и отдельных чиновников, о чем и писал Ф. Фукуяма. Однако, к сожалению, реальная отдача от реализации этой программы оказалась достаточно низкой. Следует отметить, что сама она в основном послужила солидным заделом для оснащения общества современным технологическим оборудованием. Напомним, что в этот период прошла компания по оснащению российских школ компьютерами, были произведены закупки целого ряда программно-технических средств, в том числе лицензионного программного обеспечения.

Однако за последние 5 лет отношение к информационным технологиям претерпело существенные изменения. Выяснилось, что ситуация с ними не столь беспроблемная, как это представлялось Ф. Фукуяме в 2002 году. Было констатировано, что они несут с собой определенного рода социогуманитарные риски и угрозы. И источником этих рисков является конвергенция двух технологий — информационных и социальных, которая и превращает первые в мощнейший фактор воздействия на человека и окружающую его социальную среду. В этом плане можно говорить о наступлении второго — критического — этапа отношения к информационным технологиям, который значительно усугубился благодаря обескураживающим разоблачениям Э. Сноудена.

Что произошло за последние пять лет в России в плане изменения отношения к информационным технологиям? У нас в стране была разработана Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная Правительством 20 октября 2010 года [4]. Именно она стала первой законодательной инициативой, направленной на распространение в обществе упомянутых выше новых социально-информационных технологий. В данной Программе достаточно детально прописаны различные направления использования таких технологий. Примечательно, что Программа при этом обращает внимание на нарастание в стране негативных тенденций, связанных с информатизацией общества. В частности, она констатирует, что «наблюдается неконтролируемый рост объемов информации о гражданах, об организациях и объектах хозяйственного оборота, содержащейся в государственных информационных системах, что в условиях отсутствия эффективных механизмов контроля ее использования создает также угрозу нарушения прав граждан» [там же]. Разработчики документа обратили также внимание и на «пассивное сопротивление отдельных граждан и общественных организаций проведению мероприятий Программы по созданию информационных баз, реестров, классификаторов и единого идентификатора граждан по этическим, моральным, культурным и религиозным причинам» [там же]. Однако дальше констатации факта дело, к сожалению, не пошло.

По отдельным положениям Программы хотелось бы получить более детальные разъяснения. Возьмем, к примеру, сферу медицинского обслуживания. Здесь документ декларирует следующие намерения: «В Российской Федерации будет создана новая система отношений и программно-технических решений, основанная на электронной технологии записи на лечение, бронирования времени приема специалистами, определения бюджета лечения, ведения электронных историй болезни...» [там же]. Однако непонятно, где будут храниться, скажем, электронные истории болезней граждан? У самих граждан, у лечащих врачей в поликлинике, или в единой информационной базе данных?

Но если данный документ в целом заслуживает высокой оценки, то последующие проекты, связанные с информационным обществом, начинают вызывать озабоченность. В настоящий момент можно выделить несколько направлений развития социально-информационных технологий в нашей стране, в том числе непосредственно не курируемых Программой.

К числу обсуждаемых в обществе можно отнести проекты по использованию данных технологий в *сфере образования*. Речь идет о новациях по созданию и организации удаленного доступа для электронных библиотек, аудио- и видеотек, по снабжению учащихся ридерами, плеерами и планшетами, по использованию дистанционных методов обучения и т.д. В стране ведутся жаркие дискуссии по вопросу о целесообразности сдачи ЕГЭ в виде компьютерных тестов, насколько они способны оценить глубину усвоения школьником материала и т.д.

Ведутся дискуссии и по проблемам в сфере *культурного наследия*, в первую очередь *авторского права на интеллектуальную собственность*, распространяемую посредством интернет-технологий. Это касается обмена электронными книгами, электронными музыкальными произведениями и электронными видеоматериалами, в том числе кинофильмами. И хотя за последнее время принят целый пакет законов, регулирующих взаимоотношения сторон в данной сфере, положение вещей оставляет желать лучшего. Следует констатировать, что из-за своего сугубо одностороннего запретительного характера эти законы фактически не работают: заблокированные Роскомнадзором сайты либо оперативно меняют свои интернет-адреса, либо продолжают активно функционировать в обход блокировки благодаря использованию программ-анонимайзеров, скрывающих реальные IP-адреса пользователей. Кроме того, ведутся дискуссии о необходимости введения интернет-цензуры и ограничения доступа к интернет-сайтам, распространяющим продукцию порнографического и эротического характера.

Проблемы *отечественной медицины*, безусловно, входят в число активно обсуждаемых. Однако, к сожалению, крайне мало открытых дис-

куссий ведется по новейшим социально-информационным технологиям в этой области. Так, в Москве с 2014 года запущен пилотный проект по выписке электронных больничных листов взамен традиционных бумажных. Теперь врач, участник проекта, должен по электронной почте отправлять больничный лист в Фонд социального страхования, который на этом основании будет выплачивать больному пособие по временной нетрудоспособности¹. Кроме того, уже сейчас в целом ряде поликлиник апробируются такие нововведения, как электронные очереди и электронные истории болезней. Наконец, в Москве с 1 августа 2015 года каждый застрахованный гражданин имеет право заменить полученный ранее бумажный полис обязательного медицинского страхования на электронный и начать им пользоваться. Такая же процедура запущена и в целом ряде других регионов России. Однако дискуссии о рисках и угрозах, которые несут с собой подобные электронные нововведения, пока у нас в обществе не ведутся в сколь-нибудь значительном объеме.

Можно констатировать, что существуют общероссийские проектные направления, по которым практически нет публичных обсуждений. К их числу мы относим следующие:

- Проекты по форсированному внедрению в повседневную жизнь электронных (виртуальных) денег и электронных платежей, включая интернет-покупки. Это выражается в переходе организаций на зарплатные банковские карты при выплате зарплаты сотрудникам и всяческом поощрении оплаты ими покупок в магазине, в установке на подавляющем числе торговых предприятий оборудования, позволяющего расплачиваться банковскими картами и т.д.;

- Проекты по форсированному переходу общества на электронные документы и электронный документооборот, что связано с использованием электронно-цифровой подписи и разработкой соответствующих процедур по электронной идентификации подписанта, физически находящегося за пределами киберпространства. Помимо уже упоминавшихся электронных документов, здесь следует также обратить внимание на проекты по введению в стране электронных паспортов, электронных военных билетов и целого ряда других. Основой для реализации подобного рода проектов служат информационные технологии, нашедшие воплощение в Универсальной электронной карте (УЭК), которая выпускается в России с 2013 года;

- Проекты по оказанию электронных услуг, в том числе государственных, например государственной регистрации сделок по купле-продаже

---

¹ В данном проекте, в частности, принимает участие Институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

имущества (в первую очередь недвижимости), электронной регистрации записей актов гражданского состояния и т.д. Вызывает интерес и озабоченность разработка проекта по внедрению услуги «Электронный нотариус», которая будет позволять оказывать нотариальные услуги дистанционно при наличии у клиента пакета электронных документов;

- Проекты по созданию единых федеральных и региональных баз данных, призванных хранить и обрабатывать электронные документы, содержащие персональные данные и сведения из сферы частной жизни граждан. Основная проблема здесь связана с возможной утечкой информации, благодаря несанкционированному доступу к ней, с целью выкладки ее в Интернете для всеобщего ознакомления или использования ее в криминальных целях;

- Проекты по массовому размещению в стране электронных (цифровых) камер видеонаблюдения. В результате под наблюдение попадают ни в чем не повинные люди, то есть те, кто не замышляет и не совершает никаких противоправных действий. Делается это в сугубо «профилактических» целях, однако такая социальная профилактика, на наш взгляд, ущемляет права и свободы граждан и унижает достоинство человека;

- Проекты по созданию единых электронных биометрических баз данных, в том числе электронных отпечатков пальцев, сканированных радужных оболочек глаза и данных, полученных в результате расшифровки ДНК человека в лабораторных условиях. Сбор подобного рода данных осуществляется в частности при оформлении биометрических загранпаспортов. Используются они в первую очередь для целей физической идентификации человека.

Здесь мы перечислили лишь основные проекты, использующие новые информационные технологии и способные вызывать определенного рода озабоченность, — те, которые несут в себе довольно существенные риски и угрозы социогуманитарного характера. Однако список этот не является ни полным, ни закрытым.

* * *

Для выявления скрытых рисков и угроз, которые несут с собой новые информационные технологии, действенным средством может выступить гуманитарная экспертиза.

Идея гуманитарной экспертизы родилась из желания распространить практику обсуждения этических проблем, возникающих в области биомедицины, на целый ряд других сфер социальной жизни (с учетом их специфики). Теоретические основы гуманитарной экспертизы на протяжении последних 10–15 лет разрабатывались в стенах Института чело-

века РАН, а позднее — в Отделе комплексных исследований человека Института философии РАН под руководством член-корр. РАН Б.Г. Юдина.

По мнению А.А. Воронина, гуманитарная экспертиза — «плод гражданского общества, с сильной обратной связью, эффективной судебной системой и местным самоуправлением» [2]. Она основывается в первую очередь на идеях европейского гуманизма как на приоритетной доминанте. Попытаемся вкратце выявить особенности гуманитарной экспертизы социально-информационных технологий по сравнению с биоэтикой.

Как известно, исторически биоэтика выросла из профессиональной врачебной этики благодаря внедрению в биомедицину новейших технологий, в первую очередь связанных с пересадкой донорских органов от человека к человеку. В 1967 году в ЮАР К. Бернар осуществил первую в мире операцию по трансплантации сердца человеку, породившую волну дискуссий этико-правового характера о критериях определения смерти.

Проблематика, поднятая в данной статье, также вырастает из профессиональной этики — этики программиста (или шире — этики специалиста по информационным технологиям). Разрабатывая программное обеспечение, любой программист в своей работе должен придерживаться определенных этических принципов. Например, ему не следует оставлять в программах «лазейки», которыми сам в дальнейшем мог бы воспользоваться для несанкционированного проникновения в защищенные базы данных.

Благодаря внедрению новейших технологий, о которых мы писали выше, профессиональная этика программиста существенно трансформируется за счет включения в нее гуманитарной проблематики, связанной с дискуссиями о возможных угрозах человеческому достоинству и нарушениях прав человека. В первую очередь это касается права на невмешательство в личную жизнь граждан, а также права на защиту приватной информации (в том числе биометрической), включая право запрета на передачу ее третьим лицам с целью хранения в электронном виде, а также «права на забвение» информации, переданной третьим лицам в прошлом. Фактически речь идет о необходимости разработки основ новой информационной политики.

Участие граждан в обсуждении данной проблематики и их влияние на принятие решений имеет свою специфику, которая обусловлена тем, что они, являясь носителями определенных интересов, выступают в вышеуказанных проектах, использующих достижения новых информационных технологий, в качестве социальных игроков (так называемых

стейкхолдеров). Однако есть и другие социальные игроки: государство, банковские структуры, ритейлеры, рекламные компании и т.д. При этом стейкхолдеры подобных проектов фактически неравноправны между собой. Их можно разделить на разные группы по степени заинтересованности в участии в проекте, а также по возможности оказывать влияние на его разработку и модификацию с целью защиты собственных интересов. Исследования показывают, что степень заинтересованности простых людей во всех вышперечисленных IT-проектах крайне невелика, а возможность оказывать влияние на их разработку фактически равна нулю.

Однако именно обычные люди являются основными потребителями данных социально-информационных технологий, и в случае отказа их от участия, такие проекты будут обречены на провал.

На наш взгляд, для подобных проектов требуется *общественное обсуждение*, целью которого будет выявление и экспликация интересов основных потребителей данных технологий. После этого необходимо провести проверку, насколько выявленные интересы оказались учтенными в процессе доработки проекта. В ходе дискуссии может выясниться, что тот или иной проект вообще не представляет интереса для его потенциальных потребителей или несет им слишком большие риски и угрозы. Тогда он должен быть приостановлен или вообще закрыт.

Мы полагаем, что подобного рода проектам необходима экспертиза со стороны представителей гуманитарных наук, в том числе и со стороны философов. В частности, внимание последних должно быть сосредоточено на выявлении методологических и аксиологических установок, заложенных в разработках подобного рода. Необходимо также учитывать социокультурные особенности регионов, в которых предполагается использование информационных технологий [3].

От результатов гуманитарной экспертизы подобных проектов во многом зависит будущее нашей страны, облик грядущего информационного общества, в котором всем нам предстоит жить через 10–15 лет и основы которого закладываются уже сегодня. Надо надеяться, что это общество по своим характеристикам окажется «человекомерным», то есть удобным для проживания и способствующим развитию индивидуальных качеств и творческих задатков. Правовая основа для этого есть, поскольку такая установка закреплена в Конституции РФ, где содержится положение об абсолютном примате ценностей индивида над государственными и корпоративными интересами: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2).

Литература

1. Агамбен Дж. Этика технологий безопасности и наблюдения // Человек. 2015. № 2. С. 57–65.
2. Воронин А.А. Между «хочу и могу», или основания гуманитарной экспертизы // Нанотехнологии и общество. М., 2013. С. 55.
3. Воронин А.А. Социально-культурные, аксиологические и теоретические контуры гуманитарной экспертизы // Человек. 2014. № 1. С. 81–91.
4. Государственная Программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // Российская газета. 16 ноября 2010 года. (URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>)
5. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012. С. 20.
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. Июль 2000 года. (URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/dba7e38a90aee085c32569ed003fd76f>)
7. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)». (URL: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=59)
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004.

Коммуникация в пространстве принятия решений*

Выбор, принятие решений формируются внутри коммуникативного пространства. В процессе коммуникации проявляется одна из базовых человеческих мыслительных способностей: способность рассуждать, то есть определенным образом связывать между собой отдельные мысли (суждения) в различных целях (обоснования, объяснения, убеждения, самопрезентации и т.д.). Эти способности лежат в основе интеллектуальной коммуникации как в реальных, так в и виртуальных сообществах. Способность человека рассуждать и сообщать результаты своих рассуждений другим людям создает условия для формирования различных социальных пространств.

Вслед за П. Бурдьё, я буду исходить из положения, что понятие «социальную жизнь» можно, «лишь применяя к ней логические инструменты» [1, с. 66]. Кроме того, опять-таки вслед за П. Бурдьё, я буду понимать организацию разных форм социального пространства как результат коммуникации между группами, которые конструируются для объективации занимаемых ими позиций. Пространство, то есть «связи» по Бурдьё, оказывается зависимым от изменяющейся терминологии и проявляется в поле власти [там же].

При этом мне представляется важным подчеркнуть, что используемые понятийные стратегии структурируют мир, формируют когнитивные и онтологические основы того социального мира, который вначале выстраивает человек, а затем живет в нем. Если система выбранных понятий оказывается неадекватной сформулированным задачам, то в таком случае возникает необходимость в рациональной критике. Следовательно, возникает необходимость в логике и критическом мышлении. Но в любом случае решения принимаются внутри и в зависимости от принятого концептуального аппарата, представляющего определенные социальные пространства или поля в терминологии П. Бурдьё.

В качестве примера отношения к концептуальному аппарату в российском социальном пространстве недавнего прошлого я хотела бы рассмотреть конкретную ситуацию, сложившуюся, в свою очередь, в *российском информационном пространстве* в 1999 году в связи со Второй чеченской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00738 «Философско-методологические основания анализа коммуникативного пространства».

войной и затронувшую целостное российское социальное пространство. Так, в октябре 1999 года в эксклюзивном интервью аналитической программе «Зеркало» (17.10.99)¹ В.В. Путин (в тот момент он был и.о. Председателя Правительства РФ), по-видимому, впервые сказал, что не надо для характеристики ситуации в Чечне, где тогда шла война, использовать понятия «гуманитарная катастрофа» и «беженцы». Он отметил, что понятие «беженцы» не надо использовать при анализе ситуации в Чечне потому, что речь идет о гражданах России, что здесь следует использовать понятие «перемещенные лица».

Однако в журналистской среде и обществе остался вопрос: почему нельзя использовать понятия «гуманитарная катастрофа» и «беженцы», а надо использовать понятие «перемещенные лица»? Произнесенной в интервью реплики оказалось недостаточно для понимания этой ситуации. Однако разъяснений по этому поводу не последовало ни от аппарата Правительства, ни от каких-то других официальных источников информации. Для некоего целостного общественного сознания оставались непонятными основания принятия решения о том, почему по отношению к гражданам России, проживающим в Чечне и покидающим свое место жительства, нельзя применять понятие «беженец». Вместе с тем сама позиция главы правительства отнюдь не осталась незамеченной. В то же время, появившийся в СМИ комментарий проявлялся:

- либо в простом повторении позиции, представленной главой правительства;
- либо в некоторой растерянности тех журналистов, которые поддерживали точку зрения и.о. Председателя Правительства РФ, но не могли объяснить, почему ситуация с использованием этих двух терминов не противоречит здравому смыслу в его употреблении;
- либо в ёрнически-насмешливом комментарии по отношению к сложившейся ситуации, ибо замена понятия «беженцы» на понятие «перемещенные лица» внешне выглядела для большого числа журналистов и для граждан бюрократически бессмысленной.

Вот только несколько примеров последовавшей реакции, представленной в различных интервью в СМИ официальными лицами. В.С. Черномырдин (в тот период спецпредставитель Президента РФ по урегулирова-

---

¹ Все ссылки на рассуждения по радио и телепередачам 1999 года были подготовлены мною по результатам конкретных эфиров того периода, но систематизированы и представлены в аналитической форме эти материалы впервые. Думаю, можно говорить об актуальности обсуждения вопросов, поднятых в статье, и в связи с остро стоящей проблемой беженцев в современной Европе, где отношение к беженцам складывается, в том числе, и в зависимости от того содержания, которое европейцы вкладывают непосредственно в понятие «беженец».

нию конфликта в Югославии) в телевизионной передаче «Итоги» на тогдашнем НТВ (24.10.99), говоря о людях, попавших в драматическую ситуацию в связи с военными действиями в Чечне, вновь повторяет: «Это — не беженцы. Это — перемещенные лица». *Е.А. Киселев*, в то время являвшийся ведущим программы «Итоги», замечает: «Мне не хотелось бы играть в дефиниции. Это — люди...» Но в интервью официального объяснения по поводу того, почему надо использовать понятие «перемещенные лица», а не понятие «беженцы» так и не последовало.

В другом интервью на радиостанции «Эхо Москвы» (04.11.99) уже *В.И. Матвиенко* (в тот момент заместитель Председателя Правительства РФ по социальным вопросам) говорила *то* о вынужденных переселенцах, *то* о беженцах. В тот же день *Андрей Черкизов*, известный в те годы радиожурналист, в своей знаменитой тогда рубрике «Реплика» на «Эхо Москвы» говорил именно о бедах беженцев, заметив, что «*все остальное филологические изыски*».

Вновь в аналитической телевизионной программе «Зеркало» ее ведущий *Н.К. Сванидзе* (7.11.99), задавая вопрос *С.К. Шойгу* (в те годы он был министром РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий) о том, кто пересекает границу в Чечне, непосредственно в своем вопросе не смог выбрать единственное понятие для своей формулировки. В его вопросе одновременно используются оба понятия. Он говорит «беженцы, вынужденные переселенцы, как принято официально, так, наверно, точнее...»

В таком случае возникает ряд исследовательских вопросов:

- Какой же термин является адекватным ситуации?
- Как определить критерий выбора?
- Что является основанием для возникновения неясности в использовании терминологии в описанной выше ситуации?

Эти три отдельные и самостоятельные вопроса взаимосвязаны между собой. Анализ показывает, что использование определенной терминологии на государственном уровне отнюдь не является произвольным. В данном случае позиция *В.В. Путина* была четко регламентирована российским законодательством. Однако сама регламентация, представленная в российском законодательстве, оказалась в явном противоречии с соответствующим *образом понятия «беженец»*, сложившимся в повседневности. «Значение есть употребление» — знаменитая формула позднего Витгенштейна. *Оказалось, что значение понятия «беженец» на быденном и официальном уровнях расходятся между собой.*

Данное слово в его быденном, повседневном употреблении четко зафиксированы в толковых словарях. Так, в словаре *С.И. Ожегова* можно прочесть: «Беженец — человек, оставивший место своего жительства

вследствие какого-нибудь бедствия» [3, с. 38]. В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой, изданном издательством «Русский язык» уже в 2000 году, написано, что «беженец» — это «тот, кто покинул место своего жительства, спасаясь от бедствия (войны, голода и т.п.)» [2].

Экспресс-опрос, которой мы вместе с И.Н. Грифцовой провели еще в 1999 году в студенческих аудиториях МГУ имени М.В. Ломоносова, МПГУ, Международного университета в Москве, МИЭПП, показал, что образ, который стоит за употреблением понятия «беженец», у разных людей (среди опрошенных студентов были представители разных возрастов и разного социального статуса, ибо это были студенты дневного, вечернего и заочного отделений) практически совпадает. Различия проявлялись лишь в некоторых коннотациях. Именно этот образ понятия как раз и был представлен в общественном коммуникативном пространстве и зафиксирован в соответствующих толковых словарях.

Между тем официальное значение термина «беженец» закреплено в федеральном законе «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О беженцах”», принятом 28 июня 1997 года. Оказалось, что образ понятия на быденном уровне не совпадает с его характеристиками, представленными на законодательном уровне.

В соответствии с законодательством РФ «беженец — это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных ситуаций, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [5, с. 13].

Основные признаки, приписанные понятию «беженец», с точки зрения законодателя, выглядят следующим образом:

1. Не быть гражданином Российской Федерации:
  - Быть гражданином другого государства;
  - Не иметь гражданства;
2. Опасаться преследований по признаку расы, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений;
3. Опасаясь ситуаций, перечисленных в пункте 2:
  - Находиться вне страны своей гражданской принадлежности или вне страны своего прежнего обычного местожительства;

- Не иметь возможности пользоваться защитой страны своей гражданской принадлежности или страны своего прежнего обычного местожительства;
- Не желать пользоваться подобной защитой;
- Не желать вернуться в страну гражданской принадлежности или обычного местожительства.

Совершенно очевидно, что все множество этих признаков не может быть распространено на людей, живущих в Чечне, так как Чеченская республика — это республика в составе Российской Федерации и речь идет о гражданах России. Вместе с тем само по себе все множество официальных юридических признаков понятия «беженец» плохо коррелирует с множеством признаков этого понятия, зафиксированных в образе этого понятия, который складывался в общественном сознании в течение многих лет. Для общественного сознания быть беженцем означает быть человеком, «оставившим место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия».

Конечно, в связи с этим может быть сформулировано ряд дополнительных вопросов:

1. Насколько целесообразно вводить в законодательство понятие, жестко противоречащее его обыденному значению?
2. В случае возникновения подобного противоречия допустимо ли его использование без соответствующей разъяснительной работы?

Ответ на первый вопрос, полагаю, потребует обращения к анализу международной практики, к компаративному анализу международного законодательства. Поиск этого ответа выходит далеко за пределы предложенной статьи. Ответ же на второй вопрос, думаю, можно сформулировать строго и однозначно: «Нет, в случае возникновения подобного противоречия недопустимо использование концептуального аппарата без соответствующей разъяснительной работы». Важно, чтобы в коммуникативном пространстве обсуждения этих проблем выбор терминологии не выглядел в качестве того, что В.И. Поварнин в своей работе «Искусство спора» характеризовал как фальсификацию и давал ряд других жестких характеристик, подчеркивая, что «если смысл слова в тезисе не вполне ясен и отчетлив, то надо “определить” это “слово” или понятие» [4, с. 2].

Важно понимать, что за терминологическими различиями, как в данном примере, стоят весомые прагматические следствия, закрепленные в российском законодательстве. Так, в соответствии с российским законодательством «признание лица беженцем предусматривает:

1. обращение с ходатайством о признании беженцем (далее — ходатайство);
2. предварительное рассмотрение ходатайства;

3. принятие решения о выдаче свидетельства о рассмотрении ходатайства по существу (далее — свидетельство) либо об отказе в рассмотрении ходатайства по существу;

4. выдачу свидетельства либо уведомления об отказе в рассмотрении ходатайства по существу;

5. рассмотрение ходатайства по существу;

6. принятие решения о признании беженцем либо об отказе в признании беженцем;

7. выдачу удостоверения беженца либо уведомления об отказе в признании беженцем» [5, с. 191].

Однако ни одна из затронутых выше проблем не обсуждалась в СМИ. Поэтому терминологическая путаница воспринималась как «терминологическая казуистика», как «филологические изыски», совершенно неоправданные в условиях драматических событий в Чечне. Принятые понятийные стратегии не были разъяснены, что, на мой взгляд, разрушало коммуникативное пространство взаимопонимания между обществом и государством. Оказалось, что причины, по которым официальная лексика требует для выделения группы людей, попавших в столь драматические обстоятельства, использовать понятие «вынужденные переселенцы», а не понятие «беженцы» лежит отнюдь не в области «филологических изысков». Требования использования определенного концептуального аппарата в данном случае просто диктуются нормами права.

Анализ, разъяснение необходимы не только по отношению к свершившимся фактам и событиям, но и по отношению к тем информационным потокам, в рамках которых происходит их представление. Без подобных разъяснений решения, принимаемые на государственном уровне, в общественном коммуникативном пространстве могут не найти понимания. Решения, представленные в информационных потоках — это системы понятий, высказываний и выводов, которые отнюдь не всегда оказываются самоочевидными для публики, для которых есть свои конкретные способы анализа.

Понимание между обществом и государством, складывающееся в процессе коммуникации, в частности предполагает, что есть некий общепринятый концептуальный аппарат, без которого невозможна единая линия коммуникации, без которого невозможно дать рациональное обоснование принимаемым решениям. Кроме того, решения, представляемые в конкретных социальных пространствах, должны, на мой взгляд, учитывать особенности субъектов и адресатов рассуждений, представленных в различных общественных коммуникациях, включая политические коммуникации.

Казалось бы, сама идея анализа формы и содержания используемых мыслей является азбучной истиной интеллектуальной деятельности, начиная с Античности. Вместе с тем в реальном положении дел для многих людей такое утверждение вовсе не является очевидным. В СМИ достаточно часто звучат фразы типа: «Вопреки формальной логике...», «Несмотря на правила формальной логики...» и тому подобное. Между тем именно классическая формальная логика, которая в условиях анализа реального коммуникативного пространства «оборачивается к нам» в форме критического мышления и неформальной логики, является важнейшим инструментом структурного анализа интеллектуальной деятельности. В современных условиях исследование различных форм социальной коммуникации делает явленной необходимость структурно-смыслового анализа используемого концептуального аппарата, предполагающего обсуждение проблем формы и содержания мыслей в их единстве. Инструменты такого анализа разрабатываются в рамках неформальной логики и критического мышления.

Современные СМИ, представленные в устной форме их реализации (в устных текстах (телевидение, радио)) и письменных формах реализации (в письменных текстах (газеты, журналы, Интернет, в частности, в форме новых медиа)), в той или иной степени оказывают влияние практически на каждого современного человека. В различных СМИ поразному описываются и оцениваются одни и те же события. Соответствующие издания обладают большей или меньшей степенью свободы. Наконец, журналисты как носители информации представляют саму информацию в зависимости от своих индивидуальных особенностей: стиля, образовательного уровня, психологического характера и т.д. Читатель, слушатель, зритель — любой потребитель информационного продукта должен четко осознавать, что всякая информация контекстуально зависима. Произвести отбор получаемой информации, оценить ее, защититься от «манипулятивных потоков», в которые зачастую «одевается» современная информация, можно только на базе встречного самостоятельного анализа, предполагающего наличие у человека критического мышления, в частности умения самостоятельно проводить концептуальный анализ.

Само по себе значение критического мышления в социальной практике с точки зрения исторической ретроспективы не изменилось. Демократичность общества предполагает свободу для формулировки своих собственных высказываний и для критического анализа чужих. Идея критического мышления остается неизменной как для Античности, так и для современности. Именно метод критического мышления лежал в основе всех сократовских диалогов. Критичность сократовского мыш-

ления, в частности, была направлена на то, чтобы научить человека работать с понятием, задавать вопросы, корректно рассуждать и делать выводы.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005.
2. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.efremova.info/word/bezhenets.html#.ViPFVH7hDIU>
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983.
4. *Поварнин С.И.* Искусство спора. О теории и практике спора. Петроград, 1923.
5. Термины и определения в нормативных правовых актах Российской Федерации: Справочник / Сост. А.В. Плотников, Г.К. Пискова. М.: Информпечать ИТРК РСФСР, 1998.

Концептуальное рафинирование теорий принятия решений

Под термином «рафинирование» авторы статьи понимают, прежде всего, процесс «вычищения», упорядочения, структурирования научных построений, моделей и проч., что наиболее актуально в современном постлогоцентрическом [1] мире. Этот процесс рафинирования, по мысли авторов, включает и «вычищение», исключение из различных научных построений моделей терминологических конструктов, как вербальных, так и формально-математических, ставших рудиментами, то есть, «чистку» тезауруса научных работ на предмет удаления устаревших, рудиментарных «лишних сущностей».

Изучая работы в так называемой строгой науке, или что то же, в сильной версии наук [2], авторы пришли к выводу, что то, что описывается обычно в работах по теме «принятие решений», относится лишь к части принятия решений и по большому счету в целом принятием решений названо быть не может. То есть, «модели принятия решений», упоминаемые в исследованиях, чаще всего вообще отсутствуют. Обсуждаются лишь модели управленческих ситуаций, в том числе и модели многокритериального отбора [3].

Можно также отметить наличие некоего давнего противостояния сторонников содержательного подхода, которые включают в принятие решений выработку (генерацию) в качестве его неотъемлемой части, с представителями формально-математического подхода, которые называют, к примеру, многокритериальный отбор принятием решений, или теории выбора принятием решений.

По мысли авторов, назрела необходимость структуризации, упорядочивания самого концепта «принятие решений», для чего следует выделить этапы данного процесса как вида мыслительной деятельности и рассмотреть каждый этап более детально.

Итак, в самом процессе «принятия решений» можно выделить три главных этапа:

1. выработку решений;
2. оценку выработанных решений;
3. выбор (отбор) из выработанных и оцененных одного или нескольких решений.

Рассмотрим пока тезисно этапы процесса принятия решений (в докладе будут приведены развернутые таблицы), проведем концептуальное рафинирование самого концепта по выделенным этапам.

Этапы процесса принятия решений

Первый этап самого мыслительного процесса «принятие решений» очевиден. Прежде чем решение принять, нужно его сначала сгенерировать, выработать.

Второй этап — аксиологический — выработанные решения так или иначе оцениваются ЛПП (лицом, принимающим решения) по нескольким критериям, к примеру: по применимости, по результативности, эффективности, этичности, оперативности и проч., в зависимости от условий и задач принятия решений.

На заключительном третьем этапе из выработанных и оцененных решений выбираются, точнее, отбираются, наиболее предпочтительные. Поэтому, на наш взгляд, точнее называть этот этап — отбор оцененных решений, поскольку отбор предполагает многокритериальный индивидуальный выбор.

Таким образом, концептуальное рафинирование теорий принятия решений сводится к концептуальному рафинированию самого концепта принятия решений, а также последовательному рафинированию теорий выработки решений, оценки решений и отбора решений. На каждом из этапов рафинирования выявляются основные «узкие места», присущие рафинируемым теориям и предлагаются возможные пути их устранения, то есть «вычищения», рафинирования.

Концептуальное рафинирование концепта «принятие решение»

Произведем концептуальное рафинирование концепта «принятие решений». В современной научной литературе на эту тему чаще всего «принятие решений» ассоциируется с понятием, а точнее, нам думается, с феноменом «управление». Бесспорно, управление как социально-культурный феномен включает в себя аспекты принятия решений, как и, впрочем, сквозь призму принятия решений можно рассматривать и сами модусы феномена управления. Здесь мы согласны с позицией В.С. Диева [4], а также Д.А.Новикова [5], который иногда даже просто называет управление принятием решений. Можно даже сказать, что принятие решений и управление — это разные модусы одного процесса.

Однако существуют и другие, более узкие понимания концепта «принятие решений». Весьма распространенным является отождествление принятия решений и теории выбора и/или теории многокритериального отбора [3]. На наш взгляд, это является неоправданно узким пониманием

концепта «принятие решений», так в этом случае выработка (генерация) решений как когнитивный процесс элиминируется. Именно поэтому такое понимание является некорректным и запутывающим. Таким образом, основные aberrации в понимании концепта «принятие решений» связаны, во-первых, с отсутствием не только общепринятого, но и вообще хоть сколько-нибудь внятного разделения всевозможных узких и широких трактовок этого понятия. А во-вторых, с элиминированием выработки решений как когнитивного процесса в угоду математикоцентризму в теориях принятия решений.

Концептуальное рафинирование концепта «выработки решений». Произведем концептуальное рафинирование теорий выработки решений. Процессы выработки решений можно разделить по пяти уровням сложности решения задач и двум основным языкам — вербальному и формально-математическому [6]. Основная aberrация в теориях выработки решений состоит в том, что должное распространение получают методы/инструменты, предназначенные для решений задач «среднего» уровня сложности — в основном III уровня, IV — встречается редко. Что касается V уровня [7], то он представлен скорее в концепциях с мистической компонентой. Устранение (рафинирование) этой aberrации связано, как видится авторам, с развитием/популяризацией методов, содержащих в своей основе интенсификацию диалектического снятия.

Концептуальное рафинирование концепта «оценки решений». Произведем концептуальное рафинирование теорий оценки решений. Основной aberrацией здесь является часто неуместный «математикоцентризм». «Делание науки» здесь в основном осуществляется за счет теорий нечетких множеств/логик, однако такое оценивание не приводит к появлению преимуществ над тривиальным ходом мысли. Рафинирующим решением в данном случае может служить отказ в прикладной науке от математико-образных построений в пользу эмпирических и эвристических наработок по экспертным оценкам.

Концептуальное рафинирование концепта «отбора решений». Произведем концептуальное рафинирование теорий отбора решений из набора уже выработанных и оцененных решений, также часто страдающих «математикоцентризмом». Основными инструментами этих спекуляций являются понятие математической функции, использование континуальных множеств взамен конечным, что позволяет привлекать «конвенционально уважаемый», «серьезный» математический аппарат (например, топологию). Однако такие построения зачастую не приводят (в редких случаях приводят) к появлению преимуществ над тривиальным ходом мысли. Решением в данном случае может быть «вычищение» всего концептуального аппарата теории многокритериального отбора.

Заключение

Процедура упорядочения, структурирования научных построений, а именно теорий принятия решений названа авторами концептуальным рафинированием, поскольку также позволяет «вычищать» тезаурус научных работ, избавляться от ставших рудиментами терминологических конструктов. В самом процессе «принятия решений» как мыслительной деятельности авторы выделяют три этапа: выработку решений; оценку выработанных решений; выбор, точнее, отбор из выработанных и оцененных одного или нескольких решений. По мысли авторов, концептуальное рафинирование теорий принятия решений заключается в концептуальном рафинировании самого концепта принятия решений, а также последовательном рафинировании теорий выработки решений, оценки решений и отбора решений. На каждом из этапов рафинирования выявляются основные «узкие места», присущие рафинируемым теориям и предлагаются возможные пути их устранения. В статье приведены основные положения по теме исследования, таблицы, схемы и наглядные примеры будут представлены в докладе.

Литература

1. *Пелпенко А.А.* Постигание культуры. Ч. 1. Культура и смысл. М.: Роспен, 2012.
2. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М.: URSS, 2014.
3. *Подиновский В.В., Ногин В.Д.* Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Наука, 1982.
4. *Диев В.С.* Управление. Философия. Общество // *Вопр. философии.* 2010. № 8.
5. *Новиков Д.А.* Методология управления. М.: Либроком, 2011.
6. *Салтыков С.А., Русяева Е.Ю.* Упорядочивание «инструментов» решения задач социально-экономического управления // *Труды XII Всероссийского совещания по проблемам управления (ВСПУ XII, Москва, 2014).* С. 5806–5812.
7. *Салтыков С.А., Сидельников Ю.В., Русяева Е.Ю.* Свойства методов решения сложных задач // *Экономические стратегии.* 2013. № 7. С. 98–103.

Время, которое мы выбираем: парадоксы времени

У человека в несколько раз больше времени, чем его есть в наличии. Это есть первый парадокс времени и отнюдь не единственный. Во-вторых, человек живет не в астрономическом времени, вернее не только в нем. Этот «фокус со временем» нельзя свести к утверждению, что «времени нет», и потому как это всего лишь «психологический феномен». В-третьих, человек никогда не знает, сколько времени ему отпущено, поэтому время бесконечных возможностей с точки зрения вечности имеет конечную ограниченную — органическую, если хотите, — форму хронологии жизненного пути человека от рождения до неожиданной для него самой смерти.

Время, которое человек выбирает, возникает также спонтанно и неосознанно как вдох или выдох, лишь осознанно и произвольно ухватываемо нашим вниманием.

Можно смело утверждать, что человек живет в прошлом, в том, что еще не прошло через него до конца, не расступилось и не исчезло. Человек живет в прошлых своих убеждениях и решениях. Вот, именно вы, сейчас читающий эти слова, приняли решение — в прошлом! — прочитать данную статью и сейчас читаете эти строки. То есть, есть начальное время — «начало», которое закладывает, задает все последующее пространство жизни, событий, свершений. Вы читаете эти строки в пространстве, инициированном прошлым...

Механизм запуска нового времени и/или завершения старого, всегда сценичен как кино. Человек зачастую видит своим внутренним взором где, когда и как меняется его линия жизни. Каким образом? Иногда в тот самый момент, а бывает лишь спустя годы, он осознает, что пачка документов, брошенная ему на стол уходящим из организации коллегой, коренным образом меняет его собственную судьбу. Жизнь после такого события делится на две неравных половины: на ту, что была, например, до, и ту, что началась после...

Человечество отмечает даты таких судьбоносных событий: начало эры кинематографа или запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года. Последнее событие называли началом эры космонавтики, но очевидно, что и эрой экологии: наша планета оказалась «внутри» технического объекта, созданного человеком, и превратилась сама в объект наблюдения. Однако начало экологии было осознано не сразу.

Произведения-события задают новое время новой культуры, новой эпохи. Они порождают ее новый жанр, стиль, содержание, форму и проч. И открывают новые возможности для выбора человеком своего времени.

Задача произведения, открывающего новое время, научить человека управлять: ситуациями, чувствами, временем, что, по сути, значит начать управлять не только жизнью человека, но и планеты в целом.

* * *

Начальное время всегда увеличивает энтропию как пространство возможных физически реализуемых состояний, увеличивает возможность выбора и реализации человека как потенциал для свершений. И только исполнение, реализация замысла создателя покажет как надуманное, придуманное, увиденное войдет в жизнь человека. Предиктивность — предсказанность, предопределенность последующих событий, вот что значит начальное время, запускаемого в произведении-событии.

Произведение-событие — это время начала «социальной профилактики», когда человек предупрежден, обучен, то есть способен справляться с непредсказуемыми, непрожитыми ситуациями. Произведение-событие — это время персональной адресации к человеку, через инструменты «массового показа». Только личностно-ориентированный призыв и программа действий, предусматривающие патисипативность — включенность человека, есть реальное формирование человеком своего будущего. Поэтому произведение-событие должно быть пространством обучения, чтобы обеспечить информированное согласие, участие, вовлеченность в предсказанном направлении.

Известна формула: время — деньги. Из времени, иными словами, извлекается некое благо. В товарно-рыночном обществе оно имеет эквивалент — деньги. А также — получение удовольствия («хорошо провести время») или прибавление ума («можно чему-то научиться»).

Автор предлагает «полную формулу времени человеческой деятельности» (ПФВЧД):

Время = 1) деньги (результат, благо) (+) 2) удовольствие (+) 3) знания, умения, навыки — обучение.

Совмещение заработка, удовольствия от занятия любимым делом и самосовершенствования — задача непосильная для многих, что стало основой бренда коучинга. В нашей формуле символ «+» — это сложение, который помещен в скобки — (+), чтобы придать ему значение комплексности, системного взаимодействия всех составляющих деятельности человека.

В исследовательской лаборатории Резерфорда, всемирно известной впоследствии, сошлись в свое время шесть будущих лауреатов Нобелевской премии. Они собирались по средам за общим столом и обсуждали прошедшую неделю. В конце концов, обнаружили, что разговор крутится вокруг трех вопросов: «Что нового заметили?», «Что нового поняли?» и «Что нового сделали?» Три вопроса Резерфорда — это инструментальный минимум, который помогает включить обучение в тот процесс, в который вы «включены».

Время выбора времени

Время, которое мы выбираем, — персональное время, оно сложно и наполнено разными потоками. Важно понимать, как можно переключаться, переходить из одного времени в другое, и как можно и переходами, и видами времени управлять. Очевидно, речь должна идти об автономной реальности со специфической организованностью, в которой мы можем или не можем сделать то, что хотим. Это — область задач ситуационного анализа и адекватности — личной, инструментальной, организационной и проч.

Видение специфики реальности и времени должны помогать человеку в абстрактном моделировании конкретных сущностей — переводить конкретные задачи саморазвития и практики в общий вид. Понимание принципов, закономерностей и приемов помогает избегать чрезмерного знания конкретики. И, одновременно, помогает решать обратную задачу: заниматься конкретным моделированием абстрактных сущностей: показывать, как опираясь на законы и постулаты теории решать конкретные задачи развития людей, организаций и территорий.

Парадигматический поход, работающий с реальностями, находящимися в отношении порожденности, актуальности, автономности и интерактивности, а именно данные признаки определяют статус виртуальной реальности, но не компьютеры, шлемы «виртуальной реальности» или Интернет и т.п., называется виртуалистика. Родоначальник виртуалистики Н.А. Носов (1952–2002) совместно с О.И. Генисаретским в 1986 году выпустили первую статью о виртуальных психологических реальностях [1]. В 1992 году Носов создал первую лабораторию, а затем и Центр виртуалистики в Институте человека РАН [3].

Есть ли время исправлять ошибки?

Для пользы жизни желательно не тратить время на ошибки. Однако чтобы ошибка считалась ошибкой, человек должен иметь возможность поступать и действовать правильно.

Концепт ошибки, как его понимает виртуалистика, родился в Институте авиакосмической медицины МО СССР на материале изучения ошибочных действий летного состава [2]. Выводы из этого анализа имеют общетеоретическое значение и прямо связаны с временными затратами человека.

Если человек не имеет возможность сделать правильно, то это не ошибка, а вынужденное действие. Далее, для того чтобы ошибка была ошибкой человек должен:

- 1) *знать*, как сделать правильно, иначе это заблуждение;
- 2) *уметь* делать правильно, иначе это проба — пробное действие, социальный эксперимент;
- 3) *иметь намерение* сделать правильно, иначе это преступление: имел возможность, знал как правильно делать, умел это делать, но не стал;
- 4) *иметь волю* сделать правильно, иначе это безволие.

Таким образом, для того чтобы ошибка была ошибкой человек должен быть свободен, знать, уметь и мочь делать правильно. Он должен хотеть сделать правильно, он делал это, и у него не получилось — это и есть время недопущения или исправления ошибок. Время — самореализации человека.

Приведем пример. В авиации ошибка — посадка самолета на фюзеляж. Летчик сажает самолет «на брюхо» будучи полностью уверенным, что шасси выпустил. У летчика возникает феномен неразличения выполненного и невыполненного действия; образа, что в голове, и того что в реальности происходит. Хотели ли бы вы оказаться в самолете, пилот которого решил «покрутить» мысль о самоубийстве не различая, кто он, где он и что он делает?

Ребенок сел на палочку и скачет на ней — для него это лошадка! Лишь у взрослого человека возникает различение того, что во внутреннем мире, и того, что во внешнем. Или не возникает, как у летчика, сажающего самолет на фюзеляж. Феномен неразличения — дар и беда человека. Виртуалистика проливает свет на природу человеческих ошибок, помогает различать ошибки и умысел.

Философия, наука, искусство исследуют возможности различения человеком своего и чужого «хочу — могу — должен — вынужден», которые определены чувствами и эмоциями, отличными от мыслей и волевых актов. Выбирая «свое время» человек попадает в водоворот методологических трудностей представления «своего» пространства. Пространство начального времени требует комплексных, междисциплинарных исследований человека, включая биоэтические и гуманитарные экспертизы современных технологий [4; 5].

Литература

1. *Носов Н.А., Генисаретский О.И.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Труды ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М., 1986. С. 147–155.

2. *Носов Н.А.* Ошибки пилота: психологические причины. М., 1990.

3. *Пронин М.А.* Виртуалистика в Институте человека РАН: история и результаты / М.А. Пронин // Труды иссл. группы «Виртуалистика» Ин-та философии РАН. Вып. 35. М.: ИФ РАН, 2015.

4. *Пронин М.А., Юрьев Г.П.* Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3. М.: ИФ РАН., 2009. С. 205–223.

5. *Юрьев Г.П., Пронин М.А.* Виртуалистика памяти и гуманитарная экспертиза // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3. М.: ИФ РАН., 2009. С. 183–204.

Аннотации

ЧАСТЬ IV

Практики выбора человека: биомедицина, биоэтика, здоровье

Павел Сидоров. Парадигма выбора в интерфейсе системы общественного сознания и ментальных эпидемий

Ментальные эпидемии — контагиозные полимодальные и полиморфные ментальные расстройства и состояния. Феноменологически это синергетическое расширение и растворение исторического конструкта «психических расстройств» в направлении ранних нормативных и пограничных фракталов с уходом от психиатрического «стигматизационного проклятья». Выделены внутренние механизмы индивидуальных выборов, запускающие ментальный эпидемический процесс: деформации сознания и деструкции идентичности, резонанса и индукции, анонимности и автономности, генерализации и расширенного воспроизводства, майндсайта.

Ключевые слова: ментальные эпидемии, механизмы выбора, социогенез, психогенез, этическая диагностика, духовный иммунитет, служба ментального здоровья

Петр Никитенко, Лариса Хрустицкая. Здоровье как осознанный выбор человека в информационном обществе: ноосферный подход

Авторами предлагается рассмотрение проблемы реализации человеком права на выбор с позиции ноосферной экономики, в которой здоровье индивидуума и общества в целом становятся центральной и важнейшей экономической категорией. На первый план выводится проблема здоровья здоровых, его сохранения, поддержания и развития, что обнаруживает и принципиально новые подходы развития медицинской науки и общественного здравоохранения. Представлен интегрированный подход к проблеме здоровья в информационном обществе через развитие самоконтроля как стиля жизни, развития человеком адаптационных способностей и личностных качеств, познания и реализация своей индивидуальной сущности и самоидентификации в социуме.

Ключевые слова: человек, право на выбор, ноосферная экономика, здоровье, информационное общество, самоконтроль, самоидентификация

Игорь Андреев, Лионелла Назарова. Психические зависимости: неудержимое влечение или заболевание мозга?

Ключевым в данной статье является вопрос о природе (этиологии) психических зависимостей: социально-психологической или биолого-генетической. Ответ на

него во многом обуславливает стратегию национального здравоохранения в противодействии этому разрушительному фактору психического здоровья нации.

Ключевые слова: человек, социум, мозг, сознание, поведение, влечение, здоровье, болезнь, психическая зависимость

Елена Ерохина. Биоэтические смыслы этноэкологической экспертизы

Задача этнологической экспертизы, в соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока РФ» (1999), заключается в оценке рисков возможного ущерба от хозяйственной или иной деятельности организаций в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности этих народов. Необходимым элементом ее процедуры являются общественные слушания с участием представителей местных сообществ — общин коренных малочисленных народов, осуществляющих хозяйственную деятельность на территориях их традиционного природопользования.

В статье представлены результаты этносоциологического исследования, посвященного проблеме межэтнических отношений в регионах Сибири. Рассматривается социальное самочувствие, удовлетворенность настоящим и ожидания от будущего представителей коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) и Республики Алтай. Делается вывод о необходимости выделения трех биоэтических аспектов этнологической экспертизы: аксиологического, нормативного и технологического.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, биоэтика, рефлексия, ценности, нормативность, коренные малочисленные народы Севера

Наталья Агеева. Проблема рационализации выбора в контексте эффективности терапевтического сотрудничества врача и пациента

Современный человек помимо прав и свобод имеет массу экзистенциальных проблем. Осуществляя выбор своей деятельности или бездеятельности, беря на себя ответственность или перекладывая ее на чужие плечи, мысля рационально или мифологически, человек сознательно-активно или подсознательно-пассивно сам выбирает свою судьбу. Это актуализирует проблему рационализации выбора в процессе терапевтического сотрудничества врача и пациента, что может быть достигнуто посредством развития критического мышления и способности к самообразованию у обеих сторон.

Ключевые слова: рациональное и мифологическое мышление, терапевтическое сотрудничество, выбор, информированное согласие

Лионелла Назарова. Адаптация школьников младших классов: выбор форм коррекции

Статья посвящена рассмотрению вопросов методологии и медико-социальному анализу состояния психического здоровья московских школьников младших классов.

Ключевые слова: младшие школьники, готовность к обучению, психическое здоровье, психосоматика, диагностика, коррекция, детская биомедицина, школьная биоэтика

***Ирина Новикова, Алексей Новиков.* Особенности личности и курение: существует ли свобода выбора?**

В статье рассматривается проблема личностных факторов курения и роль личности в выборе курения или отказа от него. Дан краткий обзор психологических исследований, в которых изучались мотивы начала курения и личностные особенности курильщиков. Представлены и проанализированы результаты сравнительного исследования агрессивности курящих и некурящих студентов. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что курящие испытуемые в целом имеют более высокий уровень агрессивности по сравнению с некурящими, хотя различия сильнее выражены в женской выборке.

Ключевые слова: свобода выбора, личностный выбор, табакокурение, мотивы курения, агрессивность, личностные черты

***Ольга Сперанская, Ирина Ларина, Диана Раимова.* От привычного курения — к табачной зависимости: проблема поведенческого выбора подростков**

Реализация государственной программы сокращения курения в Российской Федерации невозможна без проведения мероприятий по предупреждению и вторичной профилактике курения подростков.

Ключевые слова: здоровье подростков, курение, поведенческий выбор

***Роман Белялетдинов.* Проблема выбора стратегии философского анализа биотехнологий**

Статья посвящена философско-этическим методам анализа биотехнологий. В современной науке, тесно связанной с обществом, биотехнологии становятся предметом гуманитарного, преимущественно философского исследования. В связи с этим возникают междисциплинарные подходы на основе философии, этики, социологии и философии науки, отражающие многообразие форм представления человека как идеального объекта, социального актора и объекта индивидуального биотехнологического воздействия. В статье анализируются методы биоэтики, исследований науки и технологий (STS), гуманитарной экспертизы и проблема выбора стратегии анализа биотехнологий.

Ключевые слова: биоэтика, биотехнологии, STS, гуманитарная экспертиза

***Ольга Попова.* Телесноориентированные технологии: трансформация интимности**

В статье исследуется феномен «интимных» технологий. Под интимностью подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим

телом, их сближение, в трансгрессивных формах обретающее эротически-сексуальную артикуляцию. Продемонстрированы различные формы сближения технологий и человеческого тела в современном мире и показано, каким образом данные технологии оказывают влияние на формат и нормы социальных взаимодействий. В статье также осуществлена попытка тематизации техновзгляда как особой реальности, порождающей множество социально-этических проблемных зон.

Ключевые слова: интимные технологии, чувствительные технологии, техновзгляд, этика робототехники, конструирование человека

Елена Гребенщикова. Тезис неизбежности в биоэтике

В обсуждении проблем и перспектив улучшения человека все чаще звучит тезис неизбежности. Его сторонники, акцентируя внимание на экономических, политических и психологических факторах, утверждают идеи безальтернативности прогресса биотехнологий и ограниченность социогуманитарных подходов к развитию технонауки.

Ключевые слова: тезис неизбежности, улучшение человека, генетические технологии, биоэтика

Кожеевникова Магдалена. «Моя криошка»: проблема «лишних» эмбрионов в ВРТ

В статье проводится обзор вспомогательно-репродуктивных технологий и связанной с ними этической проблемы производства «лишних» эмбрионов. Рассматриваются решения пар в отношении судьбы их криоконсервированных эмбрионов.

Ключевые слова: ВРТ, замораживание эмбрионов, ЭКО, бесплодие

Ольга Бермант-Полякова. Проблема выбора в конфликте лояльностей

Статья рассматривает концепцию конфликта лояльностей в контексте решения этических вопросов. Работа фокусируется на незаданных вопросах: возможна ли выработка этического решения без тренинга соответствующих умений, какое влияние оказывает личностная структура на индивидуальный выбор, в свете каких обстоятельств личные факторы становятся определяющими и взаимодействуют ли — и насколько успешно — эти факторы в ситуации конфликта лояльностей. Дискуссия уделяет особое внимание двум состояниям: когда в человеке интернализованная этическая установка сталкивается с действиями, вызванными профессиональной позицией, и когда в человеке интернализированные этические установки являются противоречащими друг другу профессиональными позициями. Представлены несколько примеров свехупрощенного и ошибочного этического решения из сферы биоэтики.

Ключевые слова: конфликт лояльностей, этические установки, биоэтика

***Андрей Березанцев, Лионелла Назарова, Игорь Андреев.* Врач или полицейский? Дилемма судебного психиатра**

Авторы исследуют судебную психиатрию под углом зрения этики и социальной философии как междисциплинарный социологический феномен, выходящий за рамки чисто медицинского и правового ее рассмотрения. Анализируются проблемы недобровольной госпитализации и недобровольного лечения при оказании психиатрической помощи и возникающие в связи с этим гуманитарные и морально-этические проблемы. Рассматриваются гуманитарно-антропологические проблемы судебно-психиатрической экспертизы в контексте прав человека и биоэтики. Обсуждаются гуманитарные аспекты принудительного лечения. Авторы приходят к заключению, что социально-философский анализ помогает обозначить закономерности взаимовлияния права и медицины. Делается вывод, что подобный гуманитарно-антропологический подход применительно к судебной психиатрии, дополняет успешно разрабатываемую в ИФ РАН концепцию гуманитарной экспертизы социальных процессов, в контексте принципов и достижений новой науки — биоэтики.

Ключевые слова: этика общей и судебной психиатрии, гуманитарная экспертиза, антропология, биоэтика, права человека, психические расстройства, недобровольность, невменяемость, недееспособность, принудительное лечение

***Наталья Батуева, Андрей Березанцев.* Этнокультуральные аспекты криминальной агрессии у лиц с психическими расстройствами в Республике Бурятия**

В статье обсуждаются проблемы агрессивного поведения лиц с психическими расстройствами с этнокультуральной точки зрения на примере лиц с психическими расстройствами, совершивших агрессивные противоправные действия в республике Бурятия.

Ключевые слова: агрессия, психические расстройства, этнокультуральные механизмы регуляции поведения

ЧАСТЬ V

Философия и методология: пространство принятия решений

***Владимир Диев.* «Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: философские и методологические предпосылки**

Принятие решений рассматривается как междисциплинарная сфера исследований. В ряду философских предпосылок изучения процессов принятия решений, выделены проблемы рациональности, неопределенности и риска. Обращено внимание на существование различных типов неопределенностей в задачах принятия

решений. Представлена методологическая позиция автора, заключающаяся в том, что риск всегда связан с субъектом и решениями, которые тот принимает. Рассмотрена концепция процедурной рациональности в контексте анализа, разработки и выбора решений. Показано значение нормативных моделей для формирования рациональных подходов к принятию решений.

Ключевые слова: междисциплинарность, рациональность, принятие решений, неопределенность, риск, модель, полезность

Владимир Лепский. Субъект выбор: от классики к постнеклассике

В центр внимания проблемы выбора поставлен субъект. Обосновано выделение базовых субъектов выбора в трех типах научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая). Соответственно утилитарный, коммуникативный и стратегический субъекты. Полученные результаты задают основания для анализа эволюции и определения перспективных направлений исследования проблемы выбора.

Ключевые слова: выбор, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, утилитарный субъект, коммуникативный субъект, стратегический субъект, рефлексия, субъектно-ориентированный подход

Елена Никитина. Неявное знание в структуре принятия решений: философско-методологические аспекты

Проблема формирования и функционирования неявных знаний субъекта приобретает актуальность в условиях развития общества знаний, роста внимания к человеческому активу, распространения интеллектуальных систем поддержки принятия решений. Неявные знания и их роль в принятии решений рассматриваются на основе философско-методологических принципов единства индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов и единства сознания, бессознательного и деятельности.

Ключевые слова: неявное знание, принятие решений, единство индивидуального, коллективного и социального субъектов, единство сознания, бессознательного и деятельности

Любовь Бевзенко, Лариса Киященко. Проблема выбора в трансдисциплинарном контексте

В статье предпринята попытка рассмотреть проблему выбора в трансдисциплинарном контексте. Для этой цели рассмотрены условия генезиса данного контекста, трансформации роли традиционных для философии науки понятий этоса науки, позиции выбора субъекта в динамике коммуникативно-познавательных стратегий в трансдисциплинарном проекте.

Ключевые слова: Трансдисциплинарный контекст, трансдисциплинарная матрица, этос науки, позиции выбора, современная философия науки

София Пирожкова. Выбор и знание будущего: от экзистенциальной проблемы к методологии принятия решений

Будущее и его познание играют решающую роль в ситуации выбора. Выбор есть действие, направленное в будущее, а потому определяемое объективными факторами его формирования и его содержанием – частью необходимым, частью вариативным. Сегодня, когда выбор приобретает грозное экзистенциальное звучание не только в плане индивидуального самоопределения, но и рутинных управленческих решений, к прогнозному обеспечению выбора предъявляются особенно высокие требования. В докладе освещаются изменения практики прогнозирования, отвечающие этим требованиям.

Ключевые слова: выбор, проект, знание будущего, научно-техническое развитие, цивилизационные перспективы, прогнозирование, форсайт-подход

Фарида Майленова. Рацио и интуиция в принятии решений

Каждый индивид имеет свою стратегию принятия решений, как правило, неосознаваемую. Практическая психология позволяет сделать ментальные стратегии осознанными, и это важно не только для того чтобы понять, какие существуют этапы выбора, как именно происходит поиск правильного решения, но еще и для того чтобы можно было помочь человеку, который постоянно совершает одни и те же ошибки. Особенно важно знание стратегий принятия решения при совершении жизненно важных выборов. Можно ли помочь человеку, попавшему в ситуацию морального выбора? Видимо, в таких ситуациях недостаточно средств практической психологии, необходимо знание других наук, изучающих психологию морали, а также этику и философию.

Ключевые слова: стратегия принятия решения, этика, психология морали, моральный выбор

Юрий Гранин. Научное познание: выбор и оценка

В статье анализируются процедуры выбора и оценки, их функции в научных исследованиях и научной коммуникации.

Ключевые слова: выбор, познание, оценка, ценность

Сергей Малков. Информационные технологии и их влияние на человека: выбор приоритетов

В статье рассматриваются информационные технологии как носители потенциальных угроз для человека. Проводится их сравнение с биотехнологиями по данному аспекту. Обсуждаются информационные проекты, уже нашедшие реализацию в обществе, такие как использование электронных денег, электронных документов, цифровых видеокамер для наблюдения за людьми и т.д. Обосновывается необходимость гуманитарной экспертизы таких проектов, от чего напрямую зависит образ будущего информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, NBIC-конвергенция, информационные технологии, гуманитарная экспертиза, права человека

Галина Сорина. Коммуникация в пространстве принятия решений

В статье будут проанализированы особенности принятия решений в зависимости от выбранной концептуальной стратегии. Будет показано, что понятия, используемые в коммуникативном пространстве общества, и понятия, используемые в коммуникативном пространстве государства, несмотря на то, что в языке они могут выражаться при помощи одних и тех же слов, по своему содержанию могут оказаться совершенно разными понятиями. В силу этого возникает отдельная задача и по отношению к обществу, и по отношению к государству по организации коммуникативных отношений между сторонами таким образом, чтобы стороны хорошо понимали смыслы тех понятий, которые используются, в частности, при принятии решений в социально-политическом пространстве.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, выбор, принятие решений, информационное пространство, концептуальная стратегия, беженцы, перемещенные лица

Сергей Салтыков, Елена Русяева. Концептуальное рафинирование теорий принятия решений

Проведено упорядочение, структурирование научных построений, а именно, теорий принятия решений. Эта процедура названа авторами концептуальное рафинирование, поскольку также позволяет «вычищать» тезаурус научных работ, избавляться от ставших рудиментами терминологических конструктов. В самом процессе «принятия решений» выделяются три этапа: выработка решений; оценка выработанных решений; выбор из выработанных и оцененных одного или нескольких решений. Концептуальное рафинирование теорий принятия решений сводится к концептуальному рафинированию самого концепта принятия решений, а также последовательному рафинированию теорий выработки решений, оценки решений и отбора решений. На каждом из этапов рафинирования выявляются основные «узкие места», присущие рафинируемым теориям и предлагаются возможные пути их устранения, то есть «вычищения», рафинирования.

Ключевые слова: концептуальное рафинирование, теории принятия решений, выработка решений, оценка решений, отбор решений

Михаил Пронин. Время, которое мы выбираем

В статье рассмотрены парадоксы времени, которое выбирает человек, не всегда осознанно. Дана полная формула времени человеческой деятельности. Рассмотрена природа ошибки в выборе времени с целью гуманитарной экспертизы и биоэтики.

Ключевые слова: время, выбор, знание, деятельность человека

Abstracts

PART IV

Practices of human choice: biomedicine, bioethics and health

Pavel Sidorov. Choice paradigm in the interface of public conscience and mental epidemics.

Mental epidemics are contagious polymodal and multiform mental disorders and conditions. Phenomenologically, it is synergic widening and dilution of the historical construct of «mental disorders» in the direction of early normative and border-line fractals with departure from psychiatric «stigmatizational curse». The ground of mental epidemiology is constituted by normative and permanent anomia and permissiveness of singular and crisis reality. There have been separated internal mechanisms of individual choices initiating mental epidemical processes: deformation of conscience and destruction of identity, resonance and induction, anonymity and self-sustainment, generalization and expanded reproduction, mindsight. There has been described epidemical development from psychic and mental to social and dissociative epidemics. There has been grounded ethical diagnosis as clinical evolution of ethical review. The epidemical approach to the collective choice paradigm gives new content to it as an interface of mental representation of ontogenetic resources of spiritual immunity.

Keywords: mental epidemics, choice mechanisms, sociogenesis, psychogenesis, animogenesis, biogenesis, ethical diagnosis, spiritual immunity, mental health service.

Petr Nikitenko, Larisa Hrustitskaya. Health as a conscious choice of the individual in the information society: noospheric approach.

The authors propose to discuss the human right to exercise a personal choice in the context of the Economics of the Noosphere, where Individual and society health become a central and more important economic and social category. It puts the health of practically healthy persona as a premium problem, as well as its preservation, maintenance and development becomes the most important imperative to medical science and public health care. Present an integrated approach in order to create health- self-control, in the information society as a new lifestyles for the Homo sapiens «institution» to develop its abilities and personal qualities, knowledge and implementation and individual auto-identification.

Keywords: human right, personal choice, Economics of the Noosphere, health, medical science, information society, self-control, auto-identification.

Igor Andreev, Lionella Nazarova. Psychological dependence: an irresistible attraction or the brain disease?

The paper is dedicated to the issue of the nature (etiology) of mental dependency: socio-psychological, or biological-genetic. The answer largely determines the national health strategy in opposing this destructive factor to the mental health of the nation.

Keywords: people, society, the brain, the mind, behavior, libido, health, disease, mental dependence.

Elena Erohina. Bioethical significance of ethnological expertise.

Ethnological expertise is the scientific study of effect of changes of the native habitats of indigenous peoples and socio-cultural situation on ethnos evolution. Its mission, according to Federal Law «On guarantees of the rights of indigenous peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation» (1999), is to evaluate the risks of possible damage caused by economic or other activity of different organizations in the areas of traditional inhabitancy and economic activities. Public hearings with participation of representatives of local communities — communities of indigenous peoples engaged to economic activity in territories of their traditional nature use, — are an essential element of the expertise procedure.

The paper presents the results of ethno-sociological research dedicated to problem of interethnic relations in the regions of Siberia. We consider the social health, satisfaction in the present and expectation from the future by the representatives of indigenous peoples of Khanty-Mansi Autonomous District and the Republic of Altai. We conclude about the need to emphasize three bioethical aspects of technological expertise: axiological, normative and technological.

Keywords: ethnological expertise, bioethics, reflection, values, normativity, indigenous peoples of the North, the Republic of Altai, the Khanty-Mansi Autonomous District.

Nataliya Ageeva. The problem of rationalization of choice in the context of efficiency of therapy cooperation of a doctor and a patient.

A modern human being has not only lots of rights and freedoms, but also has a lot of existential issues. Exercising the choice of action or inaction, taking responsibility or shifting it to others, thinking rationally or mythologically, a human being consciously-actively or unconsciously- passively chooses her own destiny. This fact actualizes the problem of rationalization of choice in the process of therapy cooperation of a doctor and a patient and it can be achieved with the help of critical thinking development and self-education ability of both parties.

Keywords: rational and mythological thinking, therapy cooperation, choice, informed consent.

Lionella Nazarova. Adaptation of schoolchildren: the choice of forms of correction.

The paper is dedicated to methodological problem, and medico-social analysis of the state of mental health of Moscow schoolchildren.

Keywords: younger students, willingness to learn, mental health, psychosomatic medicine, diagnostics, correction, children Biomedicine, school bioethics.

Irina Novikova, Alexey Novikov. Personality traits and smoking: is there freedom of choice?

The problem of the personality factors of smoking and the role of personality in the choice between a smoking and non-smoking is considered in this paper. A brief review of the psychological research, which studied the motives of the smoking initiation and the smokers' personality traits is presented. The comparative study results of the aggression among smokers and nonsmokers students are analyzed. The results confirm the hypothesis that smoking students in general have a higher level of aggression in comparison with the non-smokers, although the differences are more pronounced in the female sample.

Keywords: freedom of choice, personal choice, tobacco smoking, smoking motives, aggression, personality traits.

Olga Speranskaya, Irina Larina, Diana Raimova. From conventional smoking to tobacco dependence: the problem of behavioral choice of teenagers.

The implementation of the state programme for the reduction of Smoking in the Russian Federation is impossible without carrying out of measures on prevention and secondary prevention of Smoking in adolescents.

Keywords: adolescent health, smoking, behavioral choices.

Roman Belyaletdinov. Problem of strategy choice for philosophical analysis of biotechnologies.

The paper is dedicated to the philosophical and ethical methods of research of biotechnologies. In modern science, closely related with society, biotechnologies are subject of humanitarian, mainly philosophical analysis. In this regard, there are a variety of interdisciplinary approaches based on philosophy, ethics, sociology and philosophy of science, reflecting the diversity of forms of representation of a person as an ideal object, social actor and individual subject of biotechnological impacts. The paper analyzes the methods of bioethics, Science and Technology Studies (STS) and humanitarian expertise and problem of choosing a strategy of biotechnology analysis.

Keywords: bioethics, biotechnologies, STS, humanitarian expertise.

Olga Popova. Body-oriented technologies: the transformation of intimacy.

The paper examines the phenomenon of «intimate» technologies. By intimacy it is meant to overcome the distance between technology and the human body, their conver-

gence in transgressive forms finds erotic-sexual articulation. There are shown various forms of convergence technology and the human body in the world today, and the paper shows how these technologies affect the size and rules of social interactions. The paper also strives to theme technological view as a special reality, generating a lot of social and ethical problem areas.

Keywords: intimate technologies, sensitive technologies, technological sight, ethics of robotics, human design.

Elena Grebenshchikova. The inevitability thesis in bioethics

The thesis of inevitability increasingly sounds in the discussion of human enhancement problems and prospects. Its supporters focusing on economic, political and psychological factors, argue for the idea of inevitability of biotechnology progress and the limits of social and humanitarian approaches to technoscience development.

Keywords: the inevitability thesis, human enhancement, genetic technologies, bioethics.

Magdalena Kozhevnikova. My «cryoshka» — the problem of «spare» embryos in assisted reproductive technologies.

The paper reviews assisted reproductive technologies and the related ethical problem of «spare» embryos production. It also considers couples' decisions concerning fate of cryofreezed embryos.

Keywords: assisted reproductive technologies, embryo freezing, IVF, infertility.

Olga Bermant-Polyakova. The problem of choice in the ‘conflicting loyalties’ situation

An article puts concept of the ‘conflicting loyalties’ in the context of the ethical decision-making. The paper focuses on unasked questions: whether it is possible to shape ethical decision without the training in ethical decision-making, how much influence personality structure has on the individual choice, under what circumstances personal factors may become essential and whether — and how far — those factors interplay in the ‘conflicting loyalties’ situation. The discussion highlights two states: when one’s internalized ethical attitude clashes with action stemming from one’s professional position and when one’s internalized ethical attitudes are contradicting professional positions. A few cases of oversimplifications and errors from the bioethics field are presented.

Keywords: conflicting loyalties, ethical attitudes, bioethics

Andrey Berezantsev, Lionella Nazarova, Igor Andreev. A doctor or a police officer? The dilemma for a forensic psychiatrist.

The authors investigate forensic psychiatry from the perspective of ethics and social philosophy as the interdisciplinary sociological phenomenon, which is beyond purely

medical and its legal consideration. Problems of involuntary hospitalization (involuntary commitment) and involuntary treatment are analyzed at rendering of the psychiatric help both arising in this connection humanitarian and moral-ethical problems. Humanitarian -anthropological problems of forensic-psychiatric examination in a context of human rights and bioethics are considered. Humanitarian aspects of diminished responsibility, incapacity and compulsory treatment are discussed. The authors conclude that the socio-philosophical analysis helps to designate laws of interference of the right and medicine. The conclusion is drawn that the similar humanitarian-anthropological approach with reference to forensic psychiatry, supplements successfully developed in Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences the concept of humanitarian expertise of social processes, in a context of principles and achievements of a new science — bioethics.

Keywords: ethics of General and forensic psychiatry, humanitarian expertise, anthropology, bioethics, human rights, mental disorders, involuntary commitment, diminished responsibility, incapacity, compulsory treatment.

***Natalia Batueva, Andrey Berezantsev.* Ethnocultural aspects of criminal aggression in persons with mental disorders in the Republic of Buryatia.**

The paper discusses the problems of aggressive behaviour of persons with mental disabilities from ethnocultural perspective on the example of persons with mental disorders who have committed aggressive illegal actions in the Republic of Buryatia.

Keywords: aggression, mental disorders, ethnocultural mechanisms of regulation of behavior.

PART V

Philosophy and methodology: the space for decision-making

***Vladimir Diev.* Decision-making as a sphere of interdisciplinary research: philosophical and methodological presuppositions**

Decision-making is viewed as a sphere of interdisciplinary research. Among the philosophical premises relevant for studying decision-making processes the author singles out the problems of rationality, uncertainty and risk. Special attention is paid to various types of uncertainty in decision-making tasks. The author's methodological position is that risk is always related to the subject and the decisions they take. The author also considers the conception of procedural rationality in the context of analysis, development and choice of decisions. He shows the importance of normative models for the construction of rational approaches to decision-making.

Keywords: interdisciplinary studies, rationality, decision-making, uncertainty, risk, model, utility

Vladimir Lepskiy. The subject of a choice (from classics to postnonclassics)

Subject is in the center of attention for a problem of a choice. Allocation of base subjects of a choice in three types of scientific rationality (classical, nonclassical and postnonclassical) is proved. Accordingly there are utilitarian, communicative and strategic subjects. The received results specify the bases for the analysis of evolution and definition of perspective directions for research of a problem of a choice.

Keywords: Choice, classical, nonclassical, postnonclassical rationality, the utilitarian subject, the communicative subject, the strategic subject, reflexion, the subject-focused approach

Elena Nikitina. Tacit knowledge in the decision-making structure: philosophical and methodological aspects

The problem of formation and functioning of the tacit knowledge of the subject becomes relevant in the development of the knowledge society, the growing attention to human asset, the proliferation of intelligent systems for decision support. Tacit knowledge and its role in decision-making are considered on the basis of the philosophical and methodological principles of the unity of individual, collective (micro-social) and social (macro-social) of the subject, and the unity of consciousness, the unconscious and activities.

Keywords: tacit knowledge, decision-making, the principle of the unity of individual, collective and social actors, the principle of the unity of consciousness, the unconscious and activities.

Lubov Bevzenko, Larisa Kiyashchenko. Choice problem in the transdisciplinary context

The attempt to consider a choice problem in a transdisciplinary context is made in the article. For this purpose conditions of genesis of this context, transformation of a role of concepts of an ethos of science, traditional for philosophy of science a position of a choice of the subject, of dynamics of communicative and informative strategies in the transdisciplinary project are considered.

Keywords: Transdisciplinary context, transdisciplinary matrix, эрос sciences, choice positions, modern philosophy of science

Sophia Pirozhkova. Choice and knowledge of future: from existential problem to methodology of decision making

Future and knowledge of it play a very important part in situation of choosing. Choice is an act aimed at the future and so is determined by objective factors of its forming and its content is in one aspects contingent, in the other — necessary. Nowadays, when choice have formidable existential significance not only in the context of individual self-determination, but also in the context of routine processes of management of decision-making, special demands for forecasting support of decision procedures are

put forward by the society. The paper is dedicated to consideration of transformation of forecasting, satisfying this new challenge.

Keywords: choice, decision making, project, knowledge of future, scientific and technological development, civilizational perspectives, forecasting, foresight approach.

Farida Maylenova. Rationality and intuition in decision-making processes

Each individual has his own decision-making strategy, which is typically unconscious. Practical psychology can make people aware of the strategies they use, which not only allows us to identify separate phases of making a choice, but also helps people who repeat same mistakes over and over. It's even more important with life-changing decisions. Can you help someone in a situation of moral choice? Apparently, in these situations practical psychology tools are not enough, and you need a broad knowledge of moral psychology, ethics and philosophy.

Keywords: decision-making strategy, ethics, moral psychology, moral choice

Yuri Granin. Scientific knowledge: choice and assessment

The paper analyzes the procedures of a choice and assessment, their functions in scientific researches and scientific communication.

Keywords: choice, knowledge, assessment, value

Sergey Malkov. Information technologies and their impact on human being

Information technologies are considered as potential dangers for the Man and are compared to biotechnologies from this point of view. Some specific social-information projects are discussed, e.g. using of electronic money, electronic documents, electronic identities, digital video-cameras employed for surveillance over people and so on. The necessity of humanitarian expert review of such projects is demonstrated. It can influence all the prospect of future information society.

Keywords: information society, NBIC-converging, information technologies, humanitarian expert review, Human rights

Galina Sorina. Communication in the Decision-Making Space

A specifics of decision-making depending on the selected conceptual strategy is analyzed in the paper. It is shown that the terms used in the communication space of the society and the terms used in the communication space of the state can be apparently different in their meanings despite the fact that they can be expressed with the use of the same words in the language. This leads to the necessity for the society and the state to arrange communication relations between the parties in the way that would ensure clear understanding of the meanings of the terms, which are used in particular in the decision-making process in the sociopolitical space.

Keywords: communication space, choice, decision-making, information space, conceptual strategy, refugees, displaced people

Saltykov Sergey, Elena Rusjaeva. Conceptual refinement of the theories of decision-making

Streamlining, structuring scientific constructions, namely, decision theories is carried out. This procedure is called by authors conceptual, refinement as it allows to «clean» the thesaurus of scientific works, and also to get rid of the rudimentary terminological constructs. In the process of «decision-making» three stages are allocated: development of decisions; an assessment of the developed decisions; a choice from the developed and estimated one or several decisions. Conceptual refinement of decision theories is reduced to conceptual refinement of the concept of decision-making, and also consecutive refinement of decision theories, an assessment of decisions and selection of decisions. On each of stages of refinement the main «bottlenecks» inherent in the refined theories come to light and possible ways of their elimination, that is «cleaning out», refinement are offered.

Keywords: conceptual refinement, decision theories, development of decisions, assessment of decisions, selection of decisions

Mikhail Pronin. The time which we choose

In the paper, paradoxes of time, which is chosen by the person not always consciously, are considered. The full formula of time in human activity is given. The nature of mistakes in choosing a time for the purpose of humanitarian examination and bioethics is considered.

Keywords: time, choice, knowledge, human activities

Авторы

ЧАСТЬ IV

Практики выбора человека: биомедицина, биоэтика, здоровье

Агеева Наталия Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ростовского государственного медицинского университета (Ростов-на-Дону). E-mail: nataliya.ageeva@mail.ru

Андреев Игорь Леонидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН (Москва). E-mail: iglandreev@mail.ru

Батуева Наталья Григорьевна — врач, судебно-психиатрический эксперт ГБУЗ «Республиканский психоневрологический диспансер» (Улан-Удэ, Республика Бурятия). E-mail: berintend@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич — доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной и судебной психиатрии ИПО Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (Москва). E-mail: berintend@yandex.ru

Беялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН (Москва). E-mail: airfind@gmail.com

Бермант-Полякова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, судебный психолог (Модиин, Израиль). E-mail: office_dr_olga@mail.ru

Гребенщикова Елена Георгиевна — доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН (Москва). E-mail: elenag@rffh.ru

Ерохина Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН (Новосибирск). E-mail: leroh@mail.ru

Кожевникова Магдалена — кандидат философских наук, выпускница Варшавского университета (Польша), этнолог, культурный антрополог, биоэтик, на-

учный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН (Москва).
E-mail: kmagdalena@yandex.ru

Ларина Ирина Георгиевна — врач-психотерапевт БУЗ ВО Воронежский областной клинический наркологический диспансер (Воронеж). E-mail: speranskaya08@mail.ru

Назарова Лионелла Николаевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной и судебной психиатрии ИПО Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава РФ (Москва). E-mail: lnln@hotmail.ru

Никитенко Петр Георгиевич — академик НАН Беларусь, профессор, доктор экономических наук (Минск, Беларусь). E-mail: hrustitskaya@list.ru

Новикова Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН (Москва). E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Новиков Алексей Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания РУДН (Москва). E-mail: novikov_al@pfur.ru

Попова Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН (Москва). E-mail: j-9101980@ya.ru

Сидоров Павел Иванович — академик РАН, Северный государственный медицинский университет Минздрава РФ (Архангельск). E-mail: ravelsidorov13@gmail.com

Сперанская Ольга Ивановна — доктор медицинских наук, руководитель отделения ФГБУ ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава РФ (Москва). E-mail: speranskaya08@mail.ru

Раимова Диана Фидельевна — врач-психотерапевт ГАУЗ «Республиканский наркологический диспансер» Минздрава Республики Татарстан. E-mail: speranskaya08@mail.ru

Хрустицкая Лариса Борисовна — соискатель кафедры маркетинга УО Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь). E-mail: hrustitskaya@list.ru

Раздел V
Философия и методология:
пространство принятия решений

Бевзенко Любовь Дмитриевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, (Киев, Украина). E-mail: lbevzenko@gmail.com

Гранин Юрий Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва). E-mail: maily-granin@mail.ru

Диев Владимир Серафимович — доктор философских наук, профессор, декан философского факультета НГУ, ведущий научный сотрудник ИФПР СО РАН (Новосибирск). E-mail: diev@smile.nsu.ru

Киященко Лариса Павловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва). E-mail: larisaki@rfh.ru

Лепский Владимир Евгеньевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития ИФ РАН (Москва). E-mail: lepsky@tm-net.ru

Майленова Фарид Габделхаковна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН (Москва). E-mail: Farida.mailenova@mail.ru

Малков Сергей Максимович — младший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН (Москва), зав. отделом философии и религии журнала «Человек». E-mail: malkov@nm.ru

Никитина Елена Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии МИРЭА (Москва). E-mail: nikitina@mirea.ru

Пирожкова София Владиславовна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания ИФ РАН (Москва). E-mail: pirozhkovasophia@mail.ru

Пронин Михаил Анатольевич — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» ИФ РАН (Москва). E-mail: virtus@mail.ru

Русяева Елена Юрьевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИПУ им. В.А. Трапезникова РАН (Москва). E-mail: 1779624@mail.ru, rusyaeva@ipu.ru

Салтыков Сергей Анатольевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИПУ им. В.А. Трапезникова РАН (Москва). E-mail: sergey.saltykov@gmail.com

Сорина Галина Вениаминовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), научный руководитель Научно-образовательного центра (НОЦ) философского факультета «Философско-методологическое проектирование и принятие решений». E-mail: gsorina@mail.ru

Научное издание

**Человек перед выбором в современном мире:
проблемы, возможности, решения**

Материалы Всероссийской научной конференции
27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва)

В трех томах
Том 3

Под редакцией М.С. Киселевой

Утверждено к печати
Ученым советом
Института философии РАН

Компьютерная верстка и макет 1–3 томов:
Г.О. Нефедова

Издательство «Научная мысль»
Подписано в печать 20.11.2015
Формат 60 × 90/16
Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 18,0
Усл. печ. л. 1–3 т. 53,0. Уч.-изд. л. 1–3 т. 60,0
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано
в ГУП ППП «Типография “Наука”» АИЦ «Наука» РАН
121099, Москва, Г-99. Шубинский пер., д. 6